

ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

№ 4 (61) 2020

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Компьютерная верстка
Савеличев М.Ю.
Корректор
Игнашина А.А.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» – Я6743
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
117105, Москва, Варшавское ш., д. 23, каб. 203
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
<http://ideka.ru>
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL
MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

В НОМЕРЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ,
Трибуна молодого ученого

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.
При перепечатке ссылка на журнал
«Вестник Академии права и управления» обязательна.
Журнал отпечатан в типографии «Юника»,
тел. 8 (343) 364-55-24

Подписано в печать 10.02.2021. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 10,11.
Печать цифровая. Заказ № 495 от 15.02.2021 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201

12+

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Юлия Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха Петр Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, заведующий кафедрой Экономической теории, Московский государственный областной университет.

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов Станислав Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Кузнецов Петр Уварович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалеев Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;

Нарутто Светлана Васильевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Полякова Татьяна Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, заведующая Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации третьего класса, почетный работник юстиции;

Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;

Краснова Кристина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

Чернявский Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны РФ;

Тарасов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян Арман Юрьевич, заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;

Шеремет Игорь Анатольевич, доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора по науке, Российский фонд фундаментальных исследований, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Воронцова Елена Владимировна, Воронцов Андрей Леонидович, ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	
Elena V. Vorontsova, Andrey L. Vorontsov, FORMATION OF A LEGAL MECHANISM OF QUALITY AND SAFETY OF FOOD PRODUCTS IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION.....	5
Дорофеев Игорь Николаевич, КРИМИНАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ПРИЧИНА ОСТРОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	
Igor N. Dorofeev, CRIMINAL ENVIRONMENT AS THE CAUSE OF ACUTE SOCIAL CONFLICT IN RUSSIAN SOCIETY	11
Королева Екатерина Артуровна, ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА, ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ	
Ekaterina A. Koroleva, ISSUES OF RATIO OF LAW, POLITICS AND ECONOMY IN THE RUSSIAN STATE.....	18
Чернявский Александр Геннадьевич, ЛОЖНЫЙ ДУАЛИЗМ ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПРАВА	
Alexander G. Chernyavsky, FALSE DUALISM OF NATURAL AND POSITIVE LAW	24
Яковлева Анастасия Анатольевна, Кленкина Ольга Валерьевна, Шиханова Елена Геннадьевна, ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕРТВ ТЕРАКТОВ: АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА РАЗНЫХ СТРАН	
Anastasia A. Yakovleva, Olga V. Klenkina, Elena G. Shikhanova, LEGAL STATUS OF VICTIMS OF TERRORIST ATTACKS: ANALYSIS OF LEGAL SOURCES IN DIFFERENT COUNTRIES	31

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Гурина М.А., Шурупова А.С., ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В КОНТЕКСТЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР: ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	
M.A. Gurina, A.S. Shurupova, RESEARCH OF INFORMATION OPENNESS OF THE PUBLIC SPHERE IN THE CONTEXT OF THE QUALITATIVE CHANGES IN THE RELATIONSHIP OF SOCIETY AND STATE STRUCTURES: LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS	39
Кадыров Рамиль Харисович, Гостев Александр Николаевич, Демченко Татьяна Сергеевна, ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ	
Ramil H. Kadyrov, Alexander N. Gostev, Tatyana S. Demchenko, COMMUNITY INCENTIVE MECHANISMS FOR POLICE OFFICERS	44
Кузьмин Илья Александрович, СТАРТАПЫ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	
Ilya A. Kuzmin, STARTUPS AS A DRIVER OF THE RUSSIAN ECONOMY DEVELOPMENT	55

Лисова Екатерина Валерьевна, ВОЗМОЖНОСТЬ КОРРЕКТИРОВКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ ПРАКТИКИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ	
Ekaterina V. Lisova, POSSIBILITY TO ADJUST THE CURRENT PRACTICE OF ASSESSING THE SOCIAL DEVELOPMENT OF REGIONS.....	61
Салихов Борис Варисович, ИМПЕРАТИВЫ «СДВИГА ПАРАДИГМЫ» В ИССЛЕДОВАНИИ УСТОЙЧИВОГО И НЕУСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ЧАСТЬ I)	
Boris V. Salikhov, THE IMPERATIVES OF A «PARADIGM SHIFT» IN THE STUDY OF SUSTAINABLE AND UNSUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT (PART I).....	67

Трибуна молодого ученого

Туманян Гарник Вагинакович, О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ПЕРИОДЫ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ. ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА СОЦИЕТАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ	
Garnik V. Tumanyan, ON THE ACTIVITIES OF GOVERNMENTS DURING GLOBAL CRISES. INFLUENCE COVID-19 AT THE SOCIETAL CHANGES IN THE INTERNAL POLICY.....	74

Воронцова Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства, ФГБОУ ВО Юго-Западный государственный университет, город Курск, proskyrinae@mail.ru

Воронцов Андрей Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры Административного и трудового права, ФГБОУ ВО Юго-Западный государственный университет, город Курск, vorontsov.a.l@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ¹

Аннотация. В статье исследуется развитие организационно-правовых механизмов регулирования качества и безопасности продуктов питания в постсоветской России. Прослеживается трансформация нормативного регулирования данной сферы в направлении ее соответствия международным стандартам и требованиям международных организаций. Отмечаются недостатки современного механизма обеспечения качества и безопасности пищевой продукции. На основе анализа действующей правовой базы и программных документов российского государства выделяются основные тенденции правового регулирования данной сферы.

Ключевые слова: правовое обеспечение качества и безопасности пищевой продукции, организационно-правовой механизм, здоровье, качество и безопасность пищевых продуктов, качественные характеристики пищевой продукции, правовое регулирование, продовольственная безопасность, национальная безопасность, повышение качества жизни россиян общественное здоровье

Elena V. Vorontsova,

PhD in law, Associate Professor of the Department of Financial Law, constitutional, civil and administrative proceedings, Southwest State University, Kursk, proskyrinae@mail.ru

Andrey L. Vorontsov,

PhD in History, Associate Professor of the Department of Administrative and labor law, Southwest State University, Kursk, vorontsov.a.l@mail.ru

FORMATION OF A LEGAL MECHANISM OF QUALITY AND SAFETY OF FOOD PRODUCTS IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS AND WAYS OF SOLUTION

Abstract. The article examines the development of organizational and legal mechanisms for regulating the quality and safety of food in post-Soviet Russia. The transformation of the normative regulation of this area in the direction of its compliance with international standards and the requirements of international organizations is traced. The drawbacks of the modern mechanism for ensuring the quality and safety of food products are noted. Based on the analysis of the current legal framework and policy documents of the Russian state, the main trends in the legal regulation of this area are highlighted.

Keywords: legal support for the quality and safety of food products, organizational and legal mechanism, health, quality and safety of food products, quality characteristics of food products, legal regulation, food safety, national security, improving the quality of life of Russians, public health

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00926.

Качественные и безопасные продукты питания являются одним из необходимых условий для реализации целого ряда национальных интересов и стратегических национальных приоритетов, обеспечивающих национальную безопасность и устойчивое развитие Российской Федерации. Такие национальные интересы как повышение качества жизни россиян, укрепление их здоровья, обеспечение стабильного демографического развития страны не могут быть реализованы без обеспечения продовольственной безопасности в единстве всех ее составляющих, среди которых качество и безопасность продуктов питания являются определяющими факторами здорового развития общества.

Следует отметить, что в Российской Федерации качественным характеристикам пищевой продукции длительное время не уделялось должного внимания. Во многом это было связано с тем, что российское государство в течение всех 90-х и начала 2000-х годов стояло перед необходимостью обеспечения своего населения достаточным количеством продовольствия, что объективно отодвигало проблему его качества и безопасности на второй план. Однако, постепенное решение проблемы продовольственного дефицита, а также снижение показателей общественного здоровья, что являлось прямым следствием низкого качества и безопасности, потребляемых россиянами продуктов питания, заставило российское государство отойти от позиции игнорирования данной проблемы и обратиться к поиску способов ее решения. На сегодняшний день, вопросы обеспечения качества и безопасности пищевой продукции вместе с необходимостью обеспечения продовольственного суверенитета страны являются первоочередными задачами в процессе обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. Дополнительную актуальность данные вопросы приобретают в аспекте обеспечения национальной безопасности страны, поскольку напрямую влияют на перспективы ее гарантирования по целому ряду показателей (направлений).

В механизмах обеспечения качества и безопасности пищевой продукции правовой механизм играет основополагающую роль. Именно он определяет нормативные рамки процесса производства и реализации продукции, а также полномочия контролирующих органов. Именно посредством правового механизма устанавливаются гарантии для потребителей. Таким образом, состояние качества и безопасности пищевой продукции во многом обусловлены состоянием организационно-правового механизма их обеспечения, что объективно должно стимулировать постоянное развитие и совершенствование последнего. В то же время, именно в области правового обеспечения качественных характеристик продуктов питания в нашей стране возникают наибольшие проблемы.

Как нам представляется, подобная ситуация обусловлена всем предшествующим развитием данного правового механизма, в ходе которого он подвергался существенным трансформациям.

Следует отметить, что на протяжении всего советского периода вопросы качества пищевой продукции предельно четко (подробно) регламентировались системой ГОСТов, предусматривающих качественные характеристики для того или иного вида (всех видов) продукции. Отклонения от установленных государством стандартов не допускались и влекли за собой достаточно жесткую юридическую ответственность. При этом к уголовной ответственности государство привлекало лишь за нарушение требований безопасности продукции (ст.157 УК РСФСР от 27.10.1960). Однако, следует учитывать, что в советской юридической доктрине и практике понятие безопасности применительно к продукции самостоятельного значения не имело, оно являлось составной органической частью понятия «качество продукции», и именно качество продукции выступало объектом правового регулирования. При этом в сознании советских граждан (как на бытовом, так и на профессиональном уровнях) требования к безопасности продукции воспринимались как само собой разумеющиеся, т.е. любой пищевой продукт, признанный качественным, априори должен был быть безопасным.

Наступившие с началом 90-х годов коренные изменения в социально-экономическом укладе нашего общества повлекли за собой и трансформацию правовых механизмов в области обеспечения качественных характеристик пищевой продукции. Следуя европейской модели правового регулирования данной сферы, российский законодатель выделил безопасность продукции из общего контекста ее качества, придав безопасности характер самостоятельного требования.

Свое первое легальное определение понятие «безопасность продукции (товара)» получило в Законе РФ от 07.02.1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» [4]. В данном Законе понятие безопасности товара сформулировано как безопасность товара для жизни, здоровья, имущества потребителя и окружающей среды при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации. Как можно заметить, законодатель поставил реализацию требования безопасности к товару (в том числе пищевому товару – прим.авт.) в зависимость от «обычных» условий его использования, хранения, транспортировки, а также утилизации, т.е. на всех стадиях **жизненного цикла** продукции. Кроме того, исходя из определения, товар должен быть безопасен по отношению к широкому кругу объектов **живого и неживого** мира, в качестве которых выступает жизнь, здоровье, имущество потребителей и окружающая сре-

да. При этом, нормативная формулировка понятия «безопасность товара» не раскрывает содержания самого понятия «безопасность». Для законодателя «безопасность товара» - это безопасность товара (работы, услуги) для жизни, здоровья, имущества потребителя и окружающей среды при обычных условиях его использования, хранения, транспортировки и утилизации, а также безопасность процесса выполнения работы (оказания услуги).

Как нам представляется, данный недостаток нормативного определения понятия безопасности, скорее всего, может быть объяснен простой неопытностью (на тот момент) российского законодателя в регулировании вопросов безопасности продукции, как отдельного объекта правового регулирования, а также поспешностью, с которой осуществлялось реформирование нормативно-правовой базы в сфере обеспечения качества и безопасности товаров, в том числе продуктов питания и ее приспособление к изменившимся экономическим условиям.

Расширение ассортимента поступающей в оборот пищевой продукции, а также значительное увеличение объемов продовольственного импорта, сделало систему ранее применявшихся ГОСТов малоэффективной, что привело к ее фактической отмене в 90-е годы. В области правового регулирования качества и безопасности продуктов питания продолжилась тенденция к разделению и дистанцированию данных понятий, чему объективно способствовало отсутствие четких критериев качества, а соответственно и возможностей для его контроля в условиях открытости российского пищевого рынка для иностранных производителей и свободы предпринимательства в области производства и оборота пищевой продукции. Подтверждением этому могут являться положения уже упомянутого нами Закона РФ от 07.02.1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» [4], где в ст.4 установлено право потребителей на качественный товар. При этом, содержание самого термина «качество товара (работы, услуги)» в данном Законе не расшифровывается. В разделе основных понятий Закона РФ от 07.02.1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» данное понятие вообще не указывается.

В то же время законодатель не смог игнорировать понятие качества в рамках установления нормативных основ деятельности по обеспечению качества и безопасности собственно пищевых продуктов. При этом нормативное определение понятия «качество пищевых продуктов» в полной мере отражало сложившуюся правовую тенденцию в данной области отношений. В ФЗ от 02.01.2000 года № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [3] понятие качества было сформулировано предельно обобщенно – совокупность характеристик пищевых продуктов, способных удовлетворять потребности человека в

пище при обычных условиях их использования. По сути, законодатель провозглашал качественным любой продукт, способный удовлетворить простое чувство голода. Предложить более конкретную формулировку в условиях необходимости следовать правилам ВТО, членства в которой Российская Федерация настойчиво добивалась, российский законодатель просто не мог. Иное вступало бы в явный диссонанс с курсом на либерализацию экономических отношений, в том числе в сфере производства и оборота пищевой продукции. Что же касается понятия безопасности пищевых продуктов, то в данном ФЗ оно было сформулировано с использованием критерия «обоснованной уверенности», т.е. безопасность пищевых продуктов – состояние обоснованной уверенности в том, что пищевые продукты при обычных условиях их использования не являются вредными и не представляют опасности для здоровья нынешнего и будущих поколений;

По нашему мнению, «состояние обоснованной уверенности» являлось понятием (достаточно) субъективным, а соответственно не вполне применимым для характеристики собственно продукции. При этом к плюсам данного определения следует отнести указание на отсутствие вреда и опасности для здоровья не только нынешнего, но и **будущих** (выд. авт.) поколений. В этом нам видится очевидная социальная подоплека, которую старался реализовать российский законодатель.

Так или иначе, но реальная ситуация с качеством и безопасностью пищевых продуктов ухудшалась в течение всех 90-х годов, а к началу 2000-х годов стала угрожающей (особенно по алкогольной продукции, колбасным изделиям, сырам и мясным консервам). Этому напрямую способствовали сложившаяся система правового регулирования вопросов качества и безопасности пищевой продукции, которая строилась на унификации отечественных норм с нормами международных стандартов в данной области. Свое законченное юридическое выражение данная тенденция приобрела с принятием ФЗ от 27.12.2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании» [2]. Принятие данного Закона сопровождалось отменой и изменением огромного количества законодательных и иных актов (в том числе Закон РФ от 10 июня 1993 года № 5151-1 «О сертификации продукции и услуг» и Закон РФ от 10 июня 1993 года № 5154-1 «О стандартизации», более 700 Постановлений Правительства Российской Федерации и др. нормативных актов) [8], ранее регулировавших вопросы качества продукции. В целом это означало фактический отказ нашей страны от государственного регулирования данных вопросов, поскольку ФЗ от 27.12.2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании» обязательными требованиями признавал только требования к безопас-

ности. Таким образом, производитель (в том числе производитель пищевой продукции) получал практически полную свободу в вопросах определения качества своих продуктов, что не замедлило сказаться на показателях их энергетической и пищевой ценности. Прилавки российских магазинов были заполнены низкосортной (недоброкачественной) и контрафактной продукцией. Огромное распространение получил фальсификат, выявить который в условиях отсутствия четких критериев качества было крайне затруднительно. К этому следует добавить характерную для того времени неразвитость лабораторной базы и методик исследования пищевой продукции.

В течение длительного периода времени вся система правового обеспечения качества и безопасности пищевой продукции представляла собой односторонний механизм, построенный на соблюдении технических регламентов, регулирующих исключительно вопросы безопасности продукции. Вопросы же качества в такой ситуации были фактически выведены за рамки правовой регламентации, что стало негативно сказываться на показателях общественного здоровья. Возникла очевидная угроза национальной безопасности страны, которую государство уже не могло игнорировать.

Данную проблему Российская Федерация начала решать в рамках обеспечения продовольственной безопасности, актуальность которой стала все более возрастать с увеличением импорта продовольствия и снижением объема отечественного пищевого производства. Зависимость российского продовольственного рынка от поставок зарубежной продукции становилась все более очевидной, и это вынудило наше государство предпринять решительные, масштабные меры по расширению собственного производства продуктов питания. В сфере пищевого производства, как и в других сферах, стала осуществляться политика импортозамещения, чему дополнительно способствовали экономические санкции западных государств в отношении России. В контексте исследования нашей темы важно отметить, что именно с низким (зачастую, никак не контролируемым) качеством продукции, поставляемой из-за рубежа, большинство исследователей связывали основные риски, возникающие на российском продовольственном рынке. Однако, замещение тех или иных ранее импортируемых пищевых товаров продуктами российского производства само по себе не сняло проблемы их низкого качества и безопасности, а соответственно не сняло угроз общественному здоровью и как следствие – угроз национальной безопасности в данной сфере. Более того, необходимость быстрого наращивания объемов отечественного производства провоцировала возникновение рисков в области качества пищевой продукции, исходящей уже от российского про-

изводителя. На это мы уже обращали внимание в наших публикациях [6; 7]. При этом, кардинально изменить неблагоприятную ситуацию в области качества и безопасности пищевой продукции не позволял действующий в данной сфере организационно-правовой механизм, сосредоточенный на обеспечении только требований безопасности продукции. В этом смысле действующая в Российской Федерации нормативно-правовая база была максимально гармонизирована и унифицирована с международными стандартами в области обеспечения безопасности пищевой продукции (в том числе с правилами ВТО и ЕАЭС), однако фактически не создавала никаких гарантий в области обеспечения ее качества.

Определенные надежды в этом плане связывались с принятием нового ФЗ от 29.06.2015 года № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» [1]. Однако, данный Закон никоим образом не изменил вектор правового регулирования сферы обеспечения качества и безопасности пищевой продукции – соблюдение требований стандартов (т.е. требований к качеству) по-прежнему остается добровольным.

В тоже время, решение проблемы качества пищевой продукции вышло на концептуальный уровень. В середине второго десятилетия XXI века в Российской Федерации наконец-то была осознана необходимость построения национальной системы управления качеством пищевой продукции. Основой для формирования данной системы стала принятая в 2016 году Стратегия повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года [5]. Своими целями данный документ провозгласил обеспечение качества пищевой продукции как важнейшей составляющей укрепления здоровья, увеличения продолжительности и повышения качества жизни населения, содействие и стимулирование роста спроса и предложения на более качественные пищевые продукты и обеспечение соблюдения прав потребителей на приобретение качественной продукции. Достижение данных целей предусматривалось путем реализации целого ряда задач, первой из которой была указана задача совершенствования и развития нормативной базы в сфере качества пищевой продукции. Кроме того, предполагалось совершенствование государственного регулирования в части обеспечения государственного контроля (надзора) за качеством пищевой продукции и применения мер юридической ответственности за несоблюдение требований к качеству, создание единой информационной системы прослеживаемости пищевой продукции и ряд других задач.

В рамках совершенствования нормативной базы Стратегией предусмотрено установление **обязательных** (выд.авт.) требований к качеству пищевой продукции. В целях повышения качества жизни и со-

хранения здоровья российских граждан предполагается правовое регулирование вопросов качества пищевых продуктов в рамках действующей системы технического регулирования. Согласно Стратегии показатели качества должны быть внесены в технические регламенты на отдельные виды пищевой продукции. Указанные нами программные положения говорят о принципиальном изменении позиции российского государства в области правового обеспечения качества и безопасности продуктов питания. Показатели качества пищевой продукции должны иметь одинаковый юридический статус с показателями ее безопасности. Это станет действительно гарантией реализации прав граждан в продовольственной сфере, а соответственно будет способствовать сохранению и укреплению их здоровья, повышению их трудовой активности и возможности находиться в профессии.

Не будем забывать, что указанные нами положения Стратегии имеют программный характер. Для их реализации понадобится масштабная организационно-техническая и законодательная работа. В настоящее время огромные сложности вызывает разработка методов оценки показателей качества пищевой продукции, с точки зрения их соответствия целям приобретения и заявленным потребительским свойствам, разработка критериев идентификации для тех или иных видов пищевой продукции и другие аспекты организационно-правового обеспечения ее качественных характеристик. Скажем прямо, успехи в данном направлении пока незначительные. Тем не менее, определенные сдвиги в плане совершенствования исследуемого нами правового механизма все же есть. Под влиянием концептуальных подходов, обозначенных в Стратегии, законодатель изменил нормативное содержание понятия «качество пищевых про-

дуктов» в основополагающем в данной сфере правовом акте – ФЗ от 02.01.2000 года № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [3]. Теперь определение данного понятия звучит как совокупность характеристик безопасных пищевых продуктов, отвечающих требованиям, установленным в соответствии с законодательством Российской Федерации, условиям договора, образцу, документам по стандартизации, технической документации, определяющим их потребительские свойства, пищевую ценность, аутентичность, сортность (калибр, категорию и иное), и удовлетворяющих физиологические потребности человека. Не анализируя всех содержательных элементов данного определения, обратим внимание на включение понятия безопасности в состав характеристик пищевой продукции, образующей ее качество (при этом определение понятия безопасности пищевых продуктов в данной редакции ФЗ отсутствует).

Таким образом, на данном этапе модернизации нормативно-правовой базы в области качества и безопасности пищевой продукции имеет место попытка объединения ранее дистанцированных друг от друга понятий, а соответственно и механизмов обеспечения в рамках единого правового механизма обеспечения качества и безопасности пищевой продукции. Пока это сделано только на уровне операционных понятий данного механизма, однако есть основания предполагать, что отмеченная нами интеграционная тенденция возобладает. Как нам представляется, данный путь развития правовой системы обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов является наиболее оптимальным с точки зрения создания гарантий осуществления прав граждан в продовольственной сфере, а следовательно является наиболее верным.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стандартизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.07.2015. № 27. ст. 3953.
2. Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О техническом регулировании» // Собрание законодательства РФ. 30.12.2002. № 52 (ч. 1). ст. 5140.
3. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Российская газета. №5. 10.01.2000.
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 31.07.2020) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 09.04.1992. № 15. ст. 766.
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.06.2016 № 1364-р «Об утверждении Стратегии повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 11.07.2016. № 28. ст. 4758.
6. *Воронцов А.Л., Воронцова Е.В.* Достоверная информация о товаре как гарантия обеспечения его качества в условиях политики импортозамещения // Сборник материалов научно-практической конференции «Информационная безопасность граждан, общества, государства: правовые аспекты». Курск, 2016. С. 29-33.
7. *Воронцова Е.В., Воронцов А.Л.* Проблемы обеспечения продовольственной безопасности России: анализ актуальных вопросов в контексте политики импортозамещения // Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева. «Потребительский рынок: качество и безопасность товаров и услуг». Орел, 2019. С. 394-398.

8. Гельман М. Распиливание бюджетных средств по Закону «О техническом регулировании» // Промышленные ведомости. 2008. №5-6. <https://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1463&nomer=51>

References

1. Federal'nyj zakon ot 29.06.2015 № 162-FZ (red. ot 03.07.2016) «O standartizacii v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 06.07.2015. № 27. st. 3953.
2. Federal'nyj zakon ot 27.12.2002 № 184-FZ (red. ot 28.11.2018) «O tekhnicheskom regulirovanii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 30.12.2002. № 52 (ch. 1). st. 5140.
3. Federal'nyj zakon ot 02.01.2000 № 29-FZ (red. ot 13.07.2020) «O kachestve i bezopasnosti pishchevyh produktov» // Rossijskaya gazeta. №5. 10.01.2000.
4. Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 (red. ot 31.07.2020) «O zashchite prav potrebitelej» // Vedomosti SND i VS RF. 09.04.1992. № 15. st. 766.
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.06.2016 № 1364-r <Ob utverzhdenii Strategii povysheniya kachestva pishchevoj produkcii v Rossijskoj Federacii do 2030 goda> // Sobranie zakonodatel'stva RF. 11.07.2016. № 28. st. 4758.
6. Voroncov A.L., Voroncova E.V. Dostovernaya informaciya o tovare kak garantiya obespecheniya ego kachestva v usloviyah politiki importozameshcheniya // Sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii «Informacionnaya bezopasnost' grazhdan, obshchestva, gosudarstva: pravovye aspekty». Kursk, 2016. S. 29-33.
7. Voroncova E.V., Voroncov A.L. Problemy obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii: analiz aktual'nyh voprosov v kontekste politiki importozameshcheniya // Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.S. Turgeneva. «Potrebitel'skij rynek: kachestvo i bezopasnost' tovarov i uslug». Orel, 2019. S. 394-398.
8. Gel'man M. Raspilivanie byudzhetnyh sredstv po Zakonu «O tekhnicheskom regulirovanii» // Promyshlennye vedomosti. 2008. №5-6. <https://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=1463&nomer=51>

Дорофеев Игорь Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права и процесса,
АНО ВО Открытый гуманитарно-экономический университет, Москва,
idor1965@yandex.ru

КРИМИНАЛЬНАЯ СРЕДА КАК ПРИЧИНА ОСТРОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье проанализированы факторы, обуславливающие высокий уровень криминализации российского общества. Одной из причин негативных тенденций является существование в России криминальной среды и криминальной субкультуры. Автор на основе результатов собственного исследования рассмотрел проблематику взаимоотношений представителей криминальной субкультуры и священнослужителей русской православной церкви.

Ключевые слова: криминальная среда, криминальная субкультура, лидеры преступного мира России, коммуникация церкви и представителей криминалитета.

Igor N. Dorofeev,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure,
Open Humanitarian and Economic University, Moscow,
idor1965@yandex.ru

CRIMINAL ENVIRONMENT AS THE CAUSE OF ACUTE SOCIAL CONFLICT IN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. The article analyzes the factors that determine the high level of criminalization of Russian society. One of the reasons for the negative trends is the existence of a criminal environment and criminal subculture in Russia. The author has examined the problems of relations between representatives of the criminal subculture and the clergy of the Russian Orthodox Church based on the results of his own research.

Keywords: criminal environment, criminal subculture, leaders of the Russian underworld, communication between the Church and representatives of the criminal community

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, являясь базовым документом стратегического планирования, декларирует основные цели, задачи и меры устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу. Стратегия определяет, что состояние национальной безопасности страны напрямую обусловлено степенью реализации комплекса стратегических национальных приоритетов. В качестве одного из основных приоритетов рассматривается обеспечение общественной безопасности, угрозой которой представляют деятельность преступных организаций и группировок [1].

Криминальная среда и криминальная субкультура в России оказывает негативное влияние на поступательное развитие российского общества. Функционирование «криминальной общины» можно рассматривать как реальную угрозу общественной безопасности государства и как фактор криминализации экономики, активно формирующий ее криминальный и теневой сегмент [2; 4].

В научной литературе под криминальной средой понимается относительно устойчивая часть асоциальной среды, источником существования и воспроизводства которой являются доходы, получаемые от преступной и иной противоправной деятельности [2].

Под криминальной субкультурой рассматривается разновидность маргинальной (асоциальной) субкультуры, представители которой строго придерживаются принятых в криминальном (преступном) мире ценностей, образа жизни, правил поведения, ограничений, запретов, обеспечивающих обособленность и устойчивость криминальной среды.

К представителям криминальной субкультуры относятся лица, которые живут в условиях закрытого авторитарного сообщества (криминальной общины). Они придерживаются строгих канонов внешнего и внутреннего взаимодействия и общения, характеризующихся особыми психологическими, нравственными и этическими установками и правилами, обяза-

тельными к исполнению всеми участниками сообщества. Этим криминальная субкультура отличается от различных организованных преступных групп и сообществ, которые не позиционируют себя приверженцами «воровских обычаев и традиций». Иными словами не каждый ранее судимый может причислить себя к «воровскому миру», и не факт, что признанный представитель криминальной субкультуры имел факты прохождения «преступных университетов».

В теории широкое использование получил метод многофакторного подхода, который позволяет более полно охарактеризовать изучаемое явление. В этой связи автор считает целесообразным кратко рассмотреть общие факторы, обусловившие высокий уровень криминальных процессов, происходящих в российском обществе.

В 90-е годы прошлого столетия, со сменой социалистической формации, произошли кардинальные изменения не только в экономике, но и в идеологии государства. Слом старой экономической модели и последующее построение «невнятной капиталистической», неминуемо отразился на изменении общественного сознания россиян, в том числе на нравственно-этических основах российского общества. Идеология индивидуализма, потребления, личного обогащения стали превалирующими ориентирами. Пример стяжательства стал демонстрировать не вновь народившийся класс предпринимателей, а представители власти и чиновники различных уровней, которые развернули беспрецедентное разворывание общественной собственности на средства производства.

Мощнейшая экономика СССР, сформированная десятилетиями, в условиях сталинского ГУЛАГа, в том числе за счет «дармового труда» репрессированных и осужденных, была приватизирована (поделена) не в результате действия рыночных механизмов и работы эффективных собственников, а в ходе «криминального дележа» собственности между узким кругом чиновников и лиц, приближенных к власти. По этой причине такой передел не вызывал в российском обществе масштабного социального протеста. [3]

Так, пятьсот крупнейших приватизированных предприятий России стоимостью не менее 200 млрд долл. были реализованы за 7,2 млрд долл. [4]

С 1992 года в России фиксируется появление принципиально новых видов преступлений экономической направленности, которые ранее не были характерны для плановой социалистической экономики – рейдерство, обналичивание, банковские и финансовые мошенничества, использование оффшорной юрисдикции для ухода от налогов, легализация криминальных доходов и др.

Возникшим нравственно-этическим вакуумом воспользовались представители криминальной среды.

Необходимо отметить, что при социализме идеология криминальной субкультуры относилась к категории маргинальной и находилась под строгим запретом.

В новых социально-экономических условиях «криминальный мир» предложил российскому обществу альтернативу капиталистической и религиозной идеологии:

- доступность и понятность восприятия воровского закона (жизнь по понятиям);
- идею социальной справедливости в криминальной среде для всех;
- обеспечение защиты каждого члена криминальной общины от любых проблем;
- возможность находиться среди равных и открыто высказывать свою позицию или точку зрения;
- совместное решение важных вопросов функционирования криминальной общины;
- решение материальных проблем и надлежащее финансовое, материально-техническое обеспечение;
- право на справедливый суд;
- обязательное подчинение мнению большинства и др.

Это, к сожалению, в полной мере не смогли дать ни государственные институты, ни религиозные конфессии.

На фоне волокиты и продажности правоохранительной и судебной системы криминальная община предложила гражданам сферу достаточно востребованных криминальных услуг:

- крышевание и охрана бизнеса;
- оперативное решение вопросов истребования проблемных долгов;
- «наказание» обидчиков;
- запугивание, устрашение или устранение конкурентов;
- захват (рейдерство) прибыльного бизнеса;
- совершение заказных убийств и др.

В современных условиях преступность сформировалась в самостоятельную сферу криминального бизнеса с появлением криминальных профессий: киллер, кидала, решала, обналщик, рейдер и др.

По заключению экспертов профессиональная организованная преступность экономического характера стала основным фактором существования и воспроизводства в стране теневой и криминальной экономики. [5]

«Общак» отдельных преступных общин и криминального мира России в целом стали активно пополняться не только за счет отчисления значительных финансовых средств от совершения преступлений общеуголовной направленности, но и вследствие «крышевания» ими как отдельных нелегальных (подпольных) производств и «цеховиков», так и целых сфер (отраслей) экономики. [2]

Данное обстоятельство обусловило взаимный интерес и сращивание криминалитета и отдельных представителей власти. Вследствие этого лидеры преступного мира России получили доступ к значительным финансовым потокам, а чиновники озаботились гарантиями своей физической защиты. В итоге консенсус был найден. В результате этого процесса криминалитет активно пошёл во власть, что неминуемо сказалось на инициировании отдельными представителями криминальной субкультуры пересмотра базовых позиций воровского закона. Сложился жесткий конфликт внутри криминальной общины, который стал разрешаться исключительно путем устранения непримиримых оппонентов.

Исследователи утверждают, что в современных условиях ряд преступлений экономической направленности принципиально невозможно совершить без «тесной связки» организованной профессиональной преступности и представителей органов власти. [2;5]

В качестве примера глубокого влияния криминальной среды на современное российское общество могут служить массовые явления среди молодежной субкультуры. В настоящее время молодежные группировки присягают на верность криминальному миру и воровскому закону. В Главном управлении уголовного розыска МВД России создано 4 отдела по противодействию деструктивному влиянию молодежным течениям криминального толка.

Отбросив в сторону различные мифы и излишнюю популяризацию криминального образа жизни, необходимо констатировать, что криминальные лидеры и криминальная субкультура являются факторами существования и воспроизводства самой преступности в государстве. Причина проста. Экономическим базисом криминальных общин являются средства, полученные, прежде всего, от совершения преступлений и предоставления криминальных услуг. Поэтому именно по этой логике ряд зарубежных законодательств относит факт получения статуса «вора в законе» к законченному тяжкому преступлению. По этому пути частично пошло и российское законодательство.

В российском обществе сформировалась не только уникальная по своему содержанию субкультура, объединённая криминальной средой, но и группа лиц, которая управляет различными криминальными процессами.

Проводниками криминальной субкультуры и ядром преступной общины современной России выступают профессиональные преступники – лидеры и авторитеты преступного мира. При этом криминальная община обеспечивает экономический базис и условия существования на свободе и в местах лишения свободы профессиональным преступникам. Их присутствие уже само по себе обуславливает появление,

формирование и воспроизводство криминальной субкультуры. Они принимают активное участие в создании и руководстве организованной преступной структурой, координируют совершение различных противоправных деяний, поддерживают устойчивые связи между различными самостоятельными преступными сообществами, принимают участие в распределении сфер своего влияния и др. [2]

Одним из направлений влияния на негативные процессы в российском обществе является привлечение к решению вопросов правоохранительной направленности общественных и религиозных организаций. По мнению автора статьи, данная проблематика требует самостоятельного научного исследования. Мотивация такого подхода обусловлена тем, что различные социологические исследования свидетельствуют о существенном росте авторитета и влияния на российское общество религиозных организаций, так как простые граждане видят в ней защитницу и носителя общечеловеческих идей морали и справедливости. Об этом также свидетельствуют независимые социологические исследования зарубежных организаций. По мнению экспертов, наиболее авторитетными и наименее коррумпированными в России являются: церковь, религиозные и общественные организации.

В этой связи в научной литературе актуализируется вопрос о необходимости привлечения священнослужителей к коммуникации с осужденными в местах лишения свободы, как важный элемент их социализации. Однако такое общение имеет существенную специфику, которая ограничено представлена в научной литературе, чем и был обусловлен предмет авторского исследования.

В 2019 году в рамках заявки религиозной организации автором было проведено исследование по специфике взаимоотношений представителей криминальной субкультуры с православной церковью, в рамках которого было проинтервьюировано 18 священнослужителей, ранее окроплявших различные исправительные учреждения, а также 20 сотрудников пенитенциарной системы, в чьи функции входила работа по взаимодействию с религиозными организациями.

В рамках НИР заявленной проблематики перед автором были сформулированы следующие вопросы, имеющие актуальное значение в деятельности священнослужителя православной церкви:

Первый вопрос: Что первично для представителя криминальной субкультуры или лица, отбывающего уголовное наказание, закон божий или воровской (тюремный) закон.

Интервьюирование священнослужителей, имевших опыт работы с представителями криминальной среды, а также с лицами, отбывающими уголов-

ное наказание в местах лишения свободы, показало, что лица такой категории в целом уважительно относятся к служителям православной церкви, в отличие от прихожан «в миру», которые могут допустить оскорбительные высказывания или недопустимые действия.

Как пояснили респонденты, это связано в большей мере с наличием в психологии осужденных определенных суеверий, как элемента их субкультуры. Например, «плохо поступить – обидеть попа», иными словами плохая примета или неправильный поступок в глазах окружающих сидельцев.

Абсолютное большинство опрошенных сотрудников пенитенциарной системы обратили внимание, что ни при каких условиях, священнослужитель не будет допущен в закрытый «преступный мир» и никогда не будет признан там «своим». Поэтому священнику ни в коем случае не нужно пытаться заигрывать с криминалитетом, памятуя о том, что это люди иной социальной системы координат и практически параллельного мировосприятия, о котором мы либо ничего не знаем, либо морально эти правила не приемлем.

Одним из аргументов непримиримости двух законов приведем тот аргумент священнослужителей, что после посещения храма и исповеди, осужденные продолжают придерживаться и пропагандировать тюремный и воровской законы, присваивать себе криминальные имена, соблюдать правила общения с «опущенными», нередко заключенные в местах лишения свободы совершают преступления: кражи, убийства и др.

Опрошенные нами специалисты пенитенциарной системы сообщили, что в местах лишения свободы повсеместно соблюдаются нормы жизни по «понятиям» тюремного закона; делимость на касты: воры, работяги – мужики, бугры, смотрящие, блатные, обиженные и др. Все это дополнительно свидетельствует о незыблемых нормах криминального мира в местах лишения свободы.

В ходе интервьюирования священнослужители указали, что в некоторых учреждениях пенитенциарной системы, в которых сильны криминальные традиции, они вынуждены проводить раздельное богослужение и применять разные кресты и чаши для отдельных категорий осужденных. В начале службы они демонстрируют заключенным разные чаши и кресты. Безусловно, это вынужденная и возможно временная мера, и однозначно здесь нельзя вынести вердикт. В противном случае это вызывало открытый бойкот и отказ принять участие осужденных в богослужении. Данный факт дополнительно свидетельствует не в пользу главенства божиих заповедей. Хотя «в миру» вряд ли кто то из бывших сидельцев или криминальных авторитетов будет требовать выяснения «тюремной кастовости» у прихожан.

Результаты исследования убедительно свидетельствуют, что в общении с представителями криминальной субкультуры, священнослужитель в обязательном порядке должен обладать необходимым комплексом знаний, позволяющим ему учитывать определенную специфику коммуникации с такой категорией граждан, в том числе в области общей и криминальной психологии.

Все без исключения респонденты-священнослужители подтвердили, что первые встречи с осужденными в местах лишения свободы им дались с определенной долей сложности, так как были неожиданно подвергнуты «проверочным испытаниям» и действиям со стороны сидельцев и даже попыткой их «перепрофилировать» под свои противоправные нужды. Такие действия выразились:

- в подозрении, в том, что перед осужденным сидит переодетый сотрудник правоохранительных органов;
- в подозрении, что священнослужитель работает на администрацию пенитенциарного учреждения, которому предложили выяснить обстоятельства совершенного преступления или сокрытых вещественных доказательств;
- попытка решить свои личные проблемы (поговорить с администрацией об улучшении режима содержания);
- попытка привлечь священнослужителя для совершения противоправного действия (передача письма в другую камеру и др.);
- некоторые сидельцы мотивируют приглашение священника как возможность пообщаться с интересным человеком по «душам».

Имеется пример, когда в камере следственного изолятора, по настоятельной просьбе заключенных и с подачи священнослужителя был оформлен иконостас, за которым сидельцами был пробурен туннель в другую камеру для передачи данных. Администрация учреждения не могла понять, каким образом идёт утечка важной следственной информации.

Сотрудник пенитенциарной системы привел пример, когда осужденные в рамках икон делали «схроны», в которых прятали деньги, сотовые сим-карты и др., считая, что сотрудники учреждения не посмеют трогать или ломать иконы.

Специалисты отмечают, что на эффективность организации коммуникативного общения священнослужителя и представителей криминальной среды, оказывает односторонность получаемых психологических знаний в семинариях, которые ставят священника в зависимость от мнения и психологического состояния собеседника, делая его нередко «заложником ситуации». Это выражается в запрете:

- категорически говорить слово «нет» собеседнику;

- инициативно свернуть общение, даже если он видит ложь или неприятие.

Для выхода из такой ситуации автору представляется, что священнику, прежде всего, необходимо четко определить цель общения, что в итоге призвано обеспечить и предметную направленность диалога и существенно сэкономить время.

Как отметили респонденты-священнослужители, в их практике не более 10% осужденных раскаиваются в своих грехах и нуждаются в церковном общении; 40% относятся к этому процессу нейтрально и не высказывают потребности в таком общении; 30% приглашают «батюшку» для решения своих личных «душевных проблем»; 20% от скуки или просто потому, что представилась возможность. Такая мотивация станет сразу понятной, если священнослужитель в процессе знакомства сразу четко определит цели своего прихода, которыми станут: примирение с Богом, покаяние и раскаивание.

Приведем пример: Священнослужитель был вызван по просьбе криминального авторитета в пенитенциарное учреждение. Длительный монолог, цитирование Евангелия, размышления о Боге, месте религии в обществе... итак три часа. На вопрос священнослужителя: «Вы будете исповедоваться?». Получил ответ: «Нет. А чего сказки-то рассказывать».

В ходе интервьюирования священнослужителей на вопрос автора приняли бы они снова предложение вернуться на богослужение в учреждения пенитенциарной системы, все без исключения дали отрицательный ответ.

Второй вопрос: Демонстрируют ли наколки осужденных с религиозной тематикой их приверженность к вере и Богу.

Анализируя тематику наколок у лиц, отбывших уголовное наказание в местах лишения свободы, обращает на себя внимание тот факт, что очень часто они содержат религиозную тематику: изображение церковью, куполов или образа Богородицы с младенцем Иисусом.

Необходимо учитывать, что наколки в криминальной среде выполняют особую информационно-индикаторную функцию. [2]

Однако, криминальные наколки, содержащие религиозную тематику, не призваны свидетельствовать о том, что ее носитель в обязательном порядке является приверженцем православной или иной веры. В данном случае имеет место использование системы общепризнанных общечеловеческих символов для создания собственного индикативного механизма распознавания или утверждения в среде себе подобных.

Зачастую мусульмане «колят» себе на пальцах «перстни» с изображением креста. Безусловно, это не признак их отхода от канонов веры. Это информация

о том, что «сиделец» прошел «питерские Кресты» (название пенитенциарного учреждения).

Третий вопрос: О чем свидетельствует процедура посвящения в криминальную общину и принятие криминального имени.

Обращает на себя внимание, что в церкви существует важный институт инициации человека в лоно церкви. При таинстве крещения крещаемый нарекается христианским именем. При постриге монашеском, монах отрекается от всего мирского, как будто появляется на свете новый человек. По этой причине он не отмечает день своего рождения, а только день пострига (день ангела). Имя ему нарекается по выбору епископа, по местному Святому, по Святцам или по наитию.

Определенный (похожий) процесс посвящения (инициации) в криминальную общину имеется в преступном мире.

Принятие криминального имени (погоняло) – обязательный акт посвящения и перехода в воровскую среду. В этом «имени» или прозвище заключается особая гордость вора и является предметом его особого бережного охранения. [2]

Поэтому представитель криминальной общины может высказать агрессию на тот факт, если к его криминальному имени будет высказано пренебрежение или шутка. Особенно бывшие «сидельцы» обижаются, когда их «погоняло» называют кличкой. Клички имеют только животные. В этом нередко заключается причина нанесения ранее судимыми различного рода телесных повреждений монахам в трапезной.

Обратимся к истории. В специальной литературе приводится пример, когда одним из тюремных развлечений, связанных с так называемой «пропиской» заключенного, впервые попавшего в места лишения свободы, считается процедура, которая носит название «кидать на решку». Она выглядит следующим образом: неопытному заключенному, который не знает, какое прозвище (погоняло) себе выбрать, опытные сидельцы предлагают ему вынести этот вопрос на обсуждение всей тюрьмы. Для этого один из участников действия кричит в окно камеры: «Тюрьма, дай кличку». После этого все желающие из других камер кричат ему в ответ, как правило, смешные или унижительные прозвища. Из этих прозваний заключенный-новобранец должен выбрать себе одно, которое будет его прозвищем в течение всего срока отбытия заключения. [2]

Несмотря на то, что процессы посвящения в лоно церкви и принятия в криминальную общину имеют внешнее сходство по целям, они не являются идентичными – ни, по сути, ни по содержанию.

Четвертый вопрос: Почему представители криминальной среды боятся.

В рамках изучения обозначенной проблематики необходимо обратить внимание на такой обя-

зательный сегмент криминальной субкультуры как клятва, под которой понимается слово осужденного (слово чести), обещание, которое необходимо им сдержать или выполнить.

В криминальной субкультуре такие процедуры связаны со специфическими выражениями как божба (клятва), божиться (забожиться), пробожиться (нарушить клятву). Клятвы носят бескомпромиссный и зачастую суровый характер. Лица, не выполняющие данной ими клятвы, как правило, подвергаются криминальным санкциям. [2]

В контексте рассматриваемой темы необходимо отметить, что несмотря на их название, они никакого отношения к церковным канонам не имеют. Лицо не несет моральной ответственности перед церковью и Богом за нарушение взятого на себя публичного обязательства.

Результаты собственного исследования показали, что осужденные, находясь в изначально лживой и агрессивной среде, внедряли в практику межличностной коммуникации механизмы оперативного выявления лжи или нейтрализации негласных источников. Тут достаточно логично, если люди в своём окружении не лгут и систематически не подвергаются лжи, то создание в их общении особых механизмов клятв не требуется.

Поэтому страх наступления негативных последствий за нарушение публичной клятвы выступает одним из своеобразных механизмов детекции лжи, а не способ продемонстрировать свою религиозность участниками криминальной общины. Более того в Евангелии содержится прямой запрет таким действиям – «не клянись».

Безусловно, при формировании данного сегмента криминальной субкультуры был лишь заимствован общепринятый в обществе символ для создания собственного индикативного механизма выявления лжи.

Пятый вопрос: Совершают ли ранее судимые лица преступления в монастырях.

Как свидетельствует анализ правоприменительной практики, нередко случаи совершения преступлений лицами, отбывшими уголовное наказание, в монастырях. В большинстве случаев это преступления против личности. Чаще всего такого рода преступления совершаются в трапезной во время принятия пищи, когда между братией могут возникнуть диалоги на различные темы, в том числе в отношении отдельных представителей криминальной среды или некоторых постулатов криминального мира. Несведущие люди могут негативно высказаться в отношении криминального имени (прозвища) ранее судимого или назвать его обидным словом, за которым может последовать мгновенная жесткая реакция. После чего на этой почве могут происходить конфлик-

ты, нередко с причинением телесных повреждений различной степени тяжести. Причина таких действий кроется, прежде всего, в психологических установках ранее судимого, выработанных в период отбывания им уголовного наказания, которые нередко носят форму психологической деформации личности.

Шестой вопрос: Какой элемент криминальной субкультуры оказывает самое негативное влияние на эффективность работы священника с представителями криминальной субкультуры.

В правилах поведения осужденных в местах лишения свободы имеются определенные табу (запреты), которые на уголовном жаргоне называются западло (в падлу). Осужденные не имеют право нарушать эти запреты.

В среде сидельцев довольно широко распространены следующие запреты:

- брать докуривать сигареты у «чушек», «помоек», «обиженных» и т.д.;
- прикасаться к посуде «опущенных» (для этого посуда пробивается);
- чистить картошку;
- работать на администрацию учреждения;
- быть членом актива и т.д.

Запреты и табу очень сильно оказывают влияние на поведение осужденных и могут существенно осложнить процесс богослужения, вплоть до его массового игнорирования.

Данные правила распространяются на процедуру богослужения, являясь дополнительным аргументом в антагонизме двух законов. В том случае если имеется одна чаша для причастия, и один крест для богослужения, то осужденные ни при каких условиях не будут участвовать в службе совместно с «опущенными». В противном случае к ослушавшимся будут применены жесткие криминальные санкции.

Сотрудник пенитенциарной системы в ходе интервьюирования пояснил, что он видел сам, как в период проведения богослужения криминальная каста (блатные) не желали, чтобы с ними в службе принимали участие «обиженные». Во время причастия сначала причащались представители криминальной субкультуры, а уже потом все остальные осужденные. Хотя если взять условия мирской жизни, то никто не отслеживает, как должно происходить таинство причастия и в каком порядке.

Седьмой вопрос: А нужно ли вообще церкви проводить миссионерскую работу с осужденными в местах лишения свободы?

Специалисты пенитенциарной системы убеждены, что общение священнослужителя с осужденными однозначно дает положительные результаты. Многие осужденные, находясь в местах лишения свободы, искренне раскаиваются в своих грехах и обращаются к Богу, идут в церковь. В данном случае, мы

ведем речь об оступившихся людях, которые в душе не принимают законы воровского мира и, находясь в обществе осужденных с антисоциальным образом жизни, получают пример иного отношения к себе и к окружающим. В такой ситуации церковь оберегает людей от отчаяния, а также от совершения новых преступлений в условиях нахождения их в изоляции. Совет священника всегда будет кратким: «Читай молитвы и почитай Бога, а главное веруй в него, тогда ты почувствуешь радость в жизни. Даже в условиях содержания в изоляции».

В заключении автором статьи были сформулированы следующие выводы:

- криминальная субкультура России должна рассматриваться как угроза общественной и экономической безопасности Российской Федерации, так как криминальная субкультура является фактором воспроизводства самой преступности в государстве;

- в современных условиях существует объективная необходимость привлечения общественных и

религиозных организаций к решению задач правоохранительной направленности как структур, имеющих наивысший рейтинг доверия у населения;

- разделение тюремного и божьего законов имеет объективный характер, так как в их содержании включается принципиально иная система социальных координат, делая их принципиальными антагонистами;

- специфика функционирования пенитенциарных учреждений обуславливает необходимость специальной подготовки священнослужителей. Для лица, непосвященного в каноны криминальной общины, а также в тонкости тюремного бытия, сложно найти наиболее приемлемое решение. В этой ситуации всегда будет иметься недовольная сторона, которая впоследствии может создать негативный фон в работе священнослужителя, так как он посоветует принять решение исходя из своего внутреннего убеждения и совести... а не тюремного или воровского законов.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 года № 683 // contact@consultant.ru (дата обращения 17.12.2020)
2. *Воронцов А.В.* Теоретические и прикладные аспекты оперативно-розыскной характеристики криминальной среды России: монография. – М.: Академия управления МВД России. 2013.
3. *Дорофеев Н.К., Дорофеев И.Н.* Историческая эволюция использования труда осужденных в пенитенциарных учреждениях царской России // Научный журнал Историко-экономические исследования. – Иркутск. Т. 10. №1. 2009.
4. *Дорофеев И.Н.* и др. Организованная экономическая преступность как системный элемент российской модели рыночной экономики. – М.: Международный юридический институт. 2011.
5. *Наумов Ю.Г.* Институциональная коррупция как угроза экономической безопасности: тенденции и перспективы противодействия. – М.: Москва, 2012.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation "On the National Security Strategy of the Russian Federation" dated December 31, 2015 No. 683 // contact@consultant.ru (date of access December 17, 2020)
2. *Vorontsov A.V.* Theoretical and applied aspects of the operational-search characteristics of the criminal environment in Russia: monograph. – М.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013.
3. *Dorofeev N.K., Dorofeev I.N.* Historical evolution of the use of the labor of convicts in the penitentiary institutions of Tsarist Russia // Scientific journal Historical and Economic Research. – Irkutsk. T. 10.No. 1. 2009.
4. *Dorofeev I.N.* and others. Organized economic crime as a systemic element of the Russian market economy model. – М.: International Law Institute. 2011.
5. *Naumov Yu.G.* Institutional corruption as a threat to economic security: trends and prospects for countering. – М.: Moscow, 2012.

Королева Екатерина Артуровна,

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург,
katik@mail.ru

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПРАВА, ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу соотношения права, политики и экономики в российском государстве. Автор отмечает, что приоритет общего над единичным в юридической форме закрепляется именно в государстве и правовой политике государства под влиянием экономики, однако установленные или санкционированные государством нормы могут быть недееспособны вне политических элит и в разрыве от экономики государства. Формы и характер воздействия права на экономику могут быть положительными и отрицательными: право может стимулировать, поддерживать эффективное экономическое развитие, но может и тормозить экономическую сферу и благосостояние государства. Обосновывается вывод, что влияние права на экономику происходит в виде закрепления в правовых нормах сложившихся экономических отношений, право стимулирует создание и развитие новых экономических отношений. В соотношении права, экономики и политики следует признать приоритетную роль именно политики, ведь в большинстве современных стран, в которых гражданское общество еще не достигло достаточного уровня развития, именно властная верхушка формирует социально-экономические реалии.

Ключевые слова: право, экономика, экономическая сфера, политика, политическая сфера, государство, правовая политика

Ekaterina A. Koroleva,

Post-graduate student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg,
katik@mail.ru

ISSUES OF RATIO OF LAW, POLITICS AND ECONOMY IN THE RUSSIAN STATE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ratio between law, politics, and economics in the Russian state. The author notes that the priority of the common over the individual in legal form is fixed precisely in the state and the legal policy of the state under the influence of the economy, however, the norms established or sanctioned by the state may be incapacitated outside the political elites and in isolation from the state economy. The forms and nature of the impact of the law on the economy can be positive and negative: law can stimulate and support effective economic development, but it can also slow it down to the point of destroying the economic sphere and the welfare of the state. Concluded that the influence of law on the economy occurs in the form of consolidation in the legal norms of the existing economic relations, the law stimulates the creation and development of new economies. In the ratio between law, economy, and politics, it is necessary to recognize the priority role of politics, in most modern countries, in which civil society has not yet reached a sufficient level of development, it is the ruling elite that shapes the socio-economic realities.

Keywords: law, economics, economic sphere, politics, political sphere, state, legal policy

Основными категориями, которые концентрированно определяют эволюцию человеческого бытия в течение длительного периода развития общества, являются экономика, политика и право. Вышеуказанные течения имеют самостоятельное значение основ общественного развития, а их взаимовлияние и совместное влияние на общество являются значительными и многогранными.

Экономика, политика и право в российском государстве являются определяющими факторами

существенных трансформаций общественного развития, которые охватывают все сферы человеческой жизни. Невозможно описать целостный феномен с экономической и политической точки зрения, независимо от правового и наоборот.

В современных условиях меняется характер общественной власти, соотношения трех основных сфер – политической, экономической и правовой, влияющих на изменения государственной власти: национальные государства постепенно теряют часть

своего суверенитета под давлением глобальной власти; экономическая политика государства становится зависимой от влияния не только других государств, но и новых субъектов экономической власти. Данный факт обусловлен появлением новых международных субъектов, которые, имея экономическую власть, определяют деятельность власти политической.

Помимо вышеописанного, следует отметить тенденцию повышения влияния крупного капитала на российскую государственную политику. Усиление противоречий, конфликтов, угроз (экологические проблемы, терроризм, углубление социального неравенства между государствами и внутри стран и др.) требует активизации и нового качества деятельности субъектов политической власти, в том числе международных политических институтов, которые должны действовать в интересах всего человечества, а не узкого круга мировой олигархии. Для политической науки важны, прежде всего, взаимоотношения субъектов политической, правовой и экономической власти, а также отношения между субъектами собственно политической власти по поводу экономических проблем. Поэтому в условиях глобализации соотношение политической, правовой и экономической сфер становится все сильнее и одновременно все более противоречивым.

Ход процессов реформирования в российском и других государствах свидетельствует, что проблема соотношения политики, экономики и права все обостряется, например, распространяется тенденция, которую ученые называют политизацией правовых норм. Это настраивает на мысль, что проблема соотношения политики и права выходит за пределы исключительно конституционных основ общественной и государственной жизни. Однако указанная тенденция не является новацией последних времен и была исследована отечественными учеными ранее. Например, С.А. Сидоров, И.Л. Честнов, В.А. Рабош и Ю.С. Галлямова в монографии "Правовая политика современного российского государства в сфере общественной безопасности" рассмотрели проблему соотношения права, экономики и политики в российском государстве с точки зрения посредственного и непосредственного взаимного влияния, а также воздействия экономики и политики на правовую систему государства в целом: через какие механизмы, какими способами и с какими целями происходит такое соотношение [6]. В учебнике "Актуальные проблемы теории государства и права" И.Л. Честнова также прослеживается связь экономики, политики и права в контексте российского государства, а именно, что политические и экономические правоотношения не могут существовать без соответствующего нормативно-правового закрепления и вне среды права [9].

Политику можно определить как сферу деятельности в социально-дифференцированном обще-

стве, сердцевинной которой является отношения и действия, связанные с содержанием и использованием государственной власти, участием в формировании такой власти, в определении форм, задач и содержания ее деятельности. В обществе, которое характеризуется все большим вовлечением масс в политику, понятие политической власти не только не совпадает с понятием государственной власти, но и все больше расходится с последним.

Право является системой установленных или санкционированных государством общеобязательных норм, регулирующих общественные отношения, соблюдение и выполнение которых обеспечивается путем как убеждения, так и государственного принуждения. Следовательно, правовые нормы не только устанавливаются, но и санкционируются. В последнем случае они выступают как внешнее по отношению к государству явление.

Проблема соотношения политики и права аккумулирует в себе много проблем. В частности, это касается связи между государством и правом. Есть два основных подхода к его выяснению. Школа юридического позитивизма трактует право, как производное от государства, следовательно, настраивает на мысль о приоритете политики и даже администрирования над правом. Ведь государство является главным институтом политической системы, и именно оно обеспечивает не только принятие правовых актов, но и их соблюдение. И все же этот подход не способен полностью объяснить исторически конкретное соотношение государства и права, права и политики, потому что становление правовой системы испытывает на себе влияние правовых норм, исторически и логически причастных к становлению государства.

В работе отечественного исследователя Л.В. Голоскокова указывается, что «гармоничное взаимодействие права и политики представляется возможным за счет создания новых сфер регулирования, а также принятия новых законопроектов» [2, с. 12]. Исходя из позиции Л.В. Голоскокова можно сделать вывод, что правовая сфера закрепляет в законодательстве основные принципы политического господства. Такое соотношение является своеобразным индикатором зрелости политики российского государства, определяет границы допустимого поведения субъектов политической деятельности. Преимущество политики над правом и наоборот нарушает динамический баланс между ними, а именно между реальным и идеальным.

Так, В.А. Фёдоров провел философский анализ взаимодействия и взаимозависимости политики и права, отмечая при этом единство и неразрывность взаимодействия политики и права, где дискуссионным выглядит лишь характер взаимосвязей: право или политика имеют превалирующее значение в го-

сударстве? [8]. Политическая и правовая сферы общества имеют глубокие и неразрывные взаимосвязи, тесно связанные с функционированием государства, определяющие содержание политики, ее приоритетность и средства реализации, а также формируют правовую политику, обеспечивают соответствующую степень свободы своих граждан, формируют современную законодательную базу государства. Иначе говоря, право выступает как высокоэффективное средство регулирования общественных отношений, включая политические, а также как средство человеческого измерения политической сферы. Право формируется внутри общественной жизни как потребность в нормативной регламентации важнейших общественных отношений, в том числе и политических. Следовательно, невозможно определить превалярование правовых, политических или экономических правоотношений друг над другом в российском государстве, так как они обязаны существовать в постоянном и неразрывном взаимодействии, процессе совершенствования. Например, при возникновении новых экономических форм правоотношений в государстве (электронная документация, использование скриншотов в качестве доказательств в суде и т. п.) необходимо учитывать их влияние на политическую жизнь страны, а также закрепление в соответствующих нормативно-правовых актах. При условии, что возникшие правоотношения не будут закреплены в законодательстве, можно говорить о несоответствии права существующим экономическим реалиям, а экономика будет ущемлена со стороны правовой системы государства.

Как указывает Ю.А. Гаврилова: «Если затрагивать взаимное влияние права и политики, то, взятое через призму политических интересов, а также стоящих за ними типичных ценностей индивидуальных и коллективных субъектов права, оно проявляется в одной из «старейших» проблем – соотношении легальности и легитимности» [1, с. 29]. Мы поддерживаем позицию Ю.А. Гавриловой, поскольку влияние права на политику определяется тем, что в демократическом государстве легитимация официальной политики предусматривает ее соответствие праву, а легализация – закрепление в правовом законе. Данное мнение разделяет и ученый Н.Н. Равочкин, который рассматривает право как «средство легитимации политики, а политику через принимаемые законы, созданные органами государственной власти, которые гарантируют определенную свободу и права личности» [4]. Мы можем дополнить данное утверждение следующим: право конституционно закрепляет политический строй общества, механизм действия политической системы, политические права и свободы граждан; право делает легитимными политические решения и сами органы государственной власти,

определяет границы и возможности деятельности политических субъектов; право гарантирует политические права и свободы граждан, обеспечивает механизм их реализации. Особенностью системы политических прав и свобод человека и гражданина является то, что каждое право имеет одновременно различные характеристики, параметры и функции, оно проявляется в разных формах и занимает место в общей системе. Существуют различные интерпретации группы политических прав, которые расходятся в отнесении отдельных конституционных прав и свобод граждан к тому или иному виду, так, например, свободу мысли и совести можно интерпретировать и как личную, и как политическую свободу. Тем не менее, данная группа прав человека явно демонстрирует взаимосвязь и общие черты в соотношении права и политики.

Следует остановиться и на общих чертах в соотношении права и политики. Так, А.В. Шашкова отмечает, что «право и политика представляют собой общественные системы, что является их общностью. Они взаимозависимы и оказывают регулятивное воздействие на данные общественные системы. При этом они оказывают такое регулирующее воздействие отлично друг от друга: технологии применения государственной власти и способы регулирования социального порядка у политики и права отличаются» [10, с. 13]. По нашему мнению, в зрелом демократическом обществе соотношения права и политики должно быть таким: с одной стороны право должно стать средством осуществления государственной политики через нормы публичного права, с другой стороны, политическая деятельность всех субъектов должна строго регламентироваться правом и не выходить за его рамки. Таким образом, общим между политикой и правом является то, что они взаимосвязаны регулятивными системами общества; различия заключаются в том, что это разные регулятивные системы.

Итак, соотношение политики и права проявляется таким образом, что политика и право выполняют совместные функции и свои отдельные особые, специфические задачи. Право является своеобразным инструментом осуществления политики, который нормирует общественную жизнь, используя для этого принудительную силу государства. Продуктом соединения права и политики является правовая политика и политическая сфера государства, необходимым условием для реализации которых является учет характеристик системы внешних факторов, имеющих существенное влияние на них. Именно поэтому стоит анализировать взаимосвязи и влияние других государственно-правовых явлений: экономических, политических и правовых факторов. Большой массив общественных отношений (экономические и политические правоотношения), опосредуется с помощью

правовых форм (законодательства), в результате чего право выступает формой реализации этих отношений.

Тема соотношения права и экономики, приоритет одной из составляющих государства, рассмотрение условий их гармоничного существования и совершенствования не является новой ни для отечественного, ни для зарубежного научного наследия. Что же в тандеме «экономика – право» является несовершенным, неподходящим или таким, что тормозит общественные отношения? Попробуем очертить ответы на эти вопросы, подходы к анализу этих явлений, которые позволят из плоскости теоретической и доктринальной перейти в плоскость практическую, абсолютно необходимую сегодня и целесообразную для развития российского государства.

Например, И.Л. Честнов, С.А. Сидоров и другие отечественные исследователи считают, что «изменения в экономике порождают объективную потребность в изменении законодательства и трансформации в политике. Однако экономика и политика не действуют прямо, влияя непосредственно на правовую систему» [6, с. 35]. То есть, политика и экономика косвенно влияют на общественные отношения, регулируют сферы жизни человека и составляют части государственной политики с помощью закрепления на государственном уровне посредством права.

Исследователи Н.Д. Гомонов и М.А. Безуглова определяют соотношение права и экономики следующим образом: «право пытается установить социальную и экономическую справедливость в обществе» [3]. При этом соотношение права и экономики можно определить так: право, учитывая объективные законы экономики, «стремится» с помощью нормативных установок восстановить социальную и экономическую справедливость в обществе. Таким образом, лишь в единстве права и экономики можно достичь построения демократического социального государства, основанного на принципах гуманизма, экономической стабильности и свободы. Конечной целью такого соотношения права и экономики в равных условиях приводит к благосостоянию гражданского общества, человека как личности и государства, как объединения граждан.

Ученый И.Л. Честнов указывает, что «чистых» правовых явлений и процессов не существует: все они «бытийствуют» в знаковых формах, проявляются в поведении и психике людей, социализированных в определенной культуре, а потому выступают формой иных общественных отношений: конституционное право – политических, гражданское – экономических, административное – управленческих и т.д. [9, с. 6]. В совокупности данные правоотношения (политические, экономические и управленческие) не могут существовать без соответствующего нормативно-правового закрепления и вне среды права. Право –

это средство достижения социального компромисса, а динамичное развитие экономических отношений влияет на изменения правовой базы.

Экономическая политика является одним из главных направлений деятельности политических институтов – государства и политических партий на уровне их программ. В то же время, политическая власть всегда была средством экономического обогащения субъектов общественной власти. В данном аспекте экономической политики следует рассмотреть влияние экономического анализа на правовую политику государства. Так, ученый И.В. Рузанов акцентирует внимание на важности экономического анализа, как основного инструмента экономики, который влияет на правовую политику государства, избирательное право, парламентаризм и другие [5, с. 12]. Российский исследователь С.А. Сеницын продолжает мысль И.В. Рузанова и приходит к выводу, что экономический анализ определяет абсолютную экономическую эффективность правового института [7, с. 143]. Следовательно, экономический анализ права направлен на исследование влияния правовой системы на экономическое поведение, эффективность и отношения людей, связанные с процессом рационального выбора. Вызовы глобализации и постоянного реформирования государственной политики порождают новые, достаточно противоречивые задачи: обезопасить население от угроз в пределах страны, создать привлекательные условия для развития предпринимательства, как источника повышения общественного благосостояния и другие. Именно данные направления правовой политики российского государства нуждаются в усилении роли экономического анализа государственной политики при выработке стратегического курса действий власти на пути решения общественных проблем.

Таким образом можно сделать вывод, что общественные отношения, основанные на нормах права, являются наиболее адекватной формой экономических отношений. Последние могут нормально функционировать только и исключительно в правовой форме. Право – это естественная форма экономических отношений, это часть экономики и составляющая гармоничного развития экономических отношений.

Необходимо рассмотреть взаимосвязь и взаимовлияние экономической и политической сфер деятельности общества, которые осуществляются через определенные каналы, в частности:

- программы, в том числе экономические, правящих политических партий и лидеров;
- саму экономическую политику государства;
- экономические ресурсы, которые необходимы для выполнения политических решений;
- политические решения и процессы, которые инициируют и стимулируют уровень и состояние развития экономики.

Следует признать, что формы и характер воздействия права на экономику могут быть положительными и отрицательными; право может стимулировать, поддерживать эффективное экономическое развитие, но может и тормозить его вплоть до разрушения. Социальные системы российского государства показывают, что нельзя навсегда выбрать одну модель взаимодействия права и экономики, учитывая меняющиеся внутренние и внешние факторы общественного развития.

Отдельное внимание следует уделить важности влияния экономического анализа на правовую политику российского государства, который позволяет разносторонне, адекватно реалиям, оценивать тенденции регулирования экономики и благодаря этому производить взвешенные, объективные, а не конъюнктурные рекомендации как по общей стратегической концепции гармонизации правовой системы, так и по решению конкретных проблем правового регулирования хозяйственной деятельности.

В соотношении политики и права аккумулируется проблема отношений между государством и гражданским обществом. Как в логическом, так и в историческом развитии появление гражданского общества предшествует возникновению государства, а гражданское общество является совокупностью частных отношений между индивидами, регулируемых гражданским или частным правом. Следовательно, впервые приоритет общего над единичным в юридической форме закрепляется именно в государстве.

Однако из истории можно привести многочисленные примеры, когда установленные или санкционированные государством нормы были недееспособны вне политических элит, зато неписанные нормы общественной жизни проявляли признак всеобщности.

Таким образом, влияние права на экономику и политику в российском государстве происходит как закрепление в правовых нормах сложившихся экономических и политических отношений. Право стимулирует создание и развитие новых экономических отношений, политических элит и институтов. Важна также охранная функция права применительно к экономическим и политическим реалиям общества. Однако во всех этих взаимосвязях надо признать приоритетную роль именно политики, ведь в большинстве современных стран, в которых гражданское общество еще не достигло достаточного уровня развития, именно властная верхушка российского государства формирует социально-экономические реалии. В свою очередь право зависит от политики, ведь любые интересы людей, прежде чем приобрести правовую форму, должны быть определены государственной политикой (деятельностью законодательных органов государства). Влияние права на политику определяется тем, что в демократическом государстве легитимация официальной политики предусматривает ее соответствие праву, а легализация – закрепление в правовом законе. Исходя из вышеизложенного, в своей совокупности право, политика и экономика образуют «трех китов» современного российского государства.

Список литературы

1. Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права, политики, морали: проблема взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 24-33.
2. Голоскоков Л.В. Право в политике и политика в праве // Правовая политика и жизнь. 2018. №2. С. 8-14.
3. Гомонов Н.Д., Безуглова М.А. Право и экономика: соотношение понятий (историко-теоретические аспекты) // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2019. №11. С. 117-123.
4. Равочкин Н.Н. Взаимосвязи между политикой и правом: социально-философский анализ // Философская мысль. 2020. № 4. С. 47-60.
5. Рузанов И.В. Экономический анализ права как методологическая основа конституционно-правовой науки // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. №3. С. 11-19.
6. Сидоров С.А., Честнов И.Л., Рабош В.А., Галлямова Ю.С. Правовая политика современного российского государства в сфере общественной безопасности / монография. Санкт-Петербург: Изд-во Российского государственного педагогического университета (РГПУ), 2016. 290 с.
7. Сеницын С.А. Экономика и право: контуры взаимодействия в современном мире // Вестник российской академии наук. 2019. Т. 89. № 2. С. 139-146.
8. Фёдоров В.А. Право и политика // Актуальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности в России: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Л. Н. Чертова, О. И. Филонова. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. 2019. С. 213-221.
9. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права: учебник / под ред. И.Л. Честнов, С.А. Сидоров, А.В. Рабош. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. 223 с.
10. Шашкова А.В. Проблемы взаимодействия права и политики // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 12-15.

References

1. Gavrilova Yu.A. Smyslovoe pole prava, politiki, morali: problema vzaimodejstviya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2019. № 5 (102). S. 24-33.

2. *Goloskokov L.V.* Pravo v politike i politika v prave // Pravovaya politika i zhizn'. 2018. №2. S. 8-14.
3. *Gomonov N.D., Bezuglova M.A.* Pravo i ekonomika: sootnoshenie ponyatij (istoriko-teoreticheskie aspekty) // Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal Koncept. 2019. №11. S. 117-123.
4. *Ravochkin N.N.* Vzaimosvyazi mezhdu politikoj i pravom: social'no-filosofskij analiz // Filosofskaya mysl'. 2020. № 4. S. 47-60.
5. *Ruzanov I.V.* Ekonomicheskij analiz prava kak metodologicheskaya osnova konstitucionno-pravovoj nauki // Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu. 2017. №3. S. 11-19.
6. *Sidorov S.A., Chestnov I.L., Rabosh V.A., Gallyamova Yu.S.* Pravovaya politika sovremennogo rossijskogo gosudarstva v sfere obshchestvennoj bezopasnosti / monografiya. Sankt-Peterburg: Izd-vo Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (RGPU), 2016. 290 s.
7. *Sinicyn S.A.* Ekonomika i pravo: kontury vzaimodejstviya v sovremennom mire // Vestnik rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 89. № 2. S. 139-146.
8. *Fyodorov V.A.* Pravo i politika // Aktual'nye problemy pravovogo obespecheniya nacional'noj bezopasnosti v Rossii: sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. L.N. Chertova, O.I. Filonova. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta. 2019. S. 213-221.
9. *Chestnov I.L.* Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. I.L. Chestnov, S.A. Sidorov, A.V. Rabosh. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena. 2019. 223 s.
10. *Shashkova A.V.* Problemy vzaimodejstviya prava i politiki // Social'no-politicheskie nauki. 2018. № 5. S. 12-15.

Чернявский Александр Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права, Военный Университет Министерства Обороны Российской Федерации, Москва, Aleksandrcher@mail.ru

ЛОЖНЫЙ ДУАЛИЗМ ЕСТЕСТВЕННОГО И ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье изложен взгляд автора на дуализм, который вводят в право те юридические теории, которые делят право на две основные сферы: на положительное право в смысле норм поведения, устанавливаемых и охраняемых внешним (государственным) авторитетом и на естественное право в смысле норм поведения, требуемых разумом и нравственным сознанием людей. Автор дает оценку, что современный дуализм в воззрении на право исходит главным образом из кантовской теории права. Анализируется, что человеческая жизнь есть совокупность человеческих целей, которые распадаются на две большие группы: цели индивида и цели совместной жизни (общества). Автор полагает, что естественное право должно установить, при каких общезначимых условиях можно ближайшим образом придать исторически обусловленному социальному регулированию качество объективной истинности.

Ключевые слова: юридические теории, естественное право, положительное право, дуализм, интерес, нравственный критерий, общение

Alexander G. Chernyavsky,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Aleksandrcher@mail.ru

FALSE DUALISM OF NATURAL AND POSITIVE LAW

Abstract. The article outlines the author's view on dualism, which is introduced into law by those legal theories that divide law into two main areas: positive law in the sense of norms of behavior established and protected by external (state) authority and natural law in the sense of norms of behavior required reason and moral consciousness of people. The author estimates that modern dualism in the view of law proceeds mainly from the Kantian theory of law. It is analyzed that human life is a set of human goals that fall into two large groups: the goals of the individual and the goals of living together (society). The author believes that natural law must establish under what generally significant conditions the quality of objective truth can be given to the historically conditioned social regulation in the nearest way.

Keywords: legal theories, natural law, positive law, dualism, interest, moral criterion, communication

Только ясное и отчетливое понимание аналогичности законов теоретической юриспруденции с законами в научном смысле может дать нам возможность разобраться в сложном и в последнее время, к сожалению, чрезвычайно запутанном вопросе о так называемом естественном праве.

Существует взгляд, что утверждать идею естественного права значит вносить непримиримый дуализм в понятие права, вводить безнадежное разделение в единую и целостную систему права. В такой общей форме взгляд этот, по нашему мнению, который мы постараемся обосновать ниже, не справедлив, и в вопросе о дуализме права, порождаемом будто бы идеей естественного права, накопилось не мало недоразумений, которые могут быть устранены. Но

нельзя не признать, что среди течений естественного права действительно существуют теории, которые противопоставляют право естественное праву положительному и таким образом раздваивают единое понятие права.

Несомненный дуализм вводят в право те юридические теории, которые делят право на две основные сферы: на положительное право в смысле норм поведения, устанавливаемых и охраняемых внешним (государственным) авторитетом, и на естественное право в смысле норм поведения, требуемых разумом и нравственным сознанием людей, причем под этим последним понимается то субъективное нравственное сознание людей, то норма объективной нравственности, то вообще разумная идея права. Раз идея

естественного права находится не как общий смысл естественного права и действующих норм, а утверждается на априорном нравственном или логическом принципе, то, разумеется, она будет служить основанием такой системы права, которая резко разойдется с правом действительным.

Эти теории исходят из признания нравственного критерия как определяющего и обосновывающего собой и положительное право, и государственную власть. Положительное право, устанавливаемое государственным авторитетом, подлежит постоянной критике и отмене; оно обязательно только внешне-формальным образом, пока оно предписывается внешним авторитетом, само по себе не имея никакой внутренней ценности: нет внешнего предписания власти, нет и юридической нормы. Нравственный же принцип не зависит ни от какого случайного, внешнего и формального признака, он вытекает из разума и нравственного сознания людей; он не подлежит отмене, а лишь углублению; он определяет собой и право положительное и власть, и в случае конфликтов между нравственным сознанием и формально-юридическими нормами последнее слово должно остаться за нравственным сознанием. Это нравственное сознание и есть естественное право.

Мы будем конечно, проследивать здесь историю этого воззрения на естественное право; иначе мы могли бы искать корни его уже у Гуго Гроция, смотревшего на естественное право, как на *humanum intellectui connexum*, и определявшего естественное право, как нормы, которые нам внушает правый разум, указывающий нам, – сообразно тому, соответствует действие или не соответствует разумной природе, – является ли это действие моральным извращением или моральной необходимостью и, следовательно, запрещается оно или предписывается Богом, творцом природы.

Не следует, однако преувеличивать юридический дуализм Гроция, так как его воззрение на естественное право еще недостаточно дифференцировалось от прежнего воззрения: это право действует у Гроция в силу естественной необходимости, оно же есть всеобщее соблюдаемое положительное право и противопоставляется им не положительному праву, а добровольному; в качестве такого оно не противостоит положительному праву, а составляет его необходимую основу [1].

Мы должны были бы, в случае исторического рассмотрения, остановиться также и на школе Краузе-Аренса, так как по взглядам этой школы естественное право (или другими словами философия права) проистекает из общечеловеческой веры, что существуют принципы справедливости, независимые от положительных законов и учреждений и обосновывающие как критику этих законов и учреждений, так

и те преобразования, которые могут быть в них произведены. Именно эта вера в абсолютную справедливость, тесно связанная с общими воззрениями людей на нравственный порядок мира и на верховную причину всего, была постоянно могущественным рычагом всякого общественного прогресса, тем светочем, который в прошлом освещал пути человечества и который дает предвидеть в будущем общественный строй, более соответствующий принципам истины, добра и справедливости. Естественное право, по словам Аренса, излагает основные принципы права, так как они вытекают из разумной природы человека, и определяет, каким образом отношения между людьми должны быть установлены, чтобы быть сообразными идее справедливости. Естественное право, по мнению Аренса, создает не химерическое состояние, а состояние идеальное, к которому общественная жизнь должна все более и более приближаться [2].

Современный дуализм в воззрении на право исходит, главным образом, из кантовской теории права. Для Канта положительное право вытекает из воли законодателя, а естественное право покоится на принципе априори. Излагая законы, действующие в определенное время и в определенном месте, нельзя найти в них самих критерия для различения правого от неправого. Для этого нужно обратиться к разуму, оставив эмпирические начала. Априорные принципы, лежащие в основе естественного права, есть свобода и нравственное сознание человека. Естественное право делается у Канта нравственной критикой.

Кантовское понимание естественного права легло в основание и теории Штаммлера. Естественное право есть для него идеально-конструируемое право, служащее масштабом и целью для положительного права. Оно не должно иметь положительного значения в то же самое время и в том же самом месте, наравне с тем правом, какое принадлежит критике и оценке, с точки зрения данной идеальной системы. Все так называемое естественное право было лишь простым проявлением стремления создать на основании общезначимого объективного познания правовые нормы, как они по справедливости должны быть, и как в критическом освещении они должны служить руководящим прообразом для законодателя, творящего положительное право. Естественное право имеет в виду установить, при каких общезначимых условиях можно ближайшим образом придать исторически обусловленному социальному регулированию качество объективной истинности. В данном случае, задача сводится к тому, чтобы выработать на «веки-вечные» проект подробного законодательства с точными параграфами. Над отдельным правом высится не идеальная правовая система с конкретным, но неизменным содержанием, – такая роль принадлежит общему углу зрения, полагаемому в основу исследования и оценки.

Такое воззрение на естественное право было в конце XIX начале XX века и имело особенный успех среди русских философов права.

Очень энергичным и последовательным защитником естественного права, как нравственной критики естественного права, проявил себя особенно П.И. Новгородцев в своих многочисленных работах направленных на обоснование «нравственного идеализма в праве» [3].

Уже в первой своей научной работе («Историческая школа юристов») П.И. Новгородцев наряду с критикой воззрений старой естественно-правовой школы, защищал необходимость возрождения идеи естественного права и указывал те принципы, на которых должно быть произведено это возрождение [4]. О естественном праве, как о «нравственном идеализме», говорит Новгородцев и в своей статье в сборнике «Проблемы идеализма». За дуализм в праве высказывается Новгородцев и в своей статье «Государство и право». Естественно-правовая конструкция государства неизбежно приводит к признанию дуализма государства и права. Тот монизм, та гармония государства и права, на которых настаивает формальная теория, есть не более как абстракция, которая содержит в себе тавтологическое утверждение, что создаваемое государством право находится в единстве со своим источником – государством. Конкретный исторический процесс и живое нравственное сознание не знают этой гармонии: напротив, им присущ постоянный дуализм, вечный процесс столкновений между тем правом, которое должно быть, и законом государственным [5].

Во всех своих работах по обоснованию теории естественного права Новгородцев остался верен той идее, что норма нравственная есть норма права естественного [5]. Главный правотворящий фактор сознания есть представление о нормальном, идея должно-го... Эта идея должно-го коренится в нравственном сознании, но нередко это нравственное или естественное право сопровождается убеждением в его действительном, а не только идеальном значении [5]. В современном правосознании Новгородцев видит кризис, который знаменует для него стремление к расширению правовой сферы, к противопоставлению положительному праву нравственной критики, т.е. естественного права [6]. Задача естественно-правовой конструкции государства, не в том, чтобы объяснить фактический строй государственных отношений, а в том, чтобы указать, насколько в данном строе отражаются нравственные начала, которые должны лежать в основе правопорядка. Вместо того, чтобы право ставить в зависимость от государства, оно (государство) ставит в зависимость от идеального представления о праве [5]. Казалось бы, раз естественное право есть лишь идеальное представление о праве,

то оно не имеет внешней обязательной юридической силы, но Новгородцев склонен признавать за ним прямую обязательную силу. Он признает идею естественного права, как стоящую над государством и полагающую границы проявления государственной воли [5]. Его основная естественно-правовая идея заключается в утверждении, что над государством стоят некоторые высшие нормы, которым оно должно подчиняться, из которых оно черпает и свое оправдание, и свои руководящие начала. По отношению к этим нормам государство является лишь органом, а не творцом [5]. Связанность государства своим правом вытекает не из самоограничения государственной воли, которая сама по себе совершенно свободна, а из естественного права, которое стоит над государством и направляет его деятельность. Высказать это утверждение, значит признать обязательность для государства нравственность норм, которым оно подчиняется наряду со своими подвластными [5]. Новгородцев до того отрицает значение за действительно существующими положительными нормами, что даже полагает, что никакое рассмотрение существующей правовой системы, никакое сравнение или сопоставление различных положительных прав, никакое обращение к истории не могут дать научного определения права, а самое многое могут лишь дать практическое описание положительных юридических норм [5].

Существенно те же взгляды на естественное право мы находим у Е.Н. Трубецкого в его «Лекциях по энциклопедии права» [7]. И для Трубецкого естественное право есть нравственная критика в праве, и для него оно не только идеальное мыслимое, а сущее и непосредственно обязательное. Трубецкой считает неудовлетворительным все те определения, которые отождествляют право вообще с правом только позитивным. Право положительное, т.е. по определению Трубецкого, право, обязательность которого покоится на внешнем авторитете, в конечном счете обусловливается неписанными нормами, обитающими в глубине нашего сознания, т.е. естественным правом. Предписания естественного права по своему содержанию суть вместе с тем и предписания нравственные. Естественное право – то же, что правда: оно содержит в себе всю совокупность тех нравственных требований, в силу которых мы подчиняемся или не подчиняемся тому или другому внешнему правому авторитету [7]. Естественное право есть синоним нравственного должно-го в праве... Оно есть нравственная основа всякого конкретного правопорядка [7]. Так как нравственные воззрения меняются, то и естественное право меняется.

Очень своеобразный дуализм, и именно в духе разбираемого нами дуализма, вносит в право Л. Петражицкий своим делением права на позитивное и интуитивное. Признак различия их он видит в фор-

мальном моменте: позитивное право основывается на нормативных фактах (вообще на гетерономных началах), интуитивное не имеет в своем основании таких нормативных фактов. Это интуитивное право в конце концов отождествляется Петражицким со справедливостью. При конфликтах интуитивного и позитивного права первенство не принадлежит вообще ни тому ни другому, а зависит от данного случая. Вследствие своеобразия правовых воззрений Петражицкого оценить этот дуализм можно только при рассмотрении теории Петражицкого по существу, что мы и сделаем ниже. Укажем также на книгу страсбургского профессора Юнга [8], посвященную вопросу естественного права. Юнг полагает, что позитивное право дедуктивно выводится из определенных общих норм, но наряду с ним существует и естественное право, которое индуктивно, так сказать, создается из единичных конкретных конфликтов вследствие этической реакции. Властная воля, стоящая за нормами позитивного права, есть уже позднейшее явление [8]. Теория естественного права Юнга, сближаясь отчасти с интуитивным правом Петражицкого, (сочинение которого о мотивах действия он цитирует), есть теория естественного права, как права нравственного.

Внесение дуализма в понятие права наталкивается, однако, на очень существенные возражения, которые и заставляют признать такое построение теории права неправильным.

Теории естественного права, как нравственно-идеализма в праве, нашли себе ряд решительных критиков и среди русских юристов. Из соображений чисто-юридического монизма, с точки зрения юридического позитивизма, против нравственных теорий естественного права высказались: Н.М. Коркунов [9], В.М. Хвостов [10], Г.Ф. Шершеневич [11] (Шершеневич, впрочем, соединяет юридический позитивизм с философским позитивизмом, что несколько не взаимобусловлено), Н.И. Палиенко [12]. Из соображений философского позитивизма и с точки зрения противопоставления социологии идеализму, высказались против теории естественного права: Н.И. Кареев [13], М.М. Ковалевский [14]. Петражицкий также выступил против теории естественного права, как нравственной критики норм положительного права, из соображений, направленных против идеализма, сначала по поводу книги Новгородцева «Кант и Гегель» в статье «К вопросу о возрождении естественного права (Право, 1902, № 41-42), а потом и в своей «Теории права и государства в связи с теорией нравственности» (2-е изд., С.С. 475-477). Впрочем, он лично еще более обострил дуализм в праве внесением в область права так называемого им интуитивного права.

Определяя естественное право, как нравственное право, сторонники нравственного идеализма в праве безнадежно смешивают области права и нрав-

ственности, отчего не выигрывают в ясности ни понятие права, ни понятие нравственности. Если различается право и нравственность, значит есть признаки, присущие одному и чуждые другому, если же естественное право отождествляется с нравственной критикой, то теряется возможность различить право и нравственность. Так как отличительный видовой признак права по сравнению с родовым понятием нравственности заключается, как мы это постараемся доказать ниже, в принудительности права, то смешение нравственности и права должно привести или к тому, что признак принудительности распространится и на нравственность, или принудительности будет лишено и право [15]. У сторонников отнесения в область права особого нравственного права мы и видим, действительно, такого рода последствия. Они бессильны перед задачей различить право и нравственность, и попытки их в этом направлении, очень слабые, заранее обречены на неудачу.

П. Новгородцев, приведя слова Бергбома, что человечество должно сохранять веру, что есть нечто высшее, чем формально-обязательное право; не следует только думать, чтобы это высшее было также правом, пишет совершенно справедливо: «Пусть так! Дело не в названии, а в признании этого высшего, стоящего над положительным правом, в качестве руководящего масштаба» [5]. Спрашивается только, если дело не в названии, по убеждению самого Новгородцева, то почему же он, раз его название вызывает возражение и спор, так настаивает на нем? Именно, чтобы не возбуждать не нужных и бесполезных препирательств из-за слов, и следует избегать не точных наименований. Конечно, дело не в названии, но зачем нравственное рассмотрение права называть естественным правом, когда оно и не естественное, а нравственное (что разумеется не одно и то же) и не право (так как в нем нет необходимого для права признака принудительности)?

И вот еще что важно было знать и на что мы напрасно стали искать определенного ответа у сторонников указанного дуализма в праве: какая нравственность имеется в виду, когда говорится о нравственном праве, положительная, извлекаемая из истории, или не положительная, мыслимая вне истории? Если имеется в виду положительная нравственность, т.е. нравственные нормы поведения, которых действительно придерживаются реальные люди в определенном обществе, то она тоже есть факт и входит в область истории, почему же, – возникает вопрос, – может быть найдено научное определение для права из истории положительной нравственности, а не может быть найдено из истории положительного права? И почему, если для философа, по словам П. Новгородцева, странно звучат слова «философия положительного права», т.е. другими словами, философия

положительной нравственности? Если же имеется в виду не положительная нравственность, то речь может идти лишь о разумной или, по аналогии с правом, естественной нравственности. Но что такое эта естественная нравственность? Если на вопрос о том, что такое естественное право, дается ответ, что это нравственное право, то такой ответ может быть дан и на вопрос, что же такое естественная нравственность? Продолжая, следовательно, аргументацию дуализма права, мы должны прийти к признанию и дуализма нравственности, и все спорные вопросы такого дуализма снова возникнут и по отношению к нравственности, без всякой надежды на свое разрешение.

При внесении дуализма в единое понятие права мы наталкиваемся на неразрешимый вопрос и значимость того и другого права. Если происходит конфликт нормы положительного права с нормой нравственного права, то возникает вопрос, какая норма значительнее, какая норма обязательна к исполнению, нравственная или юридическая. Вопрос этот совсем выходит из области права и пытаться вставить его в область права, значит делать непростительное смешение понятий, которое служит не к углублению, а скорее к разрушению самого понятия права. При столкновении отдельных норм положительной нравственности и положительного права (по существу здесь конфликта быть не может, потому что, как мы стараемся показать, право есть минимум нравственности), с точки зрения данного действующего права, никакой другой обязательности, кроме юридической, нельзя признать, так как для права всякий вопрос общественной жизни, относительно которого произошел спор, могущий нарушить общественный мир, должен быть разрешен правом [16]. Право перестало бы быть таковым, если бы против него можно было делать отвод ссылками из чуждой ему области. Подобный конфликт, всегда тягостный и возможный не только между отдельными нормами нравственности и права, но и между отдельными нормами единого права, юридически может быть разрешен в целях примирения тем, что сама юридическая норма, вызывающая конфликт, будет изменена сообразно направленной против него критики, но пока она остается неизменной, юридически обязательна только она. Разумеется, так как общественная жизнь не исчерпывается одним правом, возможно, что фактически в обществе получит обязательную силу именно нравственная норма, но надо ясно сознавать, что в данном случае происходит нарушение права, а не облекать этого правонарушения в мнимо-юридические (естественно-правовые) формы, как будто оно и есть самое настоящее торжество права.

Ведь точно также может произойти конфликт между нормой положительной нравственности и индивидуальным нравственным сознанием или ре-

лигиозной нормой, и снова возникает вопрос, какая норма обязательна. Ответ на этот вопрос, очевидно, может быть дан аналогичный предшествующему: с точки зрения положительной нравственности обязательны только ее нормы, но эти нормы для отдельного индивидуального нравственного сознания или религиозного верования своей обязательной силой иметь не будут; но эту индивидуальную субъективную или религиозную обязательность нельзя вводить в сферу нравственности и облекать в формы особой естественной нравственности, противостоящей положительной.

Конечно, в реальной жизни (как и в философском мышлении) в случае расхождения различных нравственных и религиозных норм восторжествует норма положительного религиозного сознания, так как сама положительная нравственность покоится и обосновывается религиозными принципами (понимая под религиозным принципом отношение к явлениям временной жизни с точки зрения вечности и абсолютного начала), а в случае расхождения норм положительной нравственности и положительного права восторжествует начало нравственное, так как само право, как таковое, обосновывается и оправдывается более широким принципом нравственного поведения. Но признавая эту фактическую и логическую иерархию значимости различных норм, нужно в то же время тщательно избегать двух вещей: во-первых, не следует смешивать различные сферы, чтобы не внести в рассмотрение общественной жизни полной неопределенности и недифференцированности, где объективные нормы будут опровергаться субъективными, а субъективные объективными, где в юридическое рассмотрение будут вводиться нравственные точки зрения, а в нравственное – юридические соображения; во-вторых, нельзя этого примата нравственных норм над юридическими выставлять как принцип объективной обязательности. Субъективные нравственные воззрения слишком различны, точно так же, как и субъективные толкования юридических норм; но для юридических норм объективная обязательность достигается тем, что создаются особые общественные органы, объективно закрепляющие эти нормы и устанавливающие определенно и непререкаемо, под какую норму должно быть поведено данное спорное житейское отношение. Для сферы нравственных норм таких органов, фиксирующих нравственные нормы и подводящих под них отдельные отношения, не существует; поэтому, конечно, ни о какой объективной обязательности нравственных норм для права не может быть и речи, так как не известно, кто же определит точное содержание нравственной (или, как выражаются сторонники дуализма в праве, естественно-правовой) нормы, и кто применит ее к данному случаю. За отсутствием каких бы то

ни было органов естественного права, все здесь, очевидно, предоставлено произвольному субъективному толкованию и усмотрению. Субъективный же произвол не может быть введен в область права, даже и под покровом естественного права.

Если признана правовая обязательность и примат естественно-правовых (нравственных норм), то, – спрашивается, – каким образом тогда вообще можно говорить о существовании наряду с естественным правом еще какого-то положительного права? Ведь это последнее должно вполне слиться с естественным, ибо только естественное право определяет юридическую обязанность. Гораздо последовательнее, с логической точки зрения, чем дуалисты права, путающиеся в собственных противоречиях, поступают те представители теории естественного, нравственно-разумного права, которые само право отождествляют именно с естественным разумным правом, а под естественным правом понимают нормы, извлекаемые разумом априорно из рассмотрения идеи права, как такового.

Яркий образец такого монистического априорного построения разумно-обоснованного права мы находим у Руссо. Разумно, оправдано, правомерно только то право, которое покоится на общественном договоре, и только то государство, в котором господствует общая воля, согласная в своих частях, направленная на общий интерес и охраняющая свободу каждого. Здесь не извлекается из нравственного сознания людей особого естественного права, но конструируется чисто априорно система права, отвечающая разумной идее права. Мнение, иногда высказываемое в литературе, будто Руссо уничтожил идею естественного права, не совсем правильно, не идею естественного права он уничтожил, а дуализм в праве, признав за право только право разумное (естественное).

Лишь разновидностью того же воззрения на естественное право являются те теории права, которые хотя и отрицают нравственный идеализм вообще, тем не менее так конструируют нормы объективного права, что эти нормы объективной нравственности выводимы не из нравственного сознания, а из социологического рассмотрения

Наиболее последовательно эта теория естественного права, как норм, вытекающих из основного принципа социальной морали, развита Дюги. Правда у него это право не носит названия естественного права, но только потому, что все объективное право есть у него не что иное, как разумное право, ему же противостоит не положительное право, а положительный закон, который может отвечать или не отве-

чать праву. Монизм в праве достигается тем, что признается только естественное право.

По воззрению Дюги, правило общественной солидарности вытекающее из социологического закона общественной взаимозависимости или солидарности, есть основа объективной общественной этики; оно же является руководящей идеей объективного права, тем критерием, каким должны оцениваться положительные законы. Разумна и оправдана только та система положительных законов, которая построена на уважении к правилу общественной солидарности и направлена на поддержание и развитие этой солидарности [17].

Система (абстрактных) норм, вытекающих из принципа общественной солидарности, именуемая Дюги объективным правом, конечно есть не что иное, как естественное право в духе Руссо, но только базирующееся на принципе, взятом из области социологии. Признается существование только объективного права, нормы права, возвышающиеся и над индивидом, и над обществом, изначальной, из которой должно выводить всю систему права и с которой сообразоваться должна всякая власть, в том числе и государственная и всякий положительный закон. Положительный закон, по его мнению, еще не есть право; правом он является тогда, когда отвечает естественно-правовой норме общественной солидарности. Государственная власть и поддерживаемая ею система положительных законов могут быть обоснованы и оправданы только при согласии их с «объективным правом, которое выводится разумом из принципа общественной солидарности. Это объективное право – право чисто разумное, так как оно не есть создание какой бы то ни было человеческой воли; ни воля Божественная или главы государства, ни воля всего народа, которыми обосновывают системы права теории теократические и демократические, не могут оправдать своей обязательности. Обязательность всякой положительной юридической нормы лишь в ее соответствии разумному принципу общественной солидарности. Все право покоится на *regle de droit*, а *regle de droit* (верховенство права, правовая норма) есть норма чисто рационалистическая. Трудно представить себе более крайнюю апофеозу идею естественного права.

Эти монистические теории естественного права в сущности отождествляют все право с так или иначе, идеалистически или позитивистически, понятой нравственностью и подлежат тем же всем возражениям, какие возникают против теорий последовательно дуалистических.

Список литературы

1. *Чернявский А.Г.*, Фундаментальные основы права: компаративистика в юриспруденции, Москва, 2019, С. 57.
2. *Ahrens H.*, Cours de droit naturel ou de philosophie du droit : fait d'après l'Etat actuel de cette science en Allemagne, – 4 edition, revue et considerablement augmentee. – Meline, Cans et Compagnie, Libraires-Editeurs, 1853, S.S. 1-6.
3. *Новгородцев П.И.*, Нравственный идеализм в философии права (Проблемы идеализма), 1902, С.С. 236-296.
4. *Новгородцев П.И.*, Историческая школа юристов, М., 1896, С.С. 1-22.
5. *Новгородцев П.И.*, Государство и право, Вопросы философии и психологии, кн. 74-75.
6. *Новгородцев П.И.*, Кризис современного правосознания, М. 1908, С. 16.
7. *Трубецкой Е.Н.*, Лекции по энциклопедии права, Москва, Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1917.
8. *Erich Jung*, Das Problem des natuerlichen Rechts, Leipzig, 1912.
9. *Коркунов Н.М.*, Лекции по общей теории права, 7-е. изд., СПб., 1907, С.С. 84-99.
10. *Хвостов В.М.*, Общая теория права, 4-е изд., -М., 1905, С.С. 58-60.
11. *Шершеневич Г.Ф.*, Общая теория права, М., Изд. Бр. Башмаковых, 1911. С.С. 26-39.
12. *Палиенко Н.И.*, Учение о существе права и правовой связанности государства, Харьков, Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1908.
13. *Кареев Н.И.*, Нужно ли возрождение естественного права, Рус. Богатство, 1902, № 4.
14. *Ковалевский М.М.*, Социология и сравнительная история права, Вестник воспитания, 1902, №2.
15. *Чернявский А.Г.*, Роль и значение идеологии для государства и права, Монография / 2020. Сер. Научная мысль (Изд. 2-е, испр. и доп.), С. 147.
16. *Чернявский А.Г.*, Погребная Ю.К., Идеологическая функция права, Москва, 2015, С. 153.
17. *Чернявский А.Г.*, Право как минимум нравственности, Образование и право, 2020, № 3, С. 53-57.

References

1. *A.G. Chernyavsky*, Fundamental foundations of law: comparative studies in jurisprudence, Moscow, 2019, p. 57.
2. *H. Ahrens*, Cours de droit naturel ou de philosophie du droit: fait d'après l'Etat actuel de cette science en Allemagne, – 4th edition, revue et considerablement augmentee. – Meline, Cans et Compagnie, Libraires-Editeurs, 1853, S.S. 1-6.
3. *P.I. Novgorodtsev*, Historical School of Lawyers, M., 1896, S.S. 1-22; Kant and Hegel, M., 1901; On the tasks of modern philosophy of law, Law, 1902, no. 40;
4. Moral idealism in the philosophy of law (Problems of idealism), 1902, S.S. 236-296; State and law, Questions of philosophy and psychology, Vol. 74-75;
5. *P.I. Novgorodtsev*, The crisis of modern legal consciousness, M. 1908, p. 16.
6. *P.I. Novgorodtsev*, State and law, Problems of philosophy and psychology, -M., 1904, book. 75 (V), p. 511
7. *E.N. Trubetskoy*, Lectures on the Encyclopedia of Law, Moscow, A.I. Mamontov, 1917.
8. *Erich Jung*, Das Problem des natuerlichen Rechts, Leipzig, 1912.
9. *N.M. Korkunov*, Lectures on General Theory of Law, 7th. ed., SPb., 1907, S.S. 84-99.
10. *V. M. Khvostov*, General theory of law, 4th ed., -M., 1905, S.S. 58-60.
11. *G.F. Shershenevich*, General theory of law, M., Ed. Br. Bashmakovykh, 1911. 26-39.
12. *NI Palienko*, The doctrine of the essence of law and legal connectedness of the state, Kharkov, Type. or T. M. Zilberberg and s-vya, 1908.
13. *N.I. Kareev*, Is it necessary to revive natural law, Rus. Wealth, 1902, no. 4.
14. *M.M. Kovalevsky*, Sociology and Comparative History of Law, Bulletin of Education, 1902, no.
15. *A.G. Chernyavsky*, The role and significance of ideology for state and law, Monograph / 2020. Ser. Scientific Thought (2nd ed., Revised and supplemented), p. 147.
16. *A.G. Chernyavsky*, Yu.K. Pogrebnaya, Ideological function of law, Moscow, 2015, p. 153.
17. *A.G. Chernyavsky*, The right moralis as a minimum, Education and law, 2020, № 3, p. 53-57.

Яковлева Анастасия Анатольевна,

студент, ФГАОУ ВО Самарский национальный исследовательский университет им. Академика С.П. Королева,
город Самара,
ajackson@yandex.ru

Кленкина Ольга Валерьевна,

кандидат юридических наук, декан юридического факультета, АНО ВО Самарский университет
государственного управления Международный институт рынка, город Самара,
olga.v.klenkina@gmail.com

Шиханова Елена Геннадьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры Социальных систем и права, ФГАОУ ВО Самарский
национальный исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, город Самара,
Elen69295@rambler.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕРТВ ТЕРАКТОВ: АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА РАЗНЫХ СТРАН

Аннотация. В статье анализируется правовой статус жертв терактов в ряде государств: Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки, Испании, Италии, Чешской республике, Бельгии и Нидерландах. Для России данный вид преступной деятельности представляет серьезную угрозу национальной безопасности. Этот факт подтверждает статистика, размещаемая ежегодно на сайтах Федеральной службы безопасности и Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Контент-анализ научных источников по проблеме исследования, нормативно-правовых актов и судебной практики позволил авторам определить комплекс вопросов, требующих разрешения: содержание правового статуса «жертвы террористического акта»; размер суммы ущерба таким лицам; разделения компенсации за причинение материального и морального вреда, и установления «ответчика» по такому ряду дел и др. Отдельного внимания заслуживает отсутствие единообразия решения указанных вопросов в разных странах, несмотря на глобальность проблемы. На основе сравнительного анализа в статье сформулированы рекомендации авторов по поддержанию политики актуализации нормативно-правовых актов о возмещении компенсаций жертвам насильственных преступлений, даже если преступление напрямую не связано с терроризмом. Отмечается необходимость использования системного подхода со стороны государства к разработке и реализации механизма поддержки лиц, ставших жертвами террористических актов, который должен в себя включать правовую, финансовую, социальную и психологическую помощь. Авторы делают вывод, что представленные результаты могут стать основой для дальнейших исследований правового регулирования посттеррористической ситуации в стране, и могут быть учтены при разработке изменений к действующему законодательству Российской Федерации. **Ключевые слова:** правовой статус, терроризм, жертва террористического акта, возмещение ущерба, компенсация морального вреда, регулирование положения жертв теракта

Anastasia A. Yakovleva,

Student, Samara National Research University, Samara,
ajackson@yandex.ru

Olga V. Klenkina,

PhD in law, Dean of the Faculty of Law, Samara University of Public Administration International Market Institute,
Samara,
olga.v.klenkina@gmail.com

Elena G. Shikhanova,

PhD in Pedagogic, Associate Professor of the Department of Social Systems and Law,
Samara National Research University, Samara,
Elen69295@rambler.ru

LEGAL STATUS OF VICTIMS OF TERRORIST ATTACKS: ANALYSIS OF LEGAL SOURCES IN DIFFERENT COUNTRIES

Abstract. This article examines the legal status of victims of terrorist attacks in a number of states: the Russian Federation, the United States of America, Spain, Italy, the Czech Republic, Belgium and the Netherlands. For Russia, this type of criminal activity poses a serious threat to national security. This fact is confirmed by statistics posted annually on the website of the FSB and Rosstat. Content analysis of scientific sources on the problem of research, normative legal acts and judicial practice allowed us to determine a set of issues that require solutions: the content of the legal status of the «victim of a terrorist act»; the amount of damage to such persons; the division of compensation for causing material and moral harm, and the establishment of a «defendant» in such a number of cases, etc. Special attention should be paid to the lack of uniformity in the solution of these issues in different countries, despite the global nature of the problem. Based on the comparative analysis, the article makes recommendations to states on maintaining the policy of updating the normative legal acts on compensation for victims of violent crimes, even if the crime is not directly related to terrorism. It is noted that it is necessary to use a systematic approach on the part of the state to develop and implement a mechanism for supporting persons who have become victims of terrorist acts, which should include legal, financial, social and psychological assistance. The presented results can be the basis for further studies of the legal regulation of the post-terrorist situation in the country, and are taken into account when developing amendments to the current legislation of the Russian Federation.

Keywords: terrorism, victim of a terrorist act, compensation for non-pecuniary damage, regulation of the situation of victims of a terrorist attack

Обеспечение национальной безопасности является важнейшей функцией государства. В современном мире страны объединила общая проблема – предотвращение террористических актов. Исследователи отмечают, что одной из причин современного терроризма являются пробелы в международном и национальном законодательстве [1]. По нашему мнению, лица, пострадавшие от действий террористов, попадают в особое уязвимое положение. Соответственно, государство должно иметь реальный механизм реабилитации жертв террористических актов. В настоящем исследовании авторами предпринята попытка проанализировать реакцию законодательной власти стран на акты терроризма путем проведения сравнительного анализа правового положения жертв террористических актов в разных странах.

Анализ официальных источников статистических данных о террористических актах проведенный авторами ранее [2], позволил отметить тенденцию снижения данного вида преступлений в мире. Однако, в РФ отмечается рост террористических угроз в 2019 году по отношению к 2018 году (на 0,64%), наряду с этим также отмечен рост раскрываемости преступлений (на 26,57%) и привлечения к ответственности виновных лиц (на 8,57%) [3].

Сегодня на международном уровне правовую основу борьбы с терроризмом составляют следующие нормативные акты: «Международная конвенция о борьбе с захватом заложников» [4], «Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом» [5], «Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма» [6], «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [7], «Конвенция Совета Европы о предупреж-

дении терроризма» (CETS № 196) [8], ряд резолюций Совета Безопасности ООН (включая резолюцию 2015 года) и другие. Хронология изученных нами документов позволяет сделать ряд выводов: международные нормативные акты носят чаще характер «постфактум»; изменение таких документов не является систематическим; за последние годы существенных изменений в нормативную базу внесено не было.

Ранее авторами уже исследовался вопрос влияния террористической деятельности на национальную безопасность в России [2] и отмечалось, что такие действия оказывают влияние на жизнь человека и общества в целом и в последующем. Вопрос социально-психологического состояния жертв террористических актов активно исследуется в психологии и психиатрии как в России [9, 10], так и за рубежом. Например, американские исследователи отмечают, что политика самого государства в отдельных случаях способствует сохранению нестабильного психологического состояния жертв терактов, обуславливаемого страхом [11]. После ряда терактов во Франции авторы подчеркивают неопределенность статуса таких лиц наряду с проблемой оказания соматической и психологической помощи [12]. Согласимся с Ж.Ч. Цуциевой, что у пострадавших возникают сложности в межличностном взаимодействии, что выражается в повышении «агрессивности и усугублении социально-психологической адаптации» [13]. Таким образом, в совокупности с проблемой национальной безопасности немаловажной проблемой становится определение статуса жертв терактов, восстановление и поддержка их жизни и общества в целом.

По мнению авторов, отсутствие реального механизма поддержки со стороны государства и четких критериев определения условий и размеров компен-

сации является первопричиной указанных проблем. В связи с чем в настоящем исследовании авторами предлагается к обсуждению ряд вопросов: «кто является жертвой – только тот, кто непосредственно пострадал или любое лицо, кому причинен вред?»; «какой ущерб подлежит возмещению?»; «что выступает основанием для выплат от государства?»; «является ли выплата со стороны государства признанием им косвенной вины в непредотвращении теракта или речь идет о социальной выплате (помощи)?».

Наиболее существенным и спорным террористическим актом в РФ является захват заложников в 2002 году в Москве во время мюзикла «Норд-Ост» на Дубровке. В суде пострадавшие столкнулись с двусмысленным толкованием положения ст. 17 действующего на тот момент Федерального закона от 25.07.1998 года № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» [14]. Исследователи отмечают, что данные иски не были удовлетворены, так как, во-первых, в статье отсутствовало разграничение между материальным и моральным вредом, а, во-вторых, не было представлено четкого механизма возмещения ущерба [15]. В соответствии с гражданским законодательством, причиненный вред подлежит возмещению в полном объеме виновным лицом (ч. 1 ст. 1064 ГК РФ), однако, иски были поданы к Правительству Москвы, которое было определено ненадлежащим ответчиком. В контексте данного исследования важно отметить, что, несмотря на то, что был принят новый Федеральный закон от 06.03.2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», как такового разграничения между материальным и моральным вредом не появилось. С нашей точки зрения значимым является факт того, что механизм возмещения вреда не стал более четким, потому что взыскать средства с лиц, совершивших террористический акт, видится достаточно проблематичным по ряду причин, например, невозможности установить виновное лицо или его смерти в ходе спецоперации. Стоит отметить, что жертвы рассматриваемого теракта обращались в последующем в ЕСПЧ [16] относительно мер, принятых властями для предотвращения террористической атаки, использования усыпляющего газа российскими службами безопасности во время спасательной операции, но, несмотря на присужденные суммы за ряд нарушений, нарушения, связанного со способом предотвращения, выявлено не было [13]. После решения ЕСПЧ [17] были удовлетворены требования лиц о взыскании ущерба [18] с Министерства финансов РФ, однако, в меньшем объеме, чем было установлено в ЕСПЧ. Аналогичная практика прослеживается и по ряду других терактов, совершенных на территории РФ [19].

В 2007 году, вслед за Федеральным законом от 06.03.2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», вступает в силу Постановление Правитель-

ства РФ № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом», в соответствии с которым жертвам террористических актов государство обязуется оказывать психологическую, медицинскую и профессиональную реабилитацию, правовую помощь и содействие в трудоустройстве. Однако, исследователи отмечают, что сам акт носит формальный характер и в современных условиях не реализуется, а также что «по существу нормы права являются отсылочными и не регламентируют четкий механизм взаимодействия» [20].

Относительно финансовой поддержки жертв террористических актов в РФ действует Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2019 года № 1928 «Об утверждении правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета... лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями» [21], согласно которому пострадавшие от террористического акта граждане могут получить единовременную финансовую поддержку. Конкретизированы права на получение единовременных пособий: в связи с гибелью члена семьи (включая пособие на погребение погибшего члена семьи); в связи с получением вреда здоровью; гражданам из числа заложников; а также, получения финансовой помощи в связи с полной или частичной утратой имущества разными категориями субъектов правоотношений. Отметим, что, несмотря на конкретизацию некоторых финансовых вопросов, процедура реабилитации не стала прозрачнее. В настоящее время в РФ отсутствует нормативно-правовой акт, регламентирующий комплексную поддержку жертв терактов, которая включала бы в себя наряду с единовременными выплатами, систематическую финансовую, социальную, психологическую и иную поддержку. Кроме того, по нашему мнению, нуждается в доработке правоприменительная практика по назначению таких выплат и контролю со стороны государства исполнения взятого на себя обязательства.

В проведенном ранее исследовании авторами уже отмечалось, что существенно меняется и законодательство США после террористической атаки 11 сентября 2001 года, а именно, подход к возмещению ущерба жертвам терактов [22]. По мнению исследователей, это самый серьезный теракт для страны, он оказал мощное воздействие на психическое здоровье населения США [23]. Государство гарантирует пострадавшим гражданам возможность начать судебное преследование преступника, в независимости от того, является ли он гражданином США или нет. Ключевым нормативно-правовым актом по возмещению

ущерба со стороны государства в США остается закон «О страховании рисков, связанных с терроризмом» от 26 ноября 2002 года [24], в котором обязательство выплатить компенсацию возлагается исключительно на «преступника» – физическое или юридическое лицо, государство. Актом «О доступе жертв терроризма к компенсации» 2002 года закрепляется право пострадавших взыскивать ущерб за счет заблокированных в США финансовых активов государств, блокировка которых произведена властью страны по причине подозрения или установления факта финансирования деятельности террористических организаций. Наряду с этим, у пострадавших появляется возможность получить возмещение ущерба через «Компенсационный фонд жертв 11 сентября», осуществляющего выплаты за счет мегаранта лицам, которые смогли доказать причиненный им ущерб данным терактом. Кроме того, участие федерального правительства в возмещении вреда жертвам терроризма предусмотрено актом «О национальной безопасности» [25], что позволяет органы государственной власти считать надлежащим ответчиком по ряду споров.

Контент-анализ законодательства и научных источников по рассматриваемой проблеме позволяет определить закономерность правовых изменений вследствие произошедших терактов на территории страны. Однако, если в США с целью рационализации механизма возмещения ущерба в течение года приняли необходимые нормы, то в России потребовалось около четырех лет для принятия Федерального закона «О противодействии терроризму», который не имел существенных отличий от редакции ранее действующего ФЗ «О борьбе с терроризмом» по вопросам положения жертв терактов.

В ходе настоящего исследования авторы обратились к нормативно-правовым актам европейских стран, где также прослеживается закономерность изменений законодательства вследствие террористических актов. Так, 11 марта 2004 года в четырех поездах, следующих из Мадрида, произошли взрывы. Спустя 3 месяца семьями пострадавших было сформировано объединение «Ассоциация пострадавших от терроризма 11 марта», имеющее среди прочего цель «заняться серьезными пробелами в защите жертв терроризма и обеспечением всех людей, пострадавших от террористических актов, должной медицинской, психологической, социальной и правовой поддержкой» [26]. Деятельность, которую осуществляют такие организации по всему миру, имеет чрезвычайную важность не только в связи с тем, что она позволяет осуществить информационную и материальную поддержку пострадавших, но и ввиду реализации ими правозащитной функции. Независимый эксперт ООН Луис Джойнет (Louis Joinet) [27] обращает на это особое внимание, так как благодаря инициативности

правозащитных организаций реализуется право человека на справедливость. Согласимся с его теорией, что все жертвы терактов имеют право на достоверную информацию, право на справедливое расследование и право на компенсацию.

В Испании в настоящее время предусмотрена процедура возмещения компенсации жертвам терроризма по закону «О солидарности с жертвами терроризма» [29], где государство берет на себя обязанность по возмещению ущерба в случаях, когда это невозможно сделать за счет виновных лиц, таким образом, разделяя ответственность за жизнь и здоровье людей. Из текста нормативно-правового акта следует, что воспользоваться таким правом могут только граждане Испании, граждане стран Европейского союза, лица, имеющие вид на жительство в Испании, а также граждане тех стран, которые подписали с Испанией соответствующие двусторонние соглашения.

Анализируя нормативно-правовой опыт Италии, обратимся к закону «О новых нормах в пользу жертв терроризма и других подобных преступлений» [30], который предусматривает денежные выплаты пострадавшим от террористических актов и их семьям. Отметим, что в отличие от Испании, для применения настоящего закона не важно является ли пострадавший гражданином Италии, если теракт совершен на территории страны, а также неважно, где совершен теракт, если пострадавшим при этом является гражданин Италии. Заслуживает внимания конкретизация термина «жертва» террористического акта – «лицо, получившее ранение или увечье, или его вдова/вдовец (в случае смерти человека), сироты, а также родители» [30].

Законодательство Италии и Испании являются прообразами того, как государства, уязвленные террористическими атаками, реагируют на изменения в обществе и организуют поддержку населения. Такая реакция соответствует современным международным стандартам, которые Генеральная ассамблея ООН приняла в декабре 2005 года [31].

Касаясь политики Европейского союза (далее – ЕС) в целом, необходимо также обратиться к директиве Совета ЕС 2004/80/ЕС, в соответствии с которой «жертвы совершенных в Европейском союзе преступлений должны получать справедливую и достойную компенсацию за ущерб, который был им причинен, независимо от того, где именно в пределах ЕС было совершено преступление» [32]. Разработка механизмов компенсации вследствие действий, совершенных на территории страны, должны быть разработаны самой страной, однако право у жертв терактов должно возникать вне зависимости от того, где на территории ЕС совершено нападение. Вместе с тем, согласно этим требованиям государства-члены ЕС обязаны подготовить «систему сотрудничества между националь-

ми властями, упрощающую процедуру возмещения ущерба в тех случаях, когда преступление было совершено в стране, не являющейся местом проживания жертвы» [32].

В качестве реакции на директиву Совета ЕС, большинство европейских государств разрабатывают собственные нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы выплат денежных средств жертвам террористических атак со своей спецификой. Выше мы уже отметили такие изменения в национальном законодательстве Италии и Испании. Аналогичные поправки наблюдаются в нормативно-правовом регулировании в Бельгии [33], Германии [34], Нидерландах [35] Португалии [36], Чехии [37] и т.д. Отличия заключаются лишь в том, является ли лицо гражданином страны, на территории которой произошел теракт, или нет, заключен ли международный договор с государством, гражданином которой лицо является.

Проведенный анализ позволил установить прямую зависимость между совершенным террористическим актом и изменением национального законодательства. Многие государства действуют в соответствии со структурным подходом к возмещению ущерба; в них действуют официально признанные государством некоммерческие организации, которые содействуют реализации установленных требований закона. В законодательстве большинства стран жертвы терактов выделены в отдельную группу, наделенные особым статусом. Все государства признают необходимость поддержки жертв террористических актов, акцентируя внимание на финансовой стороне вопроса, в том числе, на оказании помощи в возмещении ущерба даже в случаях, когда получить денежные средства от обвиняемого затруднительно или невозможно.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что первостепенную роль в обеспечении правового положения жертв террористических актов играет государство, которое является гарантом защиты его прав, поддержки и реабилитации.

Предполагается, что у каждого государства имеется потенциал для разработки и внедрения реального комплексного механизма взаимодействия с жертвами терактов, с целью минимизации причиненного им ущерба, который будет включать в себя правовую, материальную, медицинскую и социально-психологическую поддержку. Особо следует выделить функцию контроля со стороны государства за «состоятельностью и работоспособностью» такого механизма. В отношении правовой помощи необходимо создавать организации, деятельность которых направлена на выяснение и обнародование всех обстоятельств произошедшего, а также гарантировать пострадавшим справедливость рассмотрения дел и возможность возмещения ущерба, соотносимое с полученными увечьями, основываясь на принципе, что ответственность за выплаты жертвам терактов компенсаций лежит на их исполнителях, а государство приходит на помощь только тогда, когда возмещение денежных средств подобным образом не представляется возможным. Если речь идет о материальном возмещении ущерба, предполагаем использование вариативности инструментов возмещения вреда, где субъекты сами могут выбирать способ получения компенсации: через учрежденные после трагедии некоммерческие организации или с лиц, указанных в решении суда; установить четкие критерии при определении подлежащей взысканию суммы компенсации; принять во внимание необходимость систематической финансовой поддержки. В отношении медицинской и социально-психологической поддержки необходимо предусмотреть упрощенный порядок создания специальных государственных фондов или иных организаций, компенсационные выплаты которых представляют собой достаточную пенсию для существования; покрытие всех медицинских расходов лицу, потерявшему трудоспособность в связи с террористической атакой; освободить жертв терактов от оплаты счетов за лечение в будущем, и любых услуг, относящихся к правовому или судебному сопровождению дел о терактах.

Список литературы

1. Серебренникова А.В., Суходолов А.П., Спасенников Б.А. Криминологическая характеристика причин и условий террористической преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. С. 38-48 URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=23452>
2. Яковлева А.А. Правовое положение жертв террористических актов: постановка проблемы // Молодежные исследования и инициативы в науке, образовании, культуре, политике. Сборник материалов XIV Всероссийской молодежной научно-практической конференции. 2019. С. 933-935.
3. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-июль 2019 г. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1681252/>
4. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml
5. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml
6. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml

7. Распоряжение Президента РФ от 07.06.2001 N 312-рп «О подписании Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP&dst=100013&n=235399&req=doc#04889532933088584>
8. «Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма» (CETS N 196) [рус., англ.] (Заклучена в г. Варшаве 16.05.2005) (с изм. от 22.10.2015) URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT;n=31785;req=doc#06004869552473253>
9. Лисова Е.Н. Социально-психологические особенности жертв террористических актов // Вестник Прикамского социального института. 2018. №1 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-zhertv-terroristicheskikh-aktov>
10. Седых Н.С. К вопросу о психологических последствиях терроризма [Электронный ресурс] // Психолог. 2013. № 1. С. 101–130. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_229.html
11. Sinclair, S.J., Antonius, D. The Psychology of Terrorism Fears – Book. May 24, 2012, Pages 208. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195388114.001.0001
12. Wallaert, R., Wohl, M., Dantchev, N. Victims of terrorist attacks: forensic issues (Article) [Victimes d’attentats: aspects médico-légaux] // La Revue du praticien. Volume 68, Issue 1, 1 January 2018, Pages 105-108.
13. Цуцьева Ж.Ч. Психологические проявления и особенности диагностики признаков посттравматических стрессовых расстройств у детей, жертв терроризма // Вестник психотерапии. 2007. Т. 28. № 23. С. 138-139
14. Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 25.07.1998 N 130-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19563/
15. Хасаншина Р.Г. Правовое регулирование механизма восстановления прав жертв террористических актов // ВЭПС. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-mehanizma-vozstanovleniya-prav-zhertv-terroristicheskikh-aktov>
16. Постановление ЕСПЧ от 20.12.2011 «Дело «Финогенов и другие (Finogenov and others) против Российской Федерации» (жалобы N 18299/03 и 27311/03) URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=277781#0588939551490405>
17. Апелляционное определение № 33-1134/2014 от 22 июля 2014 г. по делу № 33-1134/2014 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RKTjoISPki/>
18. Решение от 3 июля 2013 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NTvY3F4lbcoJ>
19. Решение ЕСПЧ от 09 июня 2015 года по делу «Тагаева и другие против России» (Tagayeva and Others v. Russia, NN 26562/07). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-155843>
20. Кобец П.Н., Краснова К.А., Волкова М.А. Защита имущественных прав потерпевших от террористического акта: гражданско-правовой аспект // Адвокатская практика. 2018. № 5. С. 16-21
21. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2019 г. N 1928 «Об утверждении правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета ...» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=88737699806378629351110292&cacheid=CBDCCEEDF42F26635F41B9DC1FD5D7D2&mode=splus&base=LAW&n=342223&rnd=0.39368942967697285#2rus4xtwn60> (дата обращения: 10.05.2020)
22. Яковлева А.А., Шиханова Е.Г. Положение жертв терактов: правовая основа в РФ и США // Международная молодёжная научная конференция “XV Королёвские чтения”, посвящённая 100-летию со дня рождения Д. И. КОЗЛОВА: тезисы докладов. 2019. С. 990-991.
23. Pfefferbaum, B., Simic, Z., North, C.S. Parent-Reported Child Reactions to the September 11, 2001 World Trade Center Attacks (New York USA) in Relation to Parent Post-Disaster Psychopathology Three Years after the Event // Prehospital and Disaster Medicine. 2018. 33(5), с. 558-564. DOI: 10.1017/S1049023X18000869
24. Terrorism Risk Insurance Act, URL: www.treasury.gov/resource-center/fin-mkts/Documents/hr3210.pdf
25. «Homeland Security Act of 2002», sec.502, 3, <https://www.dhs.gov/homeland-security-act-2002>
26. Портал поддержки жертв терроризма, Правительственная поддержка: Испания, URL: <https://www.un.org/victimsofterrorism/ru/node/223>
27. The Administration of Justice and the Human Rights of Detainees. Question of the Impunity of Perpetrators of Human Rights Violations (Civil and Political). Final Report Prepared by Mr. Joinet Pursuant to Sub-Commission Decision 1996/119 URL: <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1028&context=lcp>
28. La Ley por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la Guerra Civil y la Dictadura (Ley de Memoria Histórica) URL: www.boe.es/boe/dias/2007/12/27/pdfs/A53410-53416.pdf
29. Ley 2/2003, de 12 de marzo, de modificación de la Ley 32/1999, de 8 de octubre, de solidaridad con las víctimas del terrorismo URL: www.lexureditorial.com/boe/0303/05175.htm
30. Nuove norme in favore delle vittime del terrorismo e delle stragi di tale matrice URL: www.altalex.com/documents/leggi/2004/08/16/nuove-norme-in-favore-delle-vittime-del-terrorismo-e-delle-stragi-di-tale-matrice
31. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений

- международного гуманитарного права. Приняты резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 2005 года. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml
32. EU Council Directive 2004/80/EC of 29 April 2004 URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/html/?uri=celex:32004l0080&from=en>
33. L'aide financière aux victims d'actes intentionnels de violence URL: www.policedegaume.be/Documents%20clients/doc/violence.pdf
34. Crime Victims Compensation Act. URL: www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/EN/crime-victims-compensation-act-2016.pdf?__blob=publicationFile&v=3
35. Besluit schadefonds geweldsmisdrijven. URL: www.schadefonds.nl/en_GB/
36. Compensation to crime victims – Portugal. URL: http://ec.europa.eu/civiljustice/comp_crime_victim/comp_crime_victim_por_en.htm#2
37. Compensation to Crime Victims – Czech Republic. URL: http://ec.europa.eu/civiljustice/comp_crime_victim/comp_crime_victim_cze_en.htm#2.1

References

1. *Serebrennikova A.V., Sukhodolov A.P., Spasennikov B.A.* Criminological characteristics of the causes and conditions of terrorist crime // Russian journal of criminology. 2020. C. 38-48 URL: <http://cj.bgu.ru/reader/article.aspx?id=23452>
2. *Yakovleva A.A.* Legal status of victims of terrorist acts: statement of the problem // XIV All-Russian youth scientific and practical conference «Youth research and initiatives in science, education, culture, politics». 2019. pp. 934-936
3. Statistical data on the main performance indicators of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for January-July 2019 URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1681252/>
4. International Convention against the Taking of Hostages URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml
5. International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml
6. International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml
7. Decree of the President of the Russian Federation of 07.06.2001 N 312-rp «On Signing the Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP&dst=100013&n=235399&req=doc#04889532933088584>
8. Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism (CETS N 196) [Russian, English] (Concluded in Warsaw on 16.05.2005) (with ed. from 22.10.2015) URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT;n=31785;req=doc#06004869552473253>
9. *Lisova E.N.* Socio-psychological features of victims of terrorist acts // Vestnik Prikamskogo sotsialnogo instituta. 2018. №1 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-osobennosti-zhertv-terroristicheskikh-aktov>
10. *Sedykh N.S.* To the question of the psychological consequences of terrorism [Electronic resource] // Psychologist. 2013. No. 1. pp. 101-130. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_229.html
11. *Sinclair, S.J., Antonius, D.* The Psychology of Terrorism Fears-Book. May 24, 2012, Pages 208. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195388114.001.0001
12. *Wallaert, R., Wohl, M., Dantchev, N.* Victims of terrorist attacks: forensic issues (Article) [Victimes d'attentats: aspects médico-légaux] // La Revue du praticien. Volume 68, Issue 1, 1 January 2018, Pages 105-108.
13. *Tsutsieva Zh.Ch.* Psychological manifestations and features of the diagnosis of signs of post-traumatic stress disorders in children, victims of terrorism // Bulletin of Psychotherapy. 2007. Vol. 28. No. 23. pp. 138-139
14. Federal Law «On Combating Terrorism» of 25.07.1998 N 130-FZ (latest version) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19563/
15. *Khasanshina R.G.* Legal regulation of the mechanism for restoring the rights of victims of terrorist acts. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-mehanizma-vo-sstanovleniya-prav-zhertv-terroristicheskikh-aktov>
16. Decision of the ECtHR of 20.12.2011 «Case» Finogenov and others (Finogenov and others) v. The Russian Federation» (complaints N 18299/03 and 27311/03) URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ase=ARB002&n=277781#0588939551490405>
17. Appeal Ruling No. 33-1134 / 2014 of July 22, 2014 in case No. 33-1134 / 2014 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RKTjoISPkil/>
18. Decision of 3 July 2013 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NTvY3F4lbcoJ>
19. ECtHR decision of June 09, 2015 in the case « Tagayeva and Others v. Russia» (Tagayeva and Others v. Russia, NN 26562/07). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-155843>
20. *Kobets P. N., Krasnova K. A., Volkova M.A.* Protection of property rights of victims of a terrorist act: civil-legal aspect. 2018. No. 5. S. 16-21
21. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 28, 2019 N 1928 «On approval of the rules for the provision of other inter-budget transfers from the Federal budget ...» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/>

- online.cgi?req=doc&ts=88737699806378629351110292&cacheid=CBDCCEEDF42F26635F41B9DC1FD5D7D2&mode=splus&base=LAW&n=342223&rnd=0.39368942967697285#2rus4xtwn60 (accessed: 10.05.2020)
22. *Yakovleva A.A., Shikhanova E.G.* The situation of victims of terrorist attacks: the legal basis in the Russian Federation and the USA // International Young Scientists Conference "The 15th Korolev's readings", dedicated to the 100th anniversary from the birth date of the D. I. Kozlov. 2019. C. 990-991.
23. *Pfefferbaum, B., Simic, Z., North, C.S.* Parent-Reported Child Reactions to the September 11, 2001 World Trade Center Attacks (New York USA) in Relation to Parent Post-Disaster Psychopathology Three Years after the Event // *Prehospital and Disaster Medicine*. 2018. 33(5), pp. 558-564. DOI: 10.1017/S1049023X18000869
24. Terrorism Risk Insurance Act, URL: www.treasury.gov/resource-center/fin-mkts/Documents/hr3210.pdf
25. «Homeland Security Act of 2002», sec.502, 3, <https://www.dhs.gov/homeland-security-act-2002>
26. Support Portal for Victims of Terrorism, Government Support: Spain, URL: <https://www.un.org/victimsofterrorism/ru/node/223>
27. The Administration of Justice and the Human Rights of Detainees. Question of the Impunity of Perpetrators of Human Rights Violations (Civil and Political). Final Report Prepared by Mr. Joinet Pursuant to Sub-Commission Decision 1996/119 URL: <http://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1028&context=lcp>
28. La Ley por la que se reconocen y amplían derechos y se establecen medidas en favor de quienes padecieron persecución o violencia durante la Guerra Civil y la Dictadura (Ley de Memoria Histórica) URL: www.boe.es/boe/dias/2007/12/27/pdfs/A53410-53416.pdf
29. Ley 2/2003, de 12 de marzo, de modificación de la Ley 32/1999, de 8 de octubre, de solidaridad con las víctimas del terrorismo URL: www.lexureditorial.com/boe/0303/05175.htm
30. Nuove norme in favore delle vittime del terrorismo e delle stragi di tale matrice URL: www.altalex.com/documents/leggi/2004/08/16/nuove-norme-in-favore-delle-vittime-del-terrorismo-e-delle-stragi-di-tale-matrice
31. Basic principles and Guidelines on the right to a remedy and Reparation for Victims of Gross Violations of International Human Rights Law and Serious Violations of International Humanitarian Law. Adopted by General Assembly resolution 60/147 of 16 December 2005. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml
32. EU Council Directive 2004/80/EC of 29 April 2004 URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/txt/html/?uri=celex:32004l0080&from=en>
33. L'aide financière aux victimes d'actes intentionnels de violence URL: www.policedegaume.be/Documents%20clients/doc/violence.pdf
34. Crime Victims Compensation Act. URL: www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/EN/crime-victims-compensation-act-2016.pdf?__blob=publicationFile&v=3
35. Besluit schadefonds geweldsmisdrijven. URL: www.schadefonds.nl/en_GB/
36. Compensation to crime victims – Portugal. URL: http://ec.europa.eu/civiljustice/comp_crime_victim/comp_crime_victim_por_en.htm#2
37. Compensation to Crime Victims – Czech Republic. URL: http://ec.europa.eu/civiljustice/comp_crime_victim/comp_crime_victim_cze_en.htm#2.1

Гурина М.А.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, город Липецк, mag30@mail.ru

Шурупова А.С.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, город Липецк, shurupova2011@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ОТКРЫТОСТИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В КОНТЕКСТЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР: ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются институциональные и правовые аспекты становления и развития взаимодействия государственной власти со структурами массового информирования. Исследуется проблема регулирования информационной открытости и прозрачности деятельности органов власти с точки зрения традиционных и современных механизмов и моделей. Обосновывается ключевая роль информационных технологий в развитии механизмов контроля за качеством и количеством предоставляемой информации, её надежности, открытости и достоверности. Развивается идея о необходимости развития информационной открытости публичной сферы на основе реализации Доктрины информационной безопасности РФ и поощрения различных форм общественного контроля и участия граждан в управлении.

Ключевые слова: государственное управление, информационная открытость, средства массовой информации, информационная безопасность, связи с общественностью

M.A. Gurina,

PhD in Economic, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State, Municipal Service and Management, Russian Academy of National Economy and public service under the President Russian Federation, Lipetsk branch, Lipetsk, mag30@mail.ru

A.S. Shurupova,

PhD in Economic, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State, Municipal Service and Management, Russian Academy of National Economy and public service under the President Russian Federation, Lipetsk branch, Lipetsk, shurupova2011@mail.ru

RESEARCH OF INFORMATION OPENNESS OF THE PUBLIC SPHERE IN THE CONTEXT OF THE QUALITATIVE CHANGES IN THE RELATIONSHIP OF SOCIETY AND STATE STRUCTURES: LEGAL AND INSTITUTIONAL ASPECTS

Abstract. The article deal with the institutional and legal aspects of the formation and development of the interaction of state power with the structures of mass information. The problem of regulating the information openness and transparency of the authorities activities of in terms of traditional and modern mechanisms and models is investigated The key role of information technology in the development of mechanisms to control the quality and quantity of information provided, its reliability, openness and reliability is substantiated. The idea of the need to develop the information openness of the public sphere on the basis of the implementation of the Information Security Doctrine of the Russian Federation and the promotion of various forms of public control and citizen participation in government is developed.

Keywords: public administration, information openness, media, information security, public relations

Стремительное развитие и распространение новых информационных технологий оказывает возрастающее влияние на экономику, политику, науку и культуру общества не только в рамках национальных границ, но и на мировом уровне.

Поле функционирования публичных релейшнз в современном обществе охватывает практически все виды общественных отношений и основные виды профессиональной деятельности, как различных организаций, так и отдельных лидеров, имидж которых является важнейшим фактором их успеха в социальном взаимодействии.

Наиболее острыми в сфере политико-правового регулирования PR-деятельности являются проблемы взаимодействия и взаимоотношения государственной власти со структурами массового информирования, государственного контроля их деятельности и снятия цензуры информационной продукции, целесообразности наличия в государственной собственности средства такого информирования.

Наличие различных СМИ не исключает как государственный, так и общественный контроль за законностью их деятельности и необходимость пресечения монополизации и обеспечения свободной конкуренции в сфере массового распространения информации.

В российской практике на систему взаимоотношений власти и общества также сильное влияние оказывают такие регуляторы как традиции осуществления государственной гражданской службы, обычаи, деловые обыкновения, а также общественное мнение.

С конца XX века в России развивается молодая юридическая наука – информационное право. Проблематика правового опосредования информации как ресурса личности побуждает отечественную научную мысль сформулировать и обосновать предложения по формированию правовых механизмов регулирования общественных отношений с преимущественно информационным содержанием. Такого рода отношения, упорядоченные определенным образом, получившие надлежащие правовые формы, становятся правовыми отношениями. Концепция информационных правоотношений впервые была выдвинута в 1972 году профессором А.Б. Венгеровым [1, с.5]. Им был сделан вывод о том, что наряду с проблемой соотношения «права, государства и экономики» все более актуальной для сферы государственного управления становится соотношение «права, государства и информации».

В науке и практике информационного права выделяют три объекта информационных отношений: информационные ресурсы, информационные технологии и информационные коммуникации.

Особое значение в исследовании политико-правовых аспектов деятельности PR-служб в органах

власти отводится понятию «информационный ресурс». При этом в современных условиях значимость общедоступных ресурсов, имеющих статус общественного национального достояния, своеобразного богатства страны, возрастает [2].

В соответствии с российским законодательством государственная информация, которая не является конфиденциальной и не составляет государственной тайны, включается в публично-правовой режим общественного достояния или режим общедоступности.

Для реализации полного цикла формирования и использования любого информационного ресурса необходимо налаживание системы связи и передачи информации между различными субъектами (создателями, обработчиками, держателями технологического ресурса). На этом участке работы возрастает роль сотрудников PR-служб в области информационных ресурсов органов власти.

В настоящее время информационное право как самостоятельная отрасль имеют свою систему принципов правового регулирования информационных отношений, отражающих специфику реализации общеправовых принципов (ст. 3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») [3].

В соответствии с законом правонарушения в сфере информации влекут за собой дисциплинарную, гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность.

Кроме российского в структуру информационного законодательства входят международные информационно-правовые нормы. Среди некоторых из них следует выделить Рекомендацию Комитета министров Совета Европы (R81) 19 странам – членам СЕ «О доступе к официальной информации, находящейся в распоряжении государственных органов»; Рекомендацию №R(2002) 2 «О доступе к официальным документам», а также Конвенцию Совета Европы «О доступе к официальным документам», принятую Комитетом министров 27 ноября 2008 года [4].

Не менее значимой для становления и развития в России политико-правового института свободы СМИ и решения различных практических задач органов власти и управления является Рекомендация Комитета министров Совета Европы R(94) 13 от 22 ноября 1994 года «О мерах по обеспечению транспарентности (прозрачности) средств массовой информации». Ключевым пунктом Рекомендации является постулат о том, что общественность должна иметь возможность доступа на справедливой и непредвзятой основе к некоторым основным сведениям о СМИ [5].

Международные акты играют решающую роль при формировании специальных национальных правовых режимов информации, в частности, режима персональных данных. В политикопрагматическом

смысле использование международных норм означает, что у нашей страны при возникновении соответствующих обязательств появляется необходимость соотносить внутренние интересы и подходы к их удовлетворению с всеобщими принципами и международными договоренностями.

Конституция РФ содержит свою базу регулирования информационных отношений в связи и по поводу общедоступной информации в ч. 4 и ч.5 ст.29, где гарантируется свобода массовой информации, а цензура запрещается. Среди конституционных гарантий свободы массовой информации следует назвать также свободу экономической деятельности и право частной собственности, а также принцип идеологического разнообразия. Тем самым в 1993 году были заложены основы информационного плюрализма.

Общий правовой режим информации базируется на конституционной норме (ст. 29), закрепившей право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. То есть определены параметры общего режима информации, предполагающие её открытость и свободу действий субъектов в рамках закона.

В настоящее время конкретизация конституционного права «знать» осуществляется в принципах и нормах федеральных, региональных, локальных законодательных и иных нормативных правовых актах различных отраслей права.

Например, многие аспекты в этой сфере раскрываются в законе СМИ, где закреплено право граждан на «оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов и организации, их должностных лиц» [6]. В нормах Закона об информации также предусматривается принцип открытости информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации, кроме сведений, составляющих государственную тайну. В качестве отдельного принципа государственной гражданской службы РФ выделяется «доступность информации о гражданской службе» в положениях ст. 4 ФЗ о госслужбе [7].

Исторически первым нормативным правовым актом правительственного уровня, регулирующим информационную открытость федеральных органов исполнительной власти стало постановление Правительства РФ от 12 февраля 2003 года №98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти». В настоящее время вместо первого постановления было введено в действие постановление от 24 ноября 2009 года №953 во исполнение положений Федерального закона от 9 февраля 2009 года №8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов

местного самоуправления». По сути, постановление закрепляет обязанность органов власти, обеспечить доступ граждан и организаций к информации о своей деятельности путем создания информационных ресурсов в соответствии со специальным перечнем, и размещением их в информационных системах общего пользования, в том числе и на своих сайтах.

С 2004 года исследованием проблем электронной прозрачности публичной власти занимался общественный «Институт развития свободы информации» (в последствии «Фонд свободы информации»). Результаты общественного мониторинга доводились до сведения соответствующих федеральных органов власти, аппарата Правительства Российской Федерации и Администрации Президента РФ [8]. В настоящее время наблюдения за сайтами и информационными ресурсами органов власти осуществляется различными государственными и общественными структурами. Со стороны самого государства мониторинг происходит с помощью автоматизированной информационной системой «Мониторинг государственных сайтов» (далее – АИС «Мониторинг госсайтов»), разработанной Министерством экономического развития Российской Федерации и предназначенной для оценки открытости информации о деятельности органов государственной власти и доступности государственных информационных ресурсов для граждан. В экспертном докладе «Открытость государства в России-2020», составленном Счетной палатой Российской Федерации совместно с АНО «Информационная культура» и Центром перспективных управленческих решений подчеркивается, что развитие открытости государства нуждается в универсальном исследовательском инструментарии, который даст возможность сопоставления практик открытости ведомств и будет подсказывать конкретные направления развития открытости. Для решения этой задачи в 2019 году была разработана методология оценки открытости органов власти и проведено первое рейтинговое исследование российских ФОИВ по открытости [<https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2020.pdf>].

В связи с возрастанием роли информационной сферы была разработана Доктрина информационной безопасности РФ, в которой рассматривается перечень угроз конституционным правам гражданина в области информационной деятельности [9].

Требованиями информационной открытости в деятельности органов публичной власти обуславливают возникновение проблемы правового содержания служебной информации и правил её предоставления. До конца не проработан вопрос категории «служебной тайны». Поэтому многие вопросы, связанные с информационной открытостью, субъективно регулируются «служебной необходимостью» чиновников.

Однако, в принятой Доктрине информационной безопасности РФ все же предусматривается дальнейшее совершенствование системы политико-правовых отношений информационной среды в рамках Стратегии развития информационного общества в РФ [10]. Согласно положениям Стратегии одной из целей формирования и развития информационного общества в РФ является совершенствование государственного управления на основе использования информационных и коммуникационных технологий. Принятие стратегии обусловило принятие ряда очень важных законов, регламентирующих реализацию доступа к информации о деятельности органов власти, таких как Федеральный закон от 22 декабря 2008 года №262 «Об обеспечении деятельности судов в Российской Федерации» и Федеральный закон от 9 февраля 2009 года №8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

В условиях нарастающей сложности социальных процессов и новых экономических вызовов серьезной задачей для федеральных органов исполнительной власти является необходимость формирования моделей принятия решений и реализации государственных функций, основанных на активном участии гражданского общества в управлении государством, а также на использовании современных механизмов общественного контроля. В российской практике демонстрацией функционирования механизма общественного контроля и реализации государственной информационной политики стало разработка и внедрение Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти [11], а также Концепции создания портала открытых данных Российской Федерации, которая была принята во исполнении Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

Одной из главных целей их реализации стало повышение прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления.

В современном мире под открытым правительством понимается система принципов, механизмов и инструментов организации государственного управления на основе развития форм участия граждан в управлении, прозрачности и подотчетности деятельности органов власти, а также широкого использования современных информационных технологий и новых средств коммуникации в осуществлении взаимодействия с гражданами.

Исследование нормативно-правовых основ в теории и практике государственного управления показывает, что в большом количестве случаев деятельность PR-структур и СМИ затрагивает столь тонкие и сложные вопросы, что приходится обращаться к этическим регуляторам, а не только использовать правовые средства. К социальным регуляторам следует отнести: нормы этики, морали, обычаи, деловые обыкновения и т.п. Как правило, они более тонко учитывают культурные, исторические, конфессиональные аспекты развития того или иного региона или государства, а также специфику общественных отношений, выступающих в качестве объекта регулирования [12].

В мировой практике сложились два института в этой сфере. Первый, это своды правил профессионального поведения, устанавливаемые членами самого профессионального сообщества, например, журналистов. Второй, общественные или государственно-общественные структуры, институты, призванные отслеживать реальное исполнение этих кодексов, разбирать споры и т.д., призванные отслеживать реальное исполнение этих кодексов, разбирать споры.

Таким образом, анализ нормативно-правовой базы в области взаимодействия общества и государственных органов власти, а также информационной открытости публичной сферы, показал значительную эволюцию и качественные изменения во взаимоотношениях общества и государственных структур. Дальнейшее совершенствование государственного управления связано с развитием международного и отечественного информационного права, имеющего свой особый предмет исследования.

Список литературы

1. *Индрисова З.Н.* Историко-правовой анализ этапов становления информационного права // Научный журнал КубГАУ, №101 (07). 2014. С.5 - 12.
2. *Монахов В.Н.* Информация как общественное достояние. [Электронный ресурс] Сайт Российской Национальной библиотеки URL: <http://www.nlr.ru/tus/271004/monahov.htm> (дата обращения: 05.11.2020)
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149 ФЗ (в ред. 08.06.2020 № 177-ФЗ) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2020).
4. Текст конвенции. Перевод А. Рихтер // Законодательство и практика СМИ. 2009. № 4. С. 12 - 16.
5. О мерах по обеспечению прозрачности средств массовой информации: рекомендация Комитета министров Совета Европы от 22 ноября 1994 г. R(94) 13 [Электронный ресурс]: принята Комитетом Министров 22 ноября 1994 года на 521-й сессии заместителей министров // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2020).

6. О средствах массовой информации: закон Рос. Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1-ФЗ (ред. от 01.03.2020 г.)//Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2020).
7. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации (в ред. от 31 июля 2020 г.)// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2020).
8. Общественный мониторинг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Фонда свободы информации» URL: <http://svobodainfo.org/timeline>. (дата обращения: 11.11.2020).
9. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.
10. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 7 февраля 2008 г. № Пр-212// Рос. газ. 2008. 16 фер.
11. Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 января 2014 г. № 93-р// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 5. Ст. 547.
12. *Гурина М.А., Титова М.В., Шурупова А.С.* Повышение информационной открытости государственного управления и развитие институциональной среды через механизмы PR деятельности // Развитие механизмов государственного регулирования конкурентной среды на рынке товаров и услуг: монография / под общей редакцией И.Ф. Наризнего, М.А. Аксеновой. Воронеж, 2017. С. 266-292.
13. Открытость государства в России – 2020 // <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2020.pdf> (дата обращения: 25.11.2020).
14. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 601 //)// Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2020).

References

1. *Indrisova Z. N.* Historical and legal analysis of the stages of formation of information law// Scientific journal of Kubgau, No. 101 (07). 2014. Pp. 5-12.
2. *Monakhov V. N.* Information as a public domain. [Electronic resource] Website of the Russian National library URL: <http://www.nlr.ru/tus/271004/monahov.htm> (accessed: 05.11.2020)
3. About information, information technologies and information protection: Feder. the law Grew. Federal law No. 149 of July 27, 2006 (as amended on 08.06.2020 No. 177-FZ) // reference and legal system "ConsultantPlus" (accessed on 05.11.2020).
4. The text of the Convention. Translated By A. Richter //Legislation and practice of mass media. 2009. no. 4. P. 12-16.
5. on measures to ensure transparency of mass media: recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe of November 22, 1994 R (94) 13 [Electronic resource]: adopted by the Committee of Ministers on November 22, 1994 at the 521st session of Deputy Ministers// Legal reference system "Consultant" (date accessed: 01.11.2020).
6. About mass media: the law Grew. Federal law No. 2124-1-FZ of December 27, 1991 (ed. from 01.03.2020)//Reference and legal system "ConsultantPlus" (accessed: 05.11.2020).
7. About the state civil service of the Russian Federation: Feder. the law Grew. Federation (ed. from July 31, 2020)/ / reference and legal system "ConsultantPlus" (date of application: 10.11.2020).
8. Public monitoring. [Electronic resource] // Official website of the freedom of information Foundation URL: <http://svobodainfo.org/timeline>. (date of request: 11.11.2020).
9. approval of the information security Doctrine of the Russian Federation: the decree of the President Grew. Russian Federation No. 646 of December 5, 2016 // SOBR. Zakonodatelstva ROS. Confederations. 2016. No. 50. St. 7074.
10. Strategy for the development of the information society in the Russian Federation: the decree of the President Grew. Russian Federation No. PR-212 dated February 7, 2008 // ROS. GAZ. 2008. 16 fer.
11. on approval Of the concept of openness of Federal Executive bodies: decree of the government of the Russian Federation. Federal law No. 93-R of January 30, 2014 // SOBR. Zakonodatelstva ROS. Confederations. 2014. No. 5. St. 547.
12. *Gurina M. A., Titova M. V., Shurupova A.S.* Improving the information openness of public administration and the development of the institutional environment through the mechanisms of PR activities / / Development of mechanisms of state regulation of the competitive environment in the market of goods and services: monograph / edited by I. F. Narizhnego, M. A. Aksenova. Voronezh, 2017. Pp. 266-292.
13. Openness of the state in Russia-2020 // <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Otkrytost-2020.pdf> (accessed: 25.11.2020).
14. on the main directions of improving the public administration system: decree of the President of the Russian Federation of may 7, 2012 N 601 //)// reference and legal system "ConsultantPlus" (accessed: 05.11.2020).

Кадыров Рамиль Харисович,

слушатель Академии управления МВД РФ, майор полиции, начальник отдела экономической безопасности и противодействия коррупции отдела МВД России по Альметьевскому району Республики Татарстан, город Альметьевск, Krh8888@mail.ru

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД РФ, Москва, Gostevan@inbox.ru

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва, tstarshinova@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье на основе результатов конкретного социологического исследования показывается актуальность реализации теорий стимулирования деятельности сотрудников полиции. Представляется анализ отечественных и зарубежных теорий стимулирования и мотивации, обосновываются их сильные и слабые стороны. Даются авторские определения категорий «стимулирование», «общественный механизм стимулирования». Разрабатываются системообразующие общественные механизмы стимулирования сотрудников полиции: правовой, политический, общественной ответственности, общественного контроля качества стимулирования сотрудников полиции, информирования, гласности, традиций и другие. Представляются результаты конкретного социологического исследования общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции. Представляется информация об особенностях стимулирования сотрудников полиции в западных странах. Авторами разработаны практические рекомендации в областях: совершенствования нормативной правовой базы РФ; совершенствования общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции, а также в области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: общественный механизм, стимулирование, сотрудники полиции, подразделения МВД, правопорядок, моральный стимул, материальный стимул, мотивация, кадры, право, политика, общественная ответственность, общественный контроль, информирование, гласность, традиции.

Ramil H. Kadyrov,

student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, police major, head of the department of economic security and anti-corruption of the department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Almetyevsky district of the Republic of Tatarstan, Almetyevsk, Krh8888@mail.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Gostevan@inbox.ru

Tatyana S. Demchenko,

PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow, tstarshinova@mail.ru

COMMUNITY INCENTIVE MECHANISMS FOR POLICE OFFICERS

Abstract. Based on the results of a specific sociological study, the article shows the relevance of implementing theories to stimulate the activities of police officers. Analysis of domestic and foreign theories of stimulation and motivation is presented, their strengths and weaknesses are justified. Copyright definitions of the categories “incentive,” “public incentive mechanism” are given. Systemically important public mechanisms are being developed to stimulate police officers: legal, political, public responsibility, public quality control of police incentives, information, publicity, traditions and others. The results of a specific sociological study of public mechanisms for stimulating police officers are presented. Information is provided on the features of police incentives in Western countries. Practical recommendations have been developed in the areas of: improving the regulatory legal framework of the Russian Federation; improving public incentive mechanisms for police officers; theoretical developments and research work.

Keywords: public mechanism, incentives, police officers, units of the Ministry of Internal Affairs, law and order, moral incentive, material incentive, motivation, personnel, law, policy, public responsibility, public control, information, publicity, traditions

Актуальность проблемы общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции обуславливается несколькими системными причинами: во-первых, деятельность подразделений полиции не в полной мере соответствует современным и прогнозным требованиям обеспечения правопорядка; во-вторых, замедлением социально-экономического развития страны; в-третьих, ускоренным развитием цифровых технологий; в-четвертых, глобализацией международных отношений; в-пятых, возросшим уровнем политических, экономических, военных и других опасностей (угроз).

Полиция – система государственных служб и органов по охране общественного порядка. Сотрудник полиции – гражданин Российской Федерации, представляющий федеральную государственную службу в органах внутренних дел. Он имеет специальное звание [3, ст. 25]. Сегодня этот общественный институт, обеспечивающий правовой порядок в сложнейших международных отношениях, разрывающихся силами и средствами мировой гибридной войны, нуждается в особом внимании, повышении

государственного уровня моральной и материальной поддержки. В 2019 году представители Межрегионального профсоюза полиции констатировали факт многочисленных случаев увольнения сотрудников органов внутренних дел из-за снижения уровня материального и морального стимулирования их труда [16], что подтверждают результаты конкретного социологического исследования (см. Рисунок 1).

В этой связи актуальным становится реализация теорий стимулирования в деятельности сотрудников полиции.

Априори, стимулирование – объективное условие любой эффективной деятельности человека.

Цель статьи – определение путей совершенствования общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции.

Задачи – анализ состояния общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции, определение системообразующих проблем стимулирования этой категории граждан России, разработка практических рекомендаций по их профилактике.

Рисунок 1. Удовлетворенность сотрудников полиции работой системы стимулирования

Гипотеза – оптимизация общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции находится в прямой зависимости от качества реализации государством принципа научности в руководстве государственными службами.

Технология исследования. Исследование проведено на эмпирической базе подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России по Республике Татарстан. Выборка – 216 экспертов. Теоретическая база исследования: нормативные правовые документы Российской Федерации, научная литература. Методы исследования: теоретические – анализ, синтез, моделирование; эмпирические – наблюдение, экспертный опрос, контент-анализ, вторичный анализ научных исследований.

Теоретическое обсуждение проблемы и результаты исследования.

Очевидно, что единой теории (общей концепции) стимулирования нет и таковой создать невозможно, т.к. человека можно заставить эффективно работать многими способами: от доброжелательного отношения к его личности до угрозы лишения жизни. Как известно, стимул – это какой-либо материальный или нематериальный раздражитель, воздействующий на органы чувств [18, т.1, с. 408]. Стимулирование же – способ мотивации человека на любую деятельность. В свою очередь, мотивация – это побуждение человека, социальной группы к активной деятельности. А побуждения обусловлены потребностями, интересами, инстинктами человека. Известно, что стабильная система мотивов человека, в конечном счете, и определяет его трудовое и иное поведение.

Результаты контент-анализа тематики диссертационных исследований Библиотеки им. В.И. Ленина позволяют говорить о том, что мотивацию, стимулирование труда человека целенаправленно и косвенно исследовали более 3000 российских (советских) ученых. Так, например, В.А. Черных эту проблему решал в контексте обеспечения военной безопасности Российской Федерации; С.А. Абакумов – социального контроля над деятельностью государства в условиях глобализации; О.В. Сельская – деятельности административной организации вуза; Д.В. Чистяков – информационно-психологической защиты социальной организации; Н.М. Калоева – развития творческого потенциала постоянного состава вуза; М.А. Савина – управления учреждениями культуры; В.М. Прибыловский – управления организационными конфликтами; Д.В. Королев – развития производственной организации; С.А. Шуба – деятельности организаций средств массовой информации; И.В. Чернов – информационных технологии в малых производственных группах; Н.А. Родионова – военной службы молодежи; Т.С. Демченко – обучения молодежи в вузах; В.В. Кочетов – до-

полнительного образования молодежи в крупном городе; Н.Ю. Моисеенко – информационно-аналитического обеспечения банковских рисков; Е.А. Борисова – профилактики коррупции в системе высшего образования; А.В. Бодрикова – работы с объединениями инвалидов боевых действий и военной травмы; В.П. Серикова – сохранения и развития российских традиций высшего образования [5, с.18] и многие другие. Все они, отмечая важность материальных стимулов, разрабатывали их содержание, но в своих трудах отдавали приоритет средствам и формам морального стимулирования.

Широкий спектр знаний можно найти и в западной гуманитарной науке, но и они не свободны от научной критики. Так, для реализации в отечественной правоохранительной практике заслуживают внимания результаты исследования мотивов поведения работника в организации немецкого психолога Х. Хекхаузена (работа «Мотивация и деятельность»). Мотив, по его мнению, обуславливает цель, избирательность, интенсивность и продолжительность деятельности человека. Безусловно, ученый прав, но ... практика показывает, что мотив без стимула не будет обеспечивать интенсивность труда. Именно с этой целью обществом объективно создана система управления, которая и регулирует потребности, связанные с реализацией мотива.

Некоторые исследователи западной науки (Р.К. Шпренгер, Я. Гжеляк и другие) категории «мотивация» и «стимулирование» рассматриваются как синонимы [8, с.10], что не полностью соответствует практике и российской теоретической мысли.

Разрабатывали классификацию мотивов деятельности человека Г. Мюррей (работа «Исследование личности» – 1938 год) и А. Маслоу (работа «Мотивация и личность» – 1954 год). Последний обосновал, что индивид не может стремиться к достижению высоких нравственных целей, пока он голоден и его быт не обустроен. Конечно, это утверждение не может быть распространено на всю человеческую популяцию. Например, Серафим Соровский достиг небывалых нравственных ценностей, ограничив себя в пище и жилье; русский солдат, рожденный и выросший в бедности, всегда был образцом отваги, честности, справедливости. Т.е., эти ученые абсолютизируют материальные стимулы, что не всегда справедливо.

Принципиально не отличается содержанием от вышеуказанных концепций и двухфакторная модель мотивации Ф. Херцберга. У него первая группа факторов «гигиеническая» (условия работы: зарплата, стиль руководства, условия труда, межличностные отношения; социальный статус и другое); вторая (мотивационная) – высшие потребности. Технологию стимулирования человека раскрывает теория потребностей Д. Макклеланда. Он считает, что систе-

мообразующими в деятельности человека являются потребности членов организации быть властными, успешными, причастными к деятельности. Дополняет знания о трудовом поведении человека теория американца Д. Макгрегора (X и Y теории). Смысл теории X – принуждение человека к деятельности; Y – обращение к совести работника, его самоконтролю.

Значительно проще объясняет решение проблемы повышения уровня интенсивности труда человека теория справедливости С. Адамса: интенсивность труда находится в прямой зависимости от справедливости вознаграждения.

Не отличается оригинальностью «витаминная» теория П. Варра, основывающаяся на утверждении, что существует десять видов факторов («витаминов»), благодаря которым трудовая деятельность приводит к улучшению или ухудшению психологического здоровья и, следовательно, к повышению (снижению) уровня эффективности труда: 1) безопасность; 2) социальный статус; 3) денежное вознаграждение; 4) доброжелательность межличностных отношений; 5) открытость окружающей среды; 6) разнообразие трудовых отношений; 7) возможность достижения целей, находящихся за пределами организации; 8) реализация в организации личных навыков и умений; 9) предоставления права контролировать деятельность в организации; 10) контроль со стороны организации и оказание помощи в затруднительной ситуации [12, с.14]. Безусловно, в этом списке не хватает такого важнейшего «витамина», как физическое здоровье человека, о системной важности которого написал целый концептуальный труд Э. Дюркгейм.

Проблему мотивации персонала государственной службы разрешал Ф. Тейлор. Суть его теории – уровень производительности труда сотрудника зависит от величины заработной платы, что справедливо в условиях рыночных (капиталистических) производственных отношений, где основная ценность – деньги и другие ликвидные материальные ценности. Хотя другие исследователи, копируя советский опыт создавали теории «человеческих отношений» (Э. Мэйо), где ставились под сомнение ограничение свободы творчества человека, ориентация в цели не на продукцию, а на человека, на его нравственность, уважение.

Обобщение имеющихся знаний позволяет представить авторское определение стимулирования как осознанные, обусловленные потребностями, особенностями психологической структуры личности и качеством социализации (трудовой, культурной и другой) внутренние и внешние побуждения к активной деятельности.

Результаты анализа научной литературы показывают, что в современной гуманитарной науке нет и единой концепции понимания категории «общественный механизм». Этот факт не способствует точ-

ному моделированию, планированию общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции как государственных служащих. Как показывают результаты наблюдения правоохранительной практики составными частями механизмов стимулирования могут быть все структуры административного (формального) и общественного (неформального) управления, который в зависимости от решаемых задач может образовывать различные комбинации средств воздействия на субъект регулирования. Механизм объективно регулирует (воздействует, организует, образует) количество взаимоотношений в подразделении в геометрической прогрессии. Например, если в механизм включается пять организационных структур, то отношений может быть 25, если 15, то 225 Так, одним из вариантов общественного механизма стимулирования сотрудников полиции может быть такая комбинация организационных структур: группа работы с личным составом ОВД – общественный совет подразделения МВД – средства массовой информации – референтная группа сотрудников ОВД – начальник отдела ОВД. Априори, таких механизмов в отделе может образовываться по количеству регулируемых отношений (если 25, то 625 – см. выше).

Таким образом, общественный механизм стимулирования сотрудников полиции – это различные комбинация организационных структур в системе МВД, которые осуществляют сбор, анализ, моделирование и реализацию средств морального и материального вознаграждения (принуждения) отдельной личности и отдельных коллективов.

Дисфункция любого общественного механизма побуждает систему самостоятельно регулироваться, перестраиваться, либо она разрушается, прекращает существовать. Существует, как показывает анализ теории, ошибочное мнение, что общественный механизм управления может быть автономен. В этой связи любое действие без учета функций всех механизмов системы всегда наносит ей ущерб. Например, неточные данные о служебных заслугах сотрудника полиции, предоставленные группой по работе с личным составом для материального поощрения, может провоцировать коррупцию, что станет причиной разрушения положительного общественного настроения, созидательных традиций, отношений в коллективе ОВД. Ведь коррупция – это преступление, заключающееся в использовании должностным лицом прав, связанных с его должностью, «вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [2].

Априори, спектр стимулов, которые могут применяться в работе с личным составом подразделений

МВД неисчерпаемо велик, и сила каждого из них может напрямую или косвенно обеспечивать даже стратегический (политический, военный и иной) успех. Показателен такой факт действенности материального стимула: руководитель сопротивления большевизму в России А.И. Деникин писал, что «... пообещав передать крестьянам землю в собственность, большевики не оставили белому движению никаких шансов в борьбе за Россию» [14, с. 42]. О силе материального стимула хорошо написал К. Маркс: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы» [15, с.542].

Безусловно, интерпретация этого тезиса для 90% сотрудников полиции (анализ психологических исследований показывает, что 10% населения имеют отличительные психические особенности и на них этот тезис не распространяется) проста: обеспечьте сотруднику полиции 300% прибыли, и он будет каждый день совершенствовать свои знания, будет, не жалея здоровья, бороться с преступностью.

Между тем результаты наблюдения общественной практики свидетельствует о том, что готовность части сотрудников полиции к эффективному труду находится на уровне, который обуславливает выполнение ими функциональных обязанностей на ограниченном качественном уровне. Кроме того, вызывает озабоченность и такой факт: в российской практике уменьшается число людей, имеющих психологиче-

скую направленность на работу в структурах государственной службы, в ее кадрах становится много людей, которые работают там без большого усердия (см. Рисунок 2).

Интерпретация этих данных позволяет сделать вывод о скрытом недовольстве значительной части сотрудников полиции существующим положением дел со стимулированием труда в системе МВД. Априори, это явный конфликтоген в подразделениях полиции, который в особых условиях обязательно активизируется и будет основой латентных протестных настроений.

Очевидно, что одним из условий решения проблемы повышения уровня качества деятельности подразделений полиции является формирование устойчивых мотивов их кадрового состава, что, априори, обеспечивается стимулированием. Этот общественный феномен обуславливает общественно-психологическую мотивацию и включает в себя в основном моральное (нравственное) и экономическое (материальное) воздействия. Как сказано выше, содержание сил, средств, способов, которыми мотивируется человек, неисчерпаемо.

А мотивы деятельности людей, не бывают постоянными. Удовлетворив одну потребность, человек всегда мотивирует свою деятельность на другой общественный ориентир, который часто находится в другой общественной сфере.

Моральное стимулирование, как показывают результаты наблюдений практики, активизирует способность человека преодолевать многие жизненные трудности и преграды. Оно часто бывает значительно эффективнее и весомее материального, если его осу-

Рисунок 2. Обеспечение системой стимулирования МВД прилежности в деятельности сотрудников полиции

ществляет управленец, обладающий мастерством гуманитарного воздействия на подчиненных, ведь «все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову...» [15, с.308]. Основой моральной стимуляции является интересы и потребности различных групп населения, формирующие общественное сознание.

Результаты опроса экспертов показали, что в настоящее время среди значительной части управленческих кадров преобладает мнение о том, что в условиях рыночных общественных отношений для людей важнее не моральные, а материальные ценности, т.е. материальные стимулы (см. Рисунок 3).

Результаты анализа научной литературы показали, что этот тренд проявляется и в коллективном мнении научной интеллигенции. Ее значительная часть считает, что в стране с рыночными отношениями моральные стимулы уступают в эффективности материальным. Вероятно, этот факт объясняется трудностями социально-экономического положения значительной части населения страны. Например, по данным Росстата число бедных россиян во втором квартале 2020 года составило 19,9 млн человек [6].

Анализ правоохранительной практики, опрос экспертов, логические умозаключения, прогнозирование и моделирование позволили в процессе исследования определить и обосновать несколько системообразующих общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции: правовой, экономический, общественной ответственности, политический, общественного контроля, доверия, информирования, гласности, традиций.

Результаты конкретного исследования проблемы общественных механизмов сотрудников полиции показывают, что правовой механизм не свободен от

недостатков, обусловленных как пробелами в законодательстве (см. Рисунок 4), так и в правоохранительной практике.

Как видно на рисунке ни один эксперт однозначно не заявил о том, что современная нормативная правовая база соответствует условиям деятельности сотрудников полиции. Безусловно, эта проблема – сфера деятельности структур, обладающих правом законодательной инициативы [1].

Таким образом, для совершенствования общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции необходимо совершенствовать или разрабатывать нормы права, которые бы повышали их уровень мотивации на прилежный профессиональный труд.

В настоящее время становится важным для морального стимулирования сотрудников полиции механизм общественной ответственности за качество работы системы МВД, элементами которой становятся различные институты гражданского общества. Эта система неформального государственного управления, включает в себя, как показали результаты исследования, не менее 34-х относительно автономных структур. Например, такие организации, как: политические партии, общественные объединения, профсоюзы, различные кооперации, религиозные объединения, благотворительные организации, женские движения, культурно-просветительные и спортивные общества, оборонно-патриотические правоохранительные общественные организации, ветеранские организации, независимые СМИ, фонды, землячества и национальные диаспоры, правозащитные объединения и другие [10, с. 47].

Очевидно, что правоохранительные структуры обеспечивают безопасность работы таких организаций, поэтому они объективно заинтересованы в ка-

Рисунок 3. Отношение респондентов к средствам материального и морального стимулирования

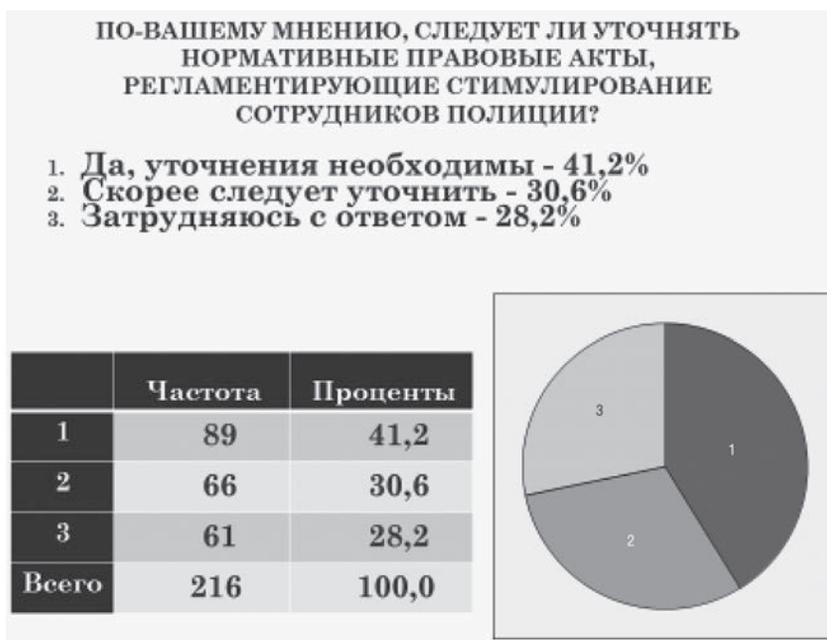

Рисунок 4. Мнение экспертов о необходимости уточнения нормативной правовой базы, регулирующей работу общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции

честве работы сотрудников полиции. Поэтому такие организации, в свою очередь, обязаны нести общественную ответственность за улучшение труда кадров полиции, которая может быть реализована в популяризации деятельности этой силовой структуры, популяризации ее сотрудников, формировании положительного общественного мнения о сотрудниках этой государственной службы, оказании ей содействия в организации досуга, воспитании, удержание населения от различных протестных действий и т.п.

Безусловно, должен быть активизирован политический механизм стимулирования сотрудников полиции. В решении рассматриваемой проблемы этот механизм может состоять из структур законодательной, исполнительной, судебной властей, а также общественных движений, политических парламентских и непарламентских партий и других институтов гражданского общества. Его цель – борьба за удержание или завоевание власти. Практика показывает, что этот механизм и в системе стимулирования сотрудников полиции и других государственных служащих является центральным. Именно этот механизм имеет возможность обеспечить создание законодательной базы для улучшения социального положения сотрудников полиции, в том числе – материального.

Безусловно, в повышении качества работы подразделений полиции необходим механизм общественного контроля качества стимулирования сотрудников полиции. Структуры этого социально-го феномена представлены в Федеральном законе

Российской Федерации «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [4] Как известно, контроль – системообразующий элемент управления. В этом законе общественный контроль определяется как «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» [4].

Очевидно, что это не точная трактовка данной категории. Это определение не соответствует ст. 3 Конституции РФ. Так, если «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления», то он не только «наблюдатель», но и регулятор деятельности органов государственной власти. Во-вторых, оно не согласуется с научной мыслью. Например, контроль осуществляется не только «субъектами общественного контроля», но и объектами (традициями, правом, социальными институтами, практиками и т.п.) [11, с.15; 17, с.26].

Это же основание позволяет определить целью общественного контроля стимулирования сотрудников полиции как обеспечение их социального благополучия, как категории людей обеспечивающих

безопасность граждан в особо опасных для жизни условиях.

Результаты исследования общественного контроля процесса стимулирования сотрудников полиции позволяют определить решаемые им системные задачи: повысить эффективность деятельности органов федеральной власти (законодательной, исполнительной, судебной) в разработке механизмов стимулирования сотрудников полиции; обеспечить прозрачность и открытость в процессе стимулирования сотрудников полиции; выявлять (противодействовать) коррупции в материальном и моральном стимулировании сотрудников полиции; предупреждать и разрешать конфликтов в системе стимулирования сотрудников полиции.

Результаты опроса экспертов позволяют утверждать, что механизм общественного контроля процесса стимулирования сотрудников полиции станет эффективнее, если в подразделениях МВД будет разработан и внедрен кодекс лучших практик работы с кадрами.

Априори в процессе стимулирования сотрудников полиции обязателен общественный информационный механизм.

Этот механизм в условиях ведения информационной войны – основное условия надежной защиты. Информация, как известно, может принести успех (пропаганда, агитация); нанести прямой ущерб оппоненту (дезинформирование, недобросовестная реклама); ввести личность, общество в заблуждение, направить его действия в бесперспективные сферы (блеф, интрига, пропаганда, манипулирование и другое). Цифровые технологии, обусловившие рост уровня свободного обмена идеями и ценностями, создали беспрецедентные возможности для совершенствования известных [13, с.154] и создания новых технологий изучения, оценки и стимулирования деятельности личности, организации. Эффективность форм, методов стимулирования сотрудников полиции может быть оптимизирована, если результаты их реализации размещать в сети Интернет.

Априори, стимулирование человека будет неэффективным без общественного механизма гласности. Качество труда человека находится в зависимости от осознания им получаемых моральных и материальных благ. Этот механизм активизирует у человека психологический инстинкт соревнования, что активизирует его трудовую деятельность.

Особое место в системе стимулирования сотрудников полиции занимает механизм традиций. Традиции – это общепринятый групповой опыт, закреплённый в общественном сознании. Этот феномен, по сути, – общественно одобряемые привычки деятельности личности, коллектива. Традиция – необходимый этап формирования убеждения, мировоз-

зрения человека. Именно поэтому она необходима в процессе работы общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции. Сила традиций в том, что они связаны с культурной самобытностью, жизненным укладом человека. Безусловно, в этот механизм необходимо включать ветеранские организации МВД, члены которых, обладая жизненным опытом, могут быть консультантами в сфере стимулирования, работать с письмами и жалобами людей в структурах МВД и решать другие задачи.

Результаты исследования зарубежного опыта стимулирования сотрудников правоохранительных структур показали, что он в настоящее время практически идентичен российскому. Например, во Франции, как и в России, разработана шкала заработной платы, в которой различные уровни отображают заработную плату в зависимости от образовательного уровня и трудовых обязанностей; в Германии разработана система вознаграждения государственных служащих, которая реализуется формально (бюрократически), что усиливает чувство солидарности у служащих, снижает уровень морального и материального неравенства, стабилизирует кадры, позволяет им осуществлять стратегическое планирование своей карьеры.

Особая система стимулирования военнослужащих (они являются государственными служащими, как и сотрудники полиции) в США, основные положения которой взяты из советского и российского опыта. Учитывая тот факт, что даже само это государство построено «снизу-вверх» на идеях нашего соотечественника-анархиста Михаила Александровича Бакунина, по-другому быть не может.

Там, например, цена содержания военнослужащего, получившего ранение в бою, если принимать во внимание пожизненное содержание, равняется стоимости стратегического бомбардировщика. Его жизнь страхуется на сумму до \$ 250 000 (19 500 000 руб.), в случае гибели выплачивается трехгодичное жалование. [9, с.27]. Специальный стимулирующий пакет включает более 140 льгот. Оплачивается любое действие, отличающееся от стандартного: 225 \$ в месяц за нахождение на территории военного конфликта; 100 \$ – за нахождение в районе непосредственных боевых действий; 250 \$ – за отрыв от семьи; 120 \$ – за снижение уровня комфорта; 100 \$ – за службу на подводных лодках, за прыжки с парашютом, за водолазные спуски, за дежурство в выходной день и т.п. Рядовой солдат, проходящий сегодня службу в Афганистане получает около 100 000 \$ в месяц (7 800 000 руб.). Семьям погибших выплачивается компенсация в сумме от 500 тыс. до 1 млн долларов. (78 млн руб.). Дети погибших получают право на пенсию. Военнослужащие полностью или частично освобождаются от уплаты подоходного налога и другое. После 30-лет-

ней выслуги лет (там это максимальный срок службы для всех категорий военнослужащих, кроме преподавательского состава) сержанты и рядовые могут получать пенсию в зависимости от ранга (категории от Е-1 до Е-12) соответственно 656 долларов и 2532 в месяц (около 200 000 руб.). Сегодня на одно вакантное место рядового в американскую армию претендует 78 кандидатов [9, с. 31].

Безусловно, обеспечение безопасности государства – это главная задача государства, на решение которой должны направляться соответствующие ресурсы. Здесь средства экономить нельзя. У сильного, всегда бессильный виноват (И.А. Крылов); мораль, договоры соблюдаются геополитическими оппонентами только при равенстве сил.

Результаты изучения общественной практики показывают, что в настоящее время льготы и дополнительные выплаты государственным служащим (в том числе сотрудникам полиции) превратились в жизненную потребность. В законодательстве России регламентирован следующий спектр льгот и выплат: оплаченные праздничные дни, отпуска, дни временной нетрудоспособности, время перерыва на отдых, время на обед; медицинское страхование на предприятии; дополнительное пенсионное страхование на предприятии; страхование от несчастных случаев; страхование по длительной нетрудоспособности; предоставление бесплатных стоянок для автомобилей; страхование туристов от несчастных случаев; помощь в повышении образования, профессиональной подготовке и переподготовке; участие в распределении прибыли; покупка работниками акций; предоставление в пользование работников объектов отдыха и развлечений; предоставление помощи в переезде на новое место работы [7, с. 45].

Заключение. Таким образом, в настоящее время деятельность подразделений МВД не в полной мере соответствует требованиям обеспечения правопорядка, поэтому актуальным становится реализация теорий стимулирования деятельности сотрудников полиции.

Цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Проблемой организации деятельности сотрудников полиции является то, что единой концепции стимулирования нет, хотя научных российских и зарубежных исследований много. Все они не свободны от критики. Обобщение имеющихся знаний позволяет определить стимулирование как осознанные, обусловленные потребностями, особенностями психологической структуры личности и качеством социализации (трудовой, культурной и другой) внутренние и внешние побуждения к активной деятельности. А общественный механизм стимулирования сотрудников полиции – это различные комбинация организа-

ционных структур в системе МВД, которые осуществляют сбор, анализ, моделирование и реализацию средств морального и материального вознаграждения (принуждения) отдельной личности и отдельных коллективов.

Спектр стимулов, которые могут применяться в работе с личным составом подразделений МВД неисчерпаемо велик, и сила каждого из них может напрямую или косвенно обеспечивать даже стратегический (политический, военный и иной) успех.

Одним из условий решения проблемы повышения уровня качества деятельности подразделений полиции является формирование устойчивых мотивов их кадрового состава.

В настоящее время в кадрах полиции преобладает мнение приоритета материальных стимулов.

Системообразующими общественными механизмами стимулирования сотрудников полиции могут быть: правовой, политический, общественной ответственности, общественного контроля качества стимулирования сотрудников полиции, информирования, гласности, традиций и другие.

Западная система стимулирования сотрудников полиции принципиально не отличается от российской, но в большей степени обеспечена финансовыми ресурсами.

В настоящее время льготы и дополнительные выплаты государственным служащим (в том числе сотрудникам полиции) превратились в жизненную потребность.

Практические рекомендации.

В области совершенствования нормативной правовой базы РФ.

Структурам власти, обладающим правом законодательной инициативы, необходимо рассмотреть возможность организации уточнения и принятия базовых норм, регулирующих организационные и экономические условия работы общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции.

В области совершенствования общественных механизмов стимулирования сотрудников полиции.

Министерству внутренних дел РФ предложить издать директивы, распоряжения, приказы, в которых обязать создать в образовательных организациях МВД правовые консультативные отделы по работе с кадрами, работающими в системе стимулирования сотрудников полиции.

В области теоретических разработок и научно-исследовательской работы.

Министерству науки и высшего образования Российской Федерации предложить издать директивы, распоряжения, приказы, в которых обязать в паспорта научных специальностей по политологии, социологии, педагогике, психологии и другим гуманитарным наукам ввести направления исследований,

связанные с мотивацией и стимулированием сотрудников государственной службы РФ.

Определить направления дальнейших исследований для научно-исследовательских подразделений вузов:

– феномен «общественный механизм стимулирования сотрудников полиции»;

– правовой, экономической, политической и другие механизмы стимулирования сотрудников полиции;

– российские традиции в работе общественных механизмов стимулирования полиции;

– ветеранские организации в общественных механизмах стимулирования сотрудников полиции и другие.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Гл.5, ст. 104, п.1 [Текст]. М., 2020, 63с.
2. Федеральный закон РФ № 273-ФЗ от 25.12.2008г. «О противодействии коррупции» // Российская газета, № 6435, 29 декабря 2008 г.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «О полиции» // Российская газета, 08 февраля 2011 г.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета, № 6435, 23 июля 2014 г.
5. Алтухова О.А. Общественный контроль деятельности мировых судей: образовательный аспект [Текст] / О.А. Алтухова, А.Н. Гостев // // Социология образования, 2015, № 9, с.17-27.
6. Бедность в России // <https://tass.ru/ekonomika/9498117>, дата обращения 05.11.2020.
7. Бодрикова А.В. Социальное управление общественными объединениями инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы: монография [Текст] / А.Н. Гостев, А.В. Бодрикова, Т.С. Демченко. М.: СГУ, 2015, 190 с.
8. Борисова Е.А. Коррупция в системе образования: проблемы и пути разрешения [Текст] / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко, Е.А. Борисова // Социология образования, 2013, № 7, с.4-22.
9. Гостев А.Н. Гражданская религия США: организация, опыт, подготовка кадров / А.Н. Гостев // Социология образования. 2015, № 7, с. 23-38.
10. Гостев А.Н. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства [Текст]: Монография / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко. М.: Изд-во СГУ, 2011, 193 с.
11. Демченко Т.С. Институт высшего образования в системе общественного контроля Федеральной системы исполнения наказаний [Текст] / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко. // Социология образования. М., 2014, № 10, с. 4 – 22.
12. Демченко Т.С. Система трудоустройства населения: социологический аспект [Текст] / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко Т.С. // Социология образования. 2015, № 2, с. 9-23.
13. Демченко Т.С. Управление информационно-психологической защитой социальной организации: монография [Текст] / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко. – М.: СГА, 2013, 252 с.
14. Деникин А.И. Офицеры: Очерки. – М.: «ТВ – МОСТ», 1991, с. 42.
15. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 308, 542.
16. Полицейские массово увольняются со службы. Общество, 2019. URL: <https://19rus.info/index.php>
17. Семенова В.Г. Муниципальное управление трудоустройством населения [Текст] / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко, В.Г. Семенова // Социология образования. 2015, № 2, с. 23-33.
18. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: Т. 1,2. Пер. с нем. М.: Педагогика, 1986. Т.1, 408 с.; Т.2, с. 392.

Reference

1. Constitution of the Russian Federation. Ch. 5, art. 104, para. 1 [Text]. M., 2020, 63с.
2. Federal Law of the Russian Federation No. 273-ФЗ of 25.12 2008 «On combating corruption» // Rossiyskaya Gazeta, No. 6435, December 29, 2008
3. Federal Law of the Russian Federation dated 07.02.2011 N 3-ФЗ (ed. From 06.02.2020) «On the Police» // Russian newspaper, February 08, 2011
4. Federal Law of the Russian Federation of July 21, 2014 N 212-ФЗ «On the Basics of Public Control in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta, No. 6435, July 23, 2014
5. Altukhova O.A. Public control of the activities of magistrates: the educational aspect [Text]/O.A. Altukhova, A.N. Gostev//Sociology formed//iya, 2015, No. 9, p. 17-27.
6. Poverty in Russia// <https://tass.ru/ekonomika/9498117>, date of application 05.11.2020.
7. Bodrikova A.V. Social management of public associations of disabled people due to hostilities and military trauma: monograph [Text]/A.N. Gostev, A.V. Bodrikova, T.S. Demchenko. M.: SSU, 2015, 190 s.
8. Borisova E.A. Corruption in the education system: problems and solutions [Text]/A.N. Gostev, T.S. Demchenko, E.A. Borisova//Sociology of education, 2013, No. 7, p.4-22.
9. Gostev A.N. Civil religion of the USA: organization, experience, training/A.N. Gostev//Sociology of education. 2015, No. 7, p. 23-38.
10. Gostev A.N. Civil society: control over the activities of the state [Text]: Monograph/A.N. Gostev, T.S. Demchenko. M.: Publishing House of SSU, 2011, 193 s.

11. *Demchenko T.S.* Institute of Higher Education in the system of public control of the Federal System for the Execution of Sentences [Text]/A.N. Gostev, T.S. Demchenko ./Sociology of education. M., 2014, No. 10, p. 4 – 22.
12. *Demchenko T.S.* Employment system of the population: sociological aspect [Text]/A.N. Gostev, T.S. Demchenko T.S./Sociology of education. 2015, No. 2, p. 9-23.
13. *Demchenko T.S.* Department of Information and Psychological Protection of a Social Organization: monograph [Text]/A.N. Gostev, T.S. Demchenko. – M.: SGA, 2013, 252 s.
14. *Denikin A.I.* Officers: Essays. – M.: «TV – MOST», 1991, p. 42.
15. *Marx K. and Engels F.* Soch. T. 21, p. 308, 542.
16. Police officers are massively dismissed from service. Society, 2019. URL: <https://19rus.info/index.php>
17. *Semenova V.G.* Municipal Employment Management [Text]/A.N. Gostev, T.S. Demchenko, V.G. Semenova// Sociology of education. 2015, No. 2, p. 23-33.
18. *Hekhausen H.* Motivation and activity: T. 1.2. Lane with German M.: Pedagogy, 1986. T.1, 408 p.; T.2, p. 392.

Кузьмин Илья Александрович,
преподаватель, Школа бизнеса «Королевские беседы», город Казань,
kuzmili@mail.ru

СТАРТАПЫ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В современном мире стартапы набирают огромную популярность, затрагивая различные инновационные отрасли. Стартапы, по мнению аналитиков, можно охарактеризовать как новый драйвер развития российской экономики, позволяющий создать высокотехнологичный продукт в условиях жесткой конкуренции. Автором был осуществлен обзор рынка технологического предпринимательства российских стартапов, включающий в себя такие показатели, как степень инновационности продукта стартапа, основной источник финансирования на момент запуска стартапа; меры поддержки государства, которыми пользуются стартапы. Ввиду стремительного развития высокотехнологичного сектора экономики автором были предложены критерии оценивания жизнеспособности инновационных стартапов. Был сделан вывод, что развитие стартапов и их превращение в бизнес является одной из главных задач формирования и функционирования российской экономики, создания интеллектуального капитала страны, основой дальнейшего динамичного развития экономики.

Ключевые слова: стартап, российская экономика, предпринимательская деятельность, бережливый стартап

Ilya A. Kuzmin,
teacher, Business School «Royal Conversations», Kazan,
kuzmili@mail.ru

STARTUPS AS A DRIVER OF THE RUSSIAN ECONOMY DEVELOPMENT

Abstract. In the modern world, startups are gaining immense popularity, affecting various innovative industries. Startups, according to analysts, can be characterized as a new driver for the development of the Russian economy, which makes it possible to create a high-tech product in a highly competitive environment. The author carried out a survey of the technology entrepreneurship market of Russian startups, including such indicators as the degree of innovativeness of the startup product, the main source of funding at the time of the startup; government support measures used by startups. In view of the rapid development of the high-tech sector of the economy, the author proposed criteria for assessing the viability of innovative startups. It was concluded that the development of startups and their transformation into business is one of the main tasks of the formation and functioning of the Russian economy, the creation of the country's intellectual capital, and the basis for further dynamic development of the economy.

Keywords: startup, Russian economy, entrepreneurial activity, lean startup

В современных условиях развития экономики страны стартапы вносят непосредственный вклад в создание рабочих мест и диверсификацию экономики со скоростью, порой превосходящей зрелый бизнес. Как отмечают российские аналитики: «без стартапов в России не было бы чистого роста рабочих мест», обеспечивающих большую занятость населения. Это особенно актуально в период пандемии, поскольку, по данным Росстата, число безработных на сегодняшний момент достигло максимума, составив при этом 6,1% от всей рабочей силы [1].

Российская Федерация обладает огромным потенциалом для развития стартапов. Наиболее подходящей и удобной формой реализации новых

стартапов является статус индивидуального предпринимателя, где граждане могут заниматься предпринимательской деятельностью без необходимости создания юридического лица. Данный статус предусматривает упрощенную процедуру регистрации, подходящую для условий начала предпринимательской деятельности новых участников рынка. Многие новые компании обращаются к заемному капиталу, в частности, к кредитам, доля которых составляет порядка 40% [9].

Стартап можно рассматривать как достигший стадии готовности к запуску субъект предпринимательской деятельности при условии наличия проектной команды или соответствующего персонала орга-

низации, готового обоснованного и реалистичного бизнес плана, наличия системы документооборота бизнес процессов, бухгалтерского учета и налоговой отчетности; необходимой регистрационной и разрешительной документации; соответствующей инфраструктуры для оборота продукции и оказания услуг, включая закупку или аренду соответствующего оборудования, сырья или материалов.

Современные исследователи в области венчурных инвестиций [2; 4; 10] классифицируют стартапы, выделяя два основных типа (Рисунок 1):

К прожиточным стартапам относят новые организации, которые не планируют стать большой компанией, и целью которых выступает достижение финансовой независимости их организаторов от инвесторов. За последние 5-8 лет таких стартапов, в которых участники стремятся обеспечить себе лишь средства к существованию, становится все меньше.

По мнению аналитиков, именно «трансформационные» стартапы оказывают сегодня существенное влияние на экономику, стремясь к постоянному росту и посредством инновационного развития. В среднем доля высокотехнологичных рабочих мест в стартапах составляет 33% [3]. Эти молодые компании сравнительно больше инвестируют в исследования и разработки, чем более старые.

Например, в первом полугодии 2020 года было заключено 108 сделок по инвестициям в стартапы, что на 6,1% ниже уровня аналогичного периода 2019 года. При этом фактический объем вложений снизился почти в три раза, с \$497,5 млн до \$183,8 млн, где по объему вложений лидировали веб-сервисы [6; 10].

В рамках нашего исследования фокус внимания направлен именно на инновационные стартапы. Инновационность стартапов заключается во внедрении на рынок нового или усовершенствованного продукта (товара или услуги), который еще не был представлен на этом рынке в текущем виде.

Так, исследование рынка технологического предпринимательства в России за 2020 год показало, что в настоящее время среди целевых отраслей стартапов лидерами являются: IT, образование, медицина,

робототехника и машиностроение, транспорт. Таким образом, можно констатировать, что инновационный стартап способен быстро адаптироваться к изменениям внешней среды, откуда тренд – число новых проектов продолжает расти.

Согласно опросу основателей российских стартапов относительно степени инновационности их продукта, количество предпринимателей, считающих свой продукт уникальным, в нынешнем году достигает 37%, где 19% из них уверены, что аналогов не существует даже на международном рынке (Рисунок 2) [7].

Чуть более половины опрошенных (52%) усовершенствовали уже имеющийся на рынке продукт. Стартапов, предлагающих применение существующих технологий на новых рынках по-прежнему немного – всего 8%. По мнению 4% респондентов, их продукт не является инновационным. Исходя из опроса, большинство основателей полагают, что их продукт – усовершенствованный аналог, который выгодно отличается от остальных. Это говорит о том, что стартаперы видят проблематику конкретного бизнеса и понимают, что именно они обладают экспертизой для реализации технологических решений, которые помогут конкретно этому бизнесу решить собственные задачи.

В настоящее время наиболее распространенными источниками финансирования инновационных стартапов в стране являются:

- собственные средства;
- кредиты;
- гранты;
- средства инвесторов;
- краудфандинг и др. [8].

Согласно мнению владельцев стартапов в 2020 году, по-прежнему главным источником финансирования для запуска стартапов являются собственные средства фаундеров. Далее, как и в 2019 году, следуют гранты, и завершают тройку лидеров частные непрофильные инвесторы (Рисунок 3) [7].

В настоящее время в России действует система грантов для ученых и исследователей, которая помогает обеспечить финансовую поддержку перспективных

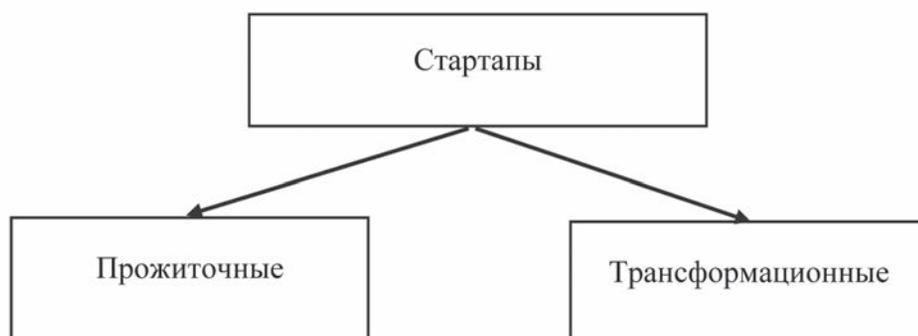

Рисунок 1. Виды стартапов

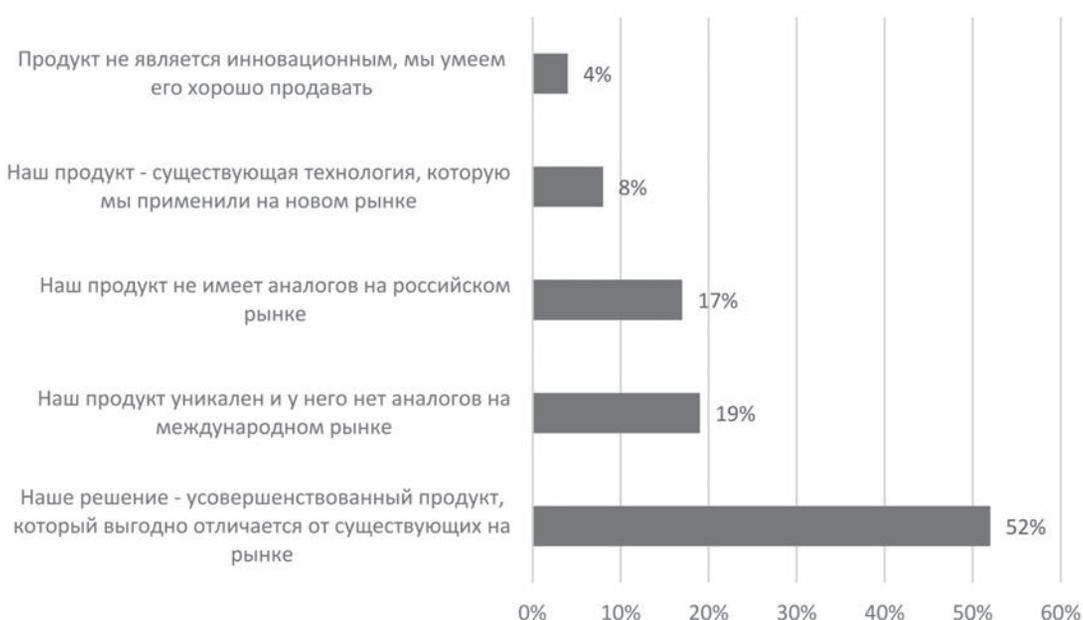

Рисунок 2. Степень инновационности продукта стартапа, %

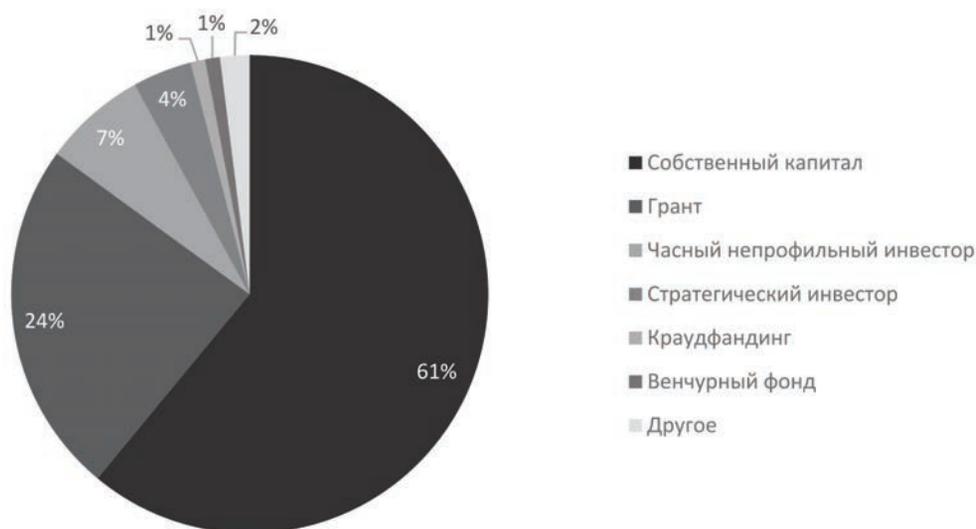

Рисунок 3. Основной источник финансирования на момент запуска стартапа, %

идей. Государственные гранты достаточно популярная форма привлечения инвестиций в основном среди некоммерческих организаций. Гранты от государства или корпорации предоставляются на безвозмездной основе в денежной или натуральной форме [4].

Еще одним перспективным способом привлечения капитала в стартап в России и во всем мире является краудфандинг. На сегодняшний момент действует ряд интернет-платформ, которые выступают «посредниками» между организаторами стартапов и будущими инвесторами. Участие в краудфандинговой платформе в настоящее время является общемировой тенденцией. Если в 2011 году оборот мирового рынка

краудфандинга оценивался в 1,490 млрд долларов, то в период 2019 года увеличился в 15-20 раз [5; 9].

Так зачастую, организаторы стартапов нуждаются в некоторой поддержке при управлении компанией или оценке экономического потенциала своего продукта. По сравнению, например, с венчурными фондами, инвесторам может не хватать специальных знаний в этой области. Однако существует феномен коллективного разума (или «мудрости толпы»), согласно которому коллективное мнение группы людей может оказаться более эффективным в решении корпоративных проблем, чем мнение отдельных людей или небольших групп. Таким образом, несколько ин-

весторов как некая «толпа» могут быть более эффективными, нежели отдельные инвесторы [11], что так требуется молодым предпринимателям, только начинающим свою деятельность, особенно в условиях высокого уровня конкурентности.

Особенно остро проблема развития стартапов наблюдается в период пандемии. Как ни странно, сложившаяся ситуация положительным образом повлияла почти на половину стартапов: одни увидели для себя новые возможности, другие работают над адаптацией продукта к новым условиям. 11% отметили рост интереса со стороны инвесторов в связи с актуальностью их продукта.

В вопросе о мерах государственной поддержки, которыми стартапы воспользовались или планируют воспользоваться в период пандемии, более половины респондентов (54%) выбрали ответ «никакими», пояснив это тем, что их отрасль не входит в перечень пострадавших (Рисунок 4).

Современные эмпирические исследования в отношении функционирования стартапов в целом показывают положительную корреляцию между предпринимательством (измеряемым как количество стартапов) и экономическим ростом. Однако механизмы, с помощью которых предпринимательство оказывает свое положительное влияние, неочевидны [4; 8; 11].

Таким образом, в качестве одной из эффективных методик, позволяющей предпринимателям снизить уровень неопределенности, присутствующий на начальных стадиях создания бизнеса, автором предлагается использование концепции «бережливого» стартапа, сущность которой заключается в том,

что первичным являются продажи продукта, а не его разработка, осуществляя диагностику спроса нового продукта посредством рекламных инструментов, позволяющую выявить реальную потребность рынка.

Непредсказуемость изменений внешней среды и необходимость быстро адаптироваться к данным трансформациям следует рассматривать как основные факторы внедрения и реализации концепции бережливого стартапа в качестве новой методологии, разработанной на основе работ Эрика Рисса, согласно которой предпринимателям предлагается оценивать жизнеспособность своих инновационных стартапов.

Тот факт, что при реализации российских стартапов всегда возникает потребность в оценке их жизнеспособности, свидетельствует о необходимости разработки новых элементов, направленных на укрепление новых бизнес структур на ранних стадиях их функционирования.

Нами были предложены критерии оценивания жизнеспособности инновационных стартапов, включающие в себя:

- уровень и скорость капитализации знаний;
- сбалансированность системы заемного финансирования;
- наличие стоящей и инновационной бизнес идеи, которая может предполагать возможность внедрение новых цифровых технологий;
- использование новых методик развития стартапов, в частности, бережливый стартап;
- быстрая адаптация проектов к существующим внешним условиям;

Рисунок 4. Меры поддержки государства, которыми пользуются или планируют воспользоваться стартапы, %

– наличие достаточного опыта у учредителей стартапа;

– следование горизонтальной организационной структуре управления.

Несмотря на видимую самостоятельность предпринимателей, независимость малого и среднего бизнеса от мер государственной поддержки на начальном этапе, стартапы нуждаются в финансировании со стороны инвесторов. Переориентация организаторов молодого бизнеса в фокус «бережливого» стартапа позволит стать предпринимателям рыночно ориентированными, что говорит о повышении зрелости нашего рынка.

Однако, в Российской Федерации деятельность, связанная с развитием стартапов, все еще находится на начальной стадии, что свидетельствует о необходимости проведения соответствующих исследований и разработки методологий, способствующих повышению эффективности стартапов. Особое внимание не-

обходимо уделить проблемам, не позволяющим повысить уровень «выживаемости» стартапов в условиях современного рынка, ввиду которых стартапы лишены возможности стать новыми «драйверами» экономического роста в России, несмотря на комплекс предоставляемых инструментов для их развития.

В заключении стоит сказать, что стартапы представляют собой движущую экономическую силу, являясь своеобразным катализатором. Во избежание экономической стагнации государству необходимо искать новые методы стимулирования конкуренции и оказания помощи трансформационным предпринимателям. На наш взгляд, ожидается, что активное развитие инновационных стартапов будет способствовать повышению конкурентоспособности российских товаров и экономическому росту как на региональном, так и на национальном уровне в целом. В будущем стартапы могут стать существенным фактором укрепления национальной экономики.

Список литературы

1. Безработица в России выросла до максимума за восемь лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/19/06/2020/5eecd9db9a7947e77b3bc058> (дата обращения: 16.01.2021).
2. Безрукова Т.Л., Степанова Ю.Н., Шанин И.И., Чеснокова А.В. Венчурное финансирование стартапов // Достижения современных естественных наук. 2015. №1. С.254–256.
3. Бизнес среднего возраста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://econs.online/articles/coffee-break/biznes-srednego-vozzrasta/> (дата обращения: 16.01.2021).
4. Вартанова Л.А. Источники финансирования малых инновационных компаний (стартапов) // Глобальные рынки и финансовый инжиниринг. 2017. Т.4. № 2. С.83–96.
5. Головинов О.Н., Дмитриченко Л.А. Стартап как форма развития малой инновационной предпринимательской деятельности // Экономика, управление и инвестиции. 2015. №3(9). С.1–17.
6. Из-за пандемии инвестиции в российские стартапы сократились в три раза [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/09/2020/5f6b31d49a7947dee548156d (дата обращения: 19.01.2021).
7. Исследование рынка технологического предпринимательства в России // Startup Barometer. 2020. Режим доступа: <https://generation-startup.ru/analytics/startup-barometer-2020/> (дата обращения: 13.01.2021).
8. Корзюк Д.И., Текучёва С.Н. Стартапы в России: Актуальные вопросы развития // International Journal Of Professional Science. 2019. №7. С.15–38.
9. Мзарелуа Л.П., Халяпин А.А. Особенности инвестирования в стартапы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. №5-2. С.86–89.
10. Обзор венчурной индустрии России за 2019 год и первое полугодие 2020 года // РБК, РАВИ, РwC [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pwc.ru/ru/publications/money-tree/pwc-money-tree-2020.pdf> (дата обращения: 09.01.2021).
11. Westlund H., Olsson A. (2011). Economic Entrepreneurship, Startups and Their Effects on Local Development: The Case of Sweden. URL: https://www.researchgate.net/publication/254457482_Economic_Entrepreneurship_Startups_and_Their_Effects_on_Local_Development_The_Case_of_Sweden (date of request: 21/01/2021).

References

1. Bezrobotica v Rossii vyroslo do maksimuma za vosem' let [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/economics/19/06/2020/5eecd9db9a7947e77b3bc058> (data obrashcheniya: 16.01.2021).
2. Bezrukova T.L., Stepanova YU.N., SHanin I.I., CHesnokova A.V. Venchurnoe finansirovanie startapov // Dostizheniya sovremennyh estestvennyh nauk. 2015. №1. С.254–256.
3. Biznes srednego vozrasta [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://econs.online/articles/coffee-break/biznes-srednego-vozzrasta/> (data obrashcheniya: 16.01.2021).
4. Vartanova L.A. Istochniki finansirovaniya malyh innovacionnyh kompanij (startapov) // Global'nye rynki i finansovyj inzhiniring. 2017. T.4. № 2. S.83–96.
5. Golovinov O.N., Dmitrichenko L.A. Startap kak forma razvitiya maloj innovacionnoj predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Ekonomika, upravlenie i investicii. 2015. №3(9). S.1–17.

6. Iz-za pandemii investicii v rossijskie startapy sokratilis' v tri raza [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/09/2020/5f6b31d49a7947dee548156d (data obrashcheniya: 19.01.2021).
7. Issledovanie rynka tekhnologicheskogo predprinimatel'stva v Rossii // Startup Barometer. 2020. Rezhim dostupa: <https://generation-startup.ru/analytics/startup-barometer-2020/> (data obrashcheniya: 13.01.2021).
8. Korzyuk D.I., Tekuchyova S.N. Startapy v Rossii: Aktual'nye voprosy razvitiya // International Journal Of Professional Science. 2019. №7. S.15–38.
9. Mzarelua L.P., Halyapin A.A. Osobennosti investirovaniya v startapy // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2020. №5-2. S.86–89.
10. Obzor venchurnoj industrii Rossii za 2019 god i pervoe polugodie 2020 goda // RVK, RAVI, PwC [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.pwc.ru/ru/publications/money-tree/pwc-money-tree-2020.pdf/> (data obrashcheniya: 09.01.2021).
11. Westlund H., Olsson A. (2011). Economic Entrepreneurship, Startups and Their Effects on Local Development: The Case of Sweden. URL: https://www.researchgate.net/publication/254457482_Economic_Entrepreneurship_Startups_and_Their_Effects_on_Local_Development_The_Case_of_Sweden (date of request: 21/01/2021).

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления
и конституционного права, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва,
lisovaekaterina78@gmail.com

ВОЗМОЖНОСТЬ КОРРЕКТИРОВКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ ПРАКТИКИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу процесса оценки социального развития российских регионов. Автор обращает внимание на тот факт, что отечественная практика оценки социального развития регионов фактически проводится в составе комплексной социально-экономической оценки. Из существующих методик предлагается выделить социальную составляющую, ее ключевые показатели и определить агрегированный индикатор социального развития регионов. Отмечается, что исследования проводятся на основе методики рейтингового агентства «РИА-Рейтинг». Описывается применение видоизмененного алгоритма определения интегрального показателя социального развития на примере регионов Центрального федерального округа. Подсчитан рейтинг данных регионов, описаны полученные частные и интегральный показатели. Делается вывод о возможности применения полученных результатов для дальнейшего компаративного анализа социального развития регионов.
Ключевые слова: регион, социальное развитие, социально-экономическое развитие, рейтинг, рейтинговое агентство, алгоритм составления рейтинга, рейтинговый балл, интегральный показатель регионального социального развития.

Ekaterina V. Lisova,

PhD in Sociology, assistant Professor, Full Professor of the Chair State and municipal administration
and constitutional law, Institute of business career, Moscow,
lisovaekaterina78@gmail.com

POSSIBILITY TO ADJUST THE CURRENT PRACTICE OF ASSESSING THE SOCIAL DEVELOPMENT OF REGIONS

Abstract. This article analyzes the process of assessing the social development of Russian regions. The author draws attention to the fact that the domestic practice of assessing the social development of regions is actually carried out as part of a comprehensive socio-economic assessment. From the existing methods, it is proposed to identify the social component, its key indicators, and determine the aggregate indicator of social development of regions. It is noted that the research is based on the methodology of the rating Agency "RIA-Rating". The article describes the application of a modified algorithm for determining the integral indicator of social development on the example of the regions of the Central Federal district. The rating of these regions is calculated, and the obtained partial and integral indicators are described. It is concluded that the results can be used for further comparative analysis of the social development of regions.

Keywords: region, social development, socio-economic development, rating, rating Agency, rating algorithm, rating score, integral indicator of regional social development

На сегодня отечественная практика оценки социального развития в подавляющем большинстве случаев проводится в составе комплексных социально-экономических характеристик региона. Алгоритм действий для различных методологических подходов в данном случае примерно одинаков.

На первом этапе экспертами выделяются составные части социально-экономических характеристик региона, затем – ключевые показатели по каждой из составляющих. Касательно составных частей мож-

но заметить, что их набор практически является стандартным (социальная, экономическая, иногда экологическая компоненты). На счет ключевых показателей у разных авторов в зависимости от подхода может существовать значительная дифференциация, как по их количеству, так и по самим индикаторам [1,2,3].

При попытке выделить чисто социальную компоненту развития региона возникают различного рода трудности, не позволяющие дать окончательных объективных оценок [4,5].

Для корректировки сложившейся практики оценки социального развития регионов, на наш взгляд, уместно на основе существующих методик выделить чисто социальную составляющую, ее ключевые показатели и обработать их для получения агрегированного индикатора социального развития регионов.

В нашем случае объектом исследования являлись регионы Центрально-Черноземного экономического района (южная часть центра России): Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая и Тамбовская области.

В качестве основной была использована методика определения отечественного регионального рейтинга социально-экономического положения, предложенная одним из наиболее известных российских рейтинговых агентств «РИА Рейтинг».

Заметим, что для расчета указанного рейтинга агентство использует следующие виды показателей [6]:

- индикаторы социальной сферы;
- индикаторы масштаба экономики;
- индикаторы эффективности экономики;
- индикаторы бюджетной сферы.

В Таблице 1 отражены индикаторы, включенные в группу показателей социальной сферы, которые использовались нами в качестве ключевых.

Данные ключевые показатели социальной сферы были отобраны экспертами «РИА Рейтинг» для использования в расчетах ежегодного рейтинга социально-экономического положения регионов.

Указанные в Таблице 1 индикаторы были определены на основании официальных данных государственной статистики.

Использовалось официальное издание федеральной службы государственной статистики «Регионы России (социально-экономические показатели)» [7] за 2019 год. На момент выхода статистического сборника были полностью доступны данные по регионам России за 2018 год, что и составило информационную основу работы.

Анализировались данные на примере Центрально-Черноземного экономического района (далее – ЦЧР), включающего в свой состав Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области.

В Таблице 2 приведены данные по отношению денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

Как видно из таблицы, регионами-лидерами по данному показателю являются Липецкая и Белгородская области, отстают Курская и Тамбовская области.

Значения второго показателя, отобранного экспертами – уровня безработицы выглядят следующим образом:

Таблица 1

Индикаторы, включенные в группу показателей социальной сферы

Наименование группы показателей	Показатели
Показатели социальной сферы	Отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг Уровень безработицы Ожидаемая продолжительность жизни при рождении Уровень младенческой смертности Смертность населения трудоспособного возраста Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума

Таблица 2

Отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг (Центрально-Черноземный экономический район, 2018 год)

Регион	Среднедушевой доход населения, руб.	Стоимость фиксированного набора и потребительских товаров и услуг, руб.	Отношение среднедушевого дохода населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг
Белгородская обл.	30778	13804	2,230
Воронежская обл.	30289	14578	2,078
Курская обл.	27275	13881	1,965
Липецкая обл.	30110	13466	2,236
Тамбовская обл.	26828	13550	1,980

- Белгородская область - 3,9%;
- Воронежская область - 3,7%;
- Курская область - 4,0%;
- Липецкая область - 3,8%;
- Тамбовская область - 4,1%.

Данные по указанному показателю достаточно близкие по всем регионам с некоторым преимуществом у Воронежской области.

Следующим показателем социальной сферы является ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Для регионов ЦЧР он имеет следующие числовые значения:

- Белгородская область - 73,67 года;
- Воронежская область - 73,15 года;
- Курская область - 71,91 года;
- Липецкая область - 72,62 года;
- Тамбовская область - 72,95 года.

Можно заметить, что и по этому показателю значения для всех регионов не имеют сильной дифференциации с лидерством Белгородской области.

Уровень младенческой смертности в регионах составляет (на 1000 родившихся):

- Белгородская область - 5,1;
- Воронежская область - 4,6;
- Курская область - 5,3;
- Липецкая область - 3,6;
- Тамбовская область - 3,9.

Данный индикатор принимает значения в пределах от 3,6 до 5,3, при этом наилучшее значение (минимальное) соответствует Липецкой области.

Следующим индикатором, включенным экспертами «РИА Рейтинг» в расчет ежегодного рейтинга, является смертность населения трудоспособного возраста (на 100000 человек). Для регионов ЦЧР его числовые значения следующие:

- Белгородская область - 422,5;
- Воронежская область - 474,5;
- Курская область - 535,6;
- Липецкая область - 527,3;
- Тамбовская область - 509,8.

Анализ данных показывает, что существует некоторая дифференциация значений данного показателя, однако при выборке из 100000 человек значительной ее признать нельзя. Регионом-лидером является Белгородская область.

Последним показателем социальной сферы, используемым для расчета рейтинга, является доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Его значения выглядят следующим образом:

- Белгородская область - 7,5%;
- Воронежская область - 8,9%;
- Курская область - 9,9%;
- Липецкая область - 8,7%;
- Тамбовская область - 9,8%.

По данному показателю позитивно выделяется Белгородская область, отстают Тамбовская и Курская области.

Анализируя значения всех показателей социальной сферы, на наш взгляд, можно выделить несколько основных тенденций.

Во-первых, практически по всем показателям их значения для регионов Центрально-Черноземного района не являются сильно дифференцированными, что, по всей видимости, свидетельствует о близком уровне их социального развития.

Во-вторых, при анализе шести показателей социальной сферы в число регионов с наилучшими их значениями входили Белгородская (3 раза), Липецкая (2 раза) и Воронежская (1 раз) области. Уместно предположить, что этим регионам соответствует более высокий уровень общего социального развития.

В-третьих, индикаторы Курской и Тамбовской области ни разу не стали лучшими в Центрально-Черноземном районе, что, вероятно, говорит об их более низком уровне социального развития.

На следующем этапе определения рейтинга социального развития регионов Центрально-Черноземного района необходимо определить интегральный рейтинговый балл. Напомним, что данный процесс по методике рейтингового агентства «РИА Рейтинг» содержит три последовательных этапа [6]:

- первый этап – определение рейтингового балла субъекта РФ по каждому ключевому показателю;
- второй этап – определение рейтингового балла субъекта РФ по группе показателей;
- третий этап – определение интегрального рейтингового балла субъекта РФ.

В нашем случае задача упрощается, поскольку используются ключевые показатели только из одной группы (группы показателей социальной сферы). Фактически определение рейтингового балла региона Центрально-Черноземного района является определением его интегрального рейтингового балла. При этом процесс определения рейтинга социально-го развития региона будет включать два этапа:

- первый этап – определение рейтингового балла каждой из областей Центрально-Черноземного района по каждому ключевому показателю;
- второй этап – определение интегрального рейтингового балла социального развития каждой из областей Центрально-Черноземного района по группе показателей социальной сферы.

Методика определения рейтингового балла региона на первом этапе экспертов «РИА Рейтинг» подразумевает присвоение баллов регионам в диапазоне от 1 до 100, причем регион с лучшим значением показателя получает 100 баллов, с худшим значением – 1 балл. Причем при определении рейтингового балла учитывается не только конкретное место каждого

субъекта РФ в рейтинге по данному показателю, но и количественное отставание от лучшего результата.

Интервал присваиваемых баллов от 1 до 100 обусловлен с одной стороны количеством субъектов РФ (восемьдесят пять), с другой стороны существенной дифференциацией социально-экономического развития регионов. К примеру, по рейтингу агентства по итогам 2018 года максимальное количество баллов получила Москва (88,05), минимальное количество соответствует Республике Тыва (10,2).

В нашем случае такой диапазон рейтинговых баллов (1-100) может привести к необъективности оценок, в первую очередь из-за небольшого количества оцениваемых регионов (пять), а также вследствие достаточно близкого уровня социального развития, о чем мы упоминали чуть раньше.

Поэтому на первом этапе определения рейтинговых баллов нами предложена шкала в диапазоне от 1 до 5 баллов. Условное распределение баллов в таком случае выглядит следующим образом:

- первое место – 5 баллов;
- второе место – 4 балла;
- третье место – 3 балла;
- четвертое место – 2 балла;

- пятое место – 1 балл.

Таким образом, общее количество баллов по каждому ключевому показателю будет составлять 15 (5+4+3+2+1) баллов, которые распределяются между регионами пропорционально их показателям.

Необходимо также заметить, что зависимость между значением каждого из показателей и рейтинговым баллом может быть как прямо пропорциональной (например, ожидаемая продолжительность жизни при рождении), так и обратно пропорциональной (например, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума).

Нами предложено для определения рейтинговых баллов в первом случае использовать сами показатели, а во втором случае – обратные им величины.

На втором этапе определения интегрального рейтингового балла социального развития регионов предлагается использовать среднее арифметическое рейтинговых баллов всех входящих в группу показателей (как и в рейтинге агентства «РИА Рейтинг»).

В Таблицах №№ 3-8 отражены баллы, полученные регионами в результате проведенных вычислений на первом этапе рейтингования, и итоговое место в рейтинге.

Таблица 3

Рейтинг показателя отношение денежных доходов населения к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг (Центрально-Черноземный экономический район, 2018 год)

Регион	Количество рейтинговых баллов	Место в рейтинге
Липецкая обл.	3,20	1
Белгородская обл.	3,19	2
Воронежская обл.	2,97	3
Тамбовская обл.	2,83	4
Курская обл.	2,81	5

Таблица 4

Рейтинг показателя уровень безработицы (Центрально-Черноземный экономический район, 2018 год)

Регион	Количество рейтинговых баллов	Место в рейтинге
Воронежская обл.	3,16	1
Липецкая обл.	3,07	2
Белгородская обл.	3,00	3
Курская обл.	2,92	4
Тамбовская обл.	2,85	5

Таблица 5

Рейтинг показателя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (Центрально-Черноземный экономический район, 2018 год)

Регион	Количество рейтинговых баллов	Место в рейтинге
Белгородская обл.	3,03	1

Воронежская обл.	3,01	2
Тамбовская обл.	3,00	3
Липецкая обл.	2,99	4
Курская обл.	2,96	5

Таблица 6

Рейтинг показателя уровень младенческой смертности (Центрально-Черноземный экономический район, 2018 год)

Регион	Количество рейтинговых баллов	Место в рейтинге
Липецкая обл.	3,67	1
Тамбовская обл.	3,38	2
Воронежская обл.	2,87	3
Белгородская обл.	2,59	4
Курская обл.	2,49	5

Таблица 7

Рейтинг показателя смертность населения трудоспособного возраста (Центрально-Черноземный экономический район, 2018 год)

Регион	Количество рейтинговых баллов	Место в рейтинге
Белгородская обл.	3,48	1
Воронежская обл.	3,10	2
Тамбовская обл.	2,88	3
Липецкая обл.	2,79	4
Курская обл.	2,75	5

Таблица 8

Рейтинг показателя доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (Центрально-Черноземный экономический район, 2018 год)

Регион	Количество рейтинговых баллов	Место в рейтинге
Белгородская обл.	3,55	1
Липецкая обл.	3,06	2
Воронежская обл.	2,99	3
Тамбовская обл.	2,72	4
Курская обл.	2,69	5

В Таблице 9 представлены окончательные результаты рейтингования, полученные на втором его этапе, суть которого заключается в подсчете интегрального показателя социального развития регионов.

Анализируя результаты полученного итогового рейтинга областей Центрально-Черноземного района, можно, в первую очередь, заметить, что он носит компаративный характер. В частности, при исследовании пяти регионов и предложенной шкале оценки рейтинга в баллах достаточно несложно определить «средний» уровень социального развития – он будет

равен трем баллам. Наглядно видно, что Белгородская, Липецкая и Воронежская области превышают этот уровень, а Тамбовская и Курская области до него не «дотягивают».

Лидерство по интегральному показателю социального развития Белгородской области можно отнести к ожидаемым до подсчета рейтинга результатам, поскольку в трех из шести ключевых показателей она также оказалась на первом месте.

Диапазон рейтинговых значений от минимального (2,84) до максимального (3,14) составляет 0,3 балла, что

Итоговый рейтинг областей Центрально-Черноземного района по социальному развитию, 2018 год

Регион	Количество рейтинговых баллов	Место в рейтинге
Белгородская обл.	3,14	1
Липецкая обл.	3,07	2
Воронежская обл.	3,03	3
Тамбовская обл.	2,92	4
Курская обл.	2,84	5

в пределах предложенной бальной шкалы свидетельствует о достаточно близких показателях всех регионов, характеризующих уровень их социального развития.

Таким образом, предложенная корректировка практики оценки социального развития регио-

нов, основанная на методике «РИА Рейтинг» определения уровня их социально-экономического развития, дает наглядную компаративную картину в случае анализа пяти регионов Центрально-Черноземного района.

Список литературы

1. *Макаренцева А.О.* Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие регионов России в первой половине 2020 г. / А.О. Макаренцева, Н.В. Мкртчян, Н.В. Зубаревич // Экономическое развитие России. – 2020. – № 10. – Т. 27. – С. 73-88.
2. *Безденежных Т.И.* Социально-экономическое развитие регионов России: проблемы и пути решения / Т.И. Безденежных, М.М. Макенов // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – № 3 (438). – Т. 15. – С. 541-552.
3. *Рослякова С.В.* Социально-экономическое развитие регионов России/ С.В. Рослякова // Актуальные проблемы экономики современной России. – 2016. – № 3. – С. 511-513.
4. *Пронина Л.И.* Социальная сфера регионов и муниципалитетов в современных условиях / Л.И. Пронина // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – № 4. – Т. 4. – С. 7-13.
5. *Боталова М.Е.* Методика позиционирования регионов по динамике комплексного развития социальной инфраструктуры / М.Е. Боталова // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2018. – № 2 (69). – С. 119-130.
6. РИАРЕЙТИНГ [Электронный ресурс] / РИА Рейтинг. – Режим доступа: https://riarating.ru/regions/index_2.html.
7. Регионы России (социально-экономические показатели) [Электронный ресурс] / Росстат России. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.

References

1. *Makarentseva A.O.* Demograficheskaya situatsiya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii v pervoi polovine 2020 g. / A.O. Makarentseva, N.V. Mkrтчyan, N.V. Zubarevich // Ekonomicheskoe razvitie Rossii. – 2020. – № 10. – Т. 27. – С. 73-88.
2. *Bezdenezhnykh T.I.* Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii: problemy i puti resheniya / T.I. Bezdenezhnykh, M.M. Makenov // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. – 2017. – № 3 (438). – Т. 15. – С. 541-552.
3. *Roslyakova S.V.* Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov Rossii/ S.V. Roslyakova // Aktual'nye problemy ekonomiki sovremennoi Rossii. – 2016. – № 3. – С. 511-513.
4. *Pronina L.I.* Sotsial'naya sfera regionov i munitsipalitetov v sovremennykh usloviyakh / L.I. Pronina // Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya. – 2017. – № 4. – Т. 4. – С. 7-13.
5. *Botalova M.E.* Metodika pozitsionirovaniya regionov po dinamike kompleksnogo razvitiya sotsial'noi infrastruktury / M.E. Botalova // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava. – 2018. – № 2 (69). – С. 119-130.
6. RIAREITING [Elektronnyi resurs] / RIA Reiting. – Rezhim dostupa: https://riarating.ru/regions/index_2.html.
7. Regiony Rossii (sotsial'no-ekonomicheskije pokazateli) [Elektronnyi resurs] / Rosstat Rossii. – Rezhim dostupa: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b18_14p.

Салихов Борис Варисович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения,
Московский государственный лингвистический университет, Москва,
mgsusalikhov@yandex.ru

ИМПЕРАТИВЫ «СДВИГА ПАРАДИГМЫ» В ИССЛЕДОВАНИИ УСТОЙЧИВОГО И НЕУСТОЙЧИВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ЧАСТЬ I)

Аннотация. Цель статьи заключается в обосновании необходимости «сдвига парадигмы» в исследовании устойчивого и неустойчивого регионального развития. При этом методологический ракурс заключается в логико-гносеологическом анализе проблемы с учетом ключевых положений системной парадигмы, представленных органическим единством внешних условий и многообразием внутренних факторов развития элементов исследуемого предметного «поля». Научная новизна статьи заключается, во-первых, в доказательстве дисфункций действующего, по сути, экономического концепта обеспечения как такового устойчивого развития; во-вторых, в формулировке ключевых императивов становления новой аналитической парадигмы с учетом соответствующих новых «явленческих» аспектов. Научно-практическое значение выводов статьи заключается в дальнейшей возможности конкретизации элементов качественной целостности новой парадигмы устойчивого и неустойчивого развития любого региона, с учетом его геосоциального кода и историко-культурных особенностей эволюции.

Ключевые слова: устойчивое и неустойчивое развитие, методологические дисфункции, логико-гносеологический анализ, нарастание сложности, единство универсального и индивидуального, «сдвиг парадигмы»

Boris V. Salikhov,

Doctor of Economics, professor, professor of Theory of region studies department
of the Moscow state linguistic University, Moscow,
mgsusalikhov@yandex.ru

THE IMPERATIVES OF A «PARADIGM SHIFT» IN THE STUDY OF SUSTAINABLE AND UNSUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT (PART I)

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the need for a "paradigm shift" in the study of sustainable and unsustainable regional development. At the same time, the methodological perspective lies in the logical and epistemological analysis of the problem, taking into account the key provisions of the systemic paradigm, represented by the organic unity of external conditions and the variety of internal factors of development of the studied subject "field" elements. The scientific novelty of the article consists, firstly, in the proof of dysfunctions of the existing, in fact, economic concept of ensuring sustainability development; secondly, in the formulation of the key imperatives of the formation of a new analytical paradigm, taking into account the corresponding new aspects. The scientific and practical significance of the article's conclusions lies in the further possibility of specifying the elements of the qualitative integrity of the new paradigm of sustainable and unstable development of any region, taking into account its geosocial code and historical and cultural features of evolution.

Keywords: sustainable and unstable development, methodological dysfunctions, logical and epistemological analysis, increasing complexity, the unity of the universal and the individual, "paradigm shift"

В условиях разразившейся известной пандемии, у политэкономических элит разных стран и регионов мира может появиться соблазн «записать на счет» коронавируса все существующие и грядущие социально-экономические проблемы, а также ранее возникшие провалы наднациональных, национальных и региональных субъектов управления, ответственных за качество и результативность соответ-

ствующих дискреционных решений, связанных, в том числе, и с достижением целей устойчивого развития [11, 14], декларируемых ООН [20]. Это обстоятельство представляется весьма существенным аргументом в пользу более пристального анализа социально-экономических отношений, процессов и тенденций в допандемическом мире, поскольку не волны коронавируса, а именно внутренняя логика совместного

развития стран-лидеров и стран-аутсайдеров видится глубинным основанием «новой нормальности», а также ряда других негативных тенденций мирового и регионального развития, перманентно воссоздающих режим системной неустойчивости в рамках глобального и регионального социально-экономического и политэкономического пространства [7-10].

Гипотеза исследования заключается в предположении, что именно действующая парадигма устойчивого развития, представленная множеством целей и задач, а также реализуемая в рамках «воинствующего универсализма» в форме «вашингтонского консенсуса», является не только тормозом, но и основным системным фактором социально-экономической деструкции и перманентной неустойчивости развития, все чаще принимающей турбулентный характер. Доказательство гипотезы предполагает, во-первых, качественные выводы и умозаключения из количественного анализа реальных результатов действующей «экономической» парадигмы устойчивого развития. Во-вторых, необходимость обоснования императивов разработки новой дисциплинарной матрицы исследования проблем устойчивости и неустойчивости развития, что и есть верификация требования не перезагрузки существующих «ценностных артефактов», а именно «сдвига парадигмы» для высокоэффективного решения проблемы. При этом под одноименным сдвигом понимается новая качественная целостность концепции устойчивого развития, включающая, прежде всего, новую трактовку сущности данного понятия, наиболее полный и системный учет региональной цивилизационной идентичности, а также множества других условий и факторов современного развития.

Фальсификация действующей парадигмы: онтология гипотезы. В рамках единства количественного и качественного анализа можно выявить «явленческие» провалы действующей парадигмы устойчивого развития. Учитывая, что 2012 год считается началом действия «механизма торможения» отечественной экономики (в мире торможение социально-экономического развития называется «новой нормальностью»), в Таблице 1 показано, что, например, в

России и Казахстане чистые накопления, с учетом безудержной эксплуатации природного капитала, стали величиной отрицательной (в % к ВВП): -0,8% и -1,2% соответственно. При этом истощение созидательного потенциала природы имеет место и в странах лидирующей группы: как показано в названной таблице, во всех странах истощение природных ресурсов имеет знак «плюс», причем в Норвегии этот показатель вполне сравним с российским и составляет 10,6% к ВВП. Можно обоснованно констатировать, что существующая «логика» использования природного капитала (рост его истощения; высокая доля ископаемого топлива в общем объеме его потребления и др.) отнюдь не способствует реализации императива устойчивого регионального развития страны любого политэкономического «качества».

Дисфункцией парадигмы устойчивого развития, принятой ООН, объясняется также постоянно углубляющееся общее и, особенно, социально-экономическое неравенство большинства (возможно, всех) стран и регионов мира. В рамках, так называемого кластерного подхода, где каждая группа стран изначально и далее примерно двукратно отличается от соседних групп стран по уровню дохода либо в сторону увеличения (верхний соседний кластер), либо в сторону уменьшения (нижний соседний кластер), исследователи выявили феномен «разбегания кластеров», что характеризует растущий социально-экономический разрыв, как в рамках стран лидирующей и догоняющей группы, так и внутри названных групп стран. Более того, этот растущий разрыв институционализируется в форме, так называемых «ловушек»: бедности, среднего дохода, стагфляции и множестве других. В Таблице 2 показана динамика растущего межкластерного социально-экономического разрыва.

В результате анализа Таблицы 2 можно сформулировать следующие выводы:

- во-первых, усиливающаяся тенденция увеличения межкластерного разрыва сформирована под воздействием и в рамках действующих мировых «правил игры» и соответствующих дискреционных факторов-решений региональных политэкономических элит, что онтологически проистекает из общей

Таблица 1.

Результаты бесконтрольного потребления природных ресурсов [1, с. 151]

Страна	Чистые накопления (% к ВВП)	Доля ископаемого топлива (% от объема)	Доля возобновляемой энергии (% от объема)	Истощение природных ресурсов (% ВВП)
Норвегия	12,8	58,6	45,3	10,6
Канада	5,8	74,9	17,0	2,3
Россия	-0,8	90,9	3,0	14,5
Казахстан	-1,2	98,8	1,1	22,0

**Рост межкластерного разрыва стран по средним значениям ВВП
на душу населения (тыс. межд. долл.) [5, с. 17]**

Разница между кластерами	1992	2000	2008	2016
1-2	21,0	22,1	20,8	23,7
2-3	8,2	11,5	11,2	9,4
3-4	4,9	6,2	7,3	7,5
4-5	4,0	4,7	7,1	8,0
5-6	1,5	1,2	0,1	1,5
6-7	0,8	0,4	1,5	1,2

логики действующей парадигмы устойчивости. Следуя данной логике, с ее приоритетом экономических регуляторов, при эклектическом множестве целей и задач, в обозримом будущем едва ли следует надеяться на формирование контртенденции, то есть сокращения отмеченного социально-экономического неравенства;

- во-вторых, можно обоснованно констатировать, что суждения об опережающем развитии менее развитых стран и регионов мира, относительно стран и регионов лидирующей группы, остаются не более чем декларациями. Более того, как следует из данных рассматриваемой таблицы, в 2016 году различия в доходном статусе представителей сравниваемых кластеров стали намного глубже, чем в 1992 году, что доказывает наличие тенденции дальнейшего углубления межстранового неравенства, катализируемого обострением проблем технологического колониализма и цифровой зависимости стран догоняющего развития.

Таким образом, действующая «экономическая» парадигма обеспечения устойчивого развития (парадигма ВВП, или концепция «экономического империализма») едва ли является и может быть в перспективе интегральным, критически значимым системным фактором решения релевантных задач. Более того, в современных условиях даже концепт «зеленой экономики» уже не представляется ключевым, поскольку отнюдь не связан напрямую с выявлением глубинных и действительно содержательных проблем устойчивого либо неустойчивого развития. Узкие рамки сугубо или преимущественно «экономического видения» проблемы сдерживают реальный процесс ее разрешения как минимум по двум причинам:

- во-первых, феномен устойчивого развития априори включает весьма обширное объектное пространство, которое невозможно охватить только экономическими факторами. В самом деле, устойчивое развитие домохозяйств, общества и государства есть результат далеко не только экономической политики и хозяйственного управления; здесь весьма суще-

ственную роль играют ценностно-смысловые, историко-культурные и многие другие условия и факторы;

- во-вторых, сама экономика изначально не должна быть целевым объектом обеспечения устойчивости в силу естественных, эндогенных причин ее цикличности. Другими словами, дискреционные решения по обеспечению собственно экономической устойчивости есть «борьба с ветряными мельницами», поскольку устойчивое состояние экономики, в условиях реальной функциональности механизма конкурентного рынка, имеет своим основанием неустойчивость. Попытки сгладить такую неустойчивость есть короткий путь к стагнации и далее к системной хозяйственной деструкции или к некроэкономике. Сознательное нарушение спонтанного порядка механизма конкурентного рынка создает лишь «видимость» устойчивого экономического развития; в частности, нарушается функция санации недееспособных хозяйственных структур, что воссоздает множество «мертвых» предприятий, встающих в «очередь» к государству как финансовому «реаниматологу» за счет бюджетных средств. Экономические инструменты могут быть лишь определенной частью в целостной системе механизмов и форм обеспечения устойчивого развития, но не больше.

Отмеченные и другие положения квалифицируют ситуацию как перманентно неустойчивую либо «устойчивую именно в своей неустойчивости». Именно поэтому и было зафиксировано предположение о том, что реальный «сдвиг парадигмы» за пределы доминирующего экономического подхода к проблеме, при формировании новой качественной целостности методологии исследования устойчивого и неустойчивого развития, позволит повысить общую результативность решаемых релевантных задач. Наиболее полный учет именно неэкономических и даже некогнитивных условий и факторов устойчивого и неустойчивого развития видится критически значимым системным аргументом исследовательского успеха [15,16].

Верификация «сдвига парадигмы»: доказательство гипотезы. Анализ релевантной литературы

показывает, что исследовательский подход к проблеме устойчивого развития должен, как минимум, включать и конкретизировать следующие ключевые положения:

Во-первых, критическое значение имеет трактовка сущности устойчивого и, соответственно, неустойчивого развития. В рамках гегелевской диалектической взаимосвязи сущности и явления, важно четко отграничить «явление» от «видимости», а «сущность» от «декларативности» [4]. При этом логико-гносеологический сценарий исследования, одновременно, весьма противоречив и прост: «явление» устойчивого (неустойчивого) развития настолько же «существенно», насколько «сущность» устойчивого (неустойчивого) развития «является», то есть имеет внешние формы своего «сущего». Можно констатировать, что существующие трактовки сущности устойчивого развития носят преимущественно функциональный либо структурно-содержательный характер. В частности, по замыслу ООН, под устойчивым понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [20].

Такое понимание предмета в явном виде предстает как «функционально-потребительское» определение якобы сущности устойчивого развития со множеством скрытых и неизвестных переменных. Предложена некая метафора, имеющая мало общего с научным подходом, ибо здесь говорится о функции устойчивого развития, а не о том, что есть такое «устойчивое развитие». Кроме того, акцентируется внимание на уже названном экономическом подходе к проблеме, что едва ли правомерно при решении столь сложной проблемы, где существенную роль играют, прежде всего, релевантные геосоциальные условия и социокультурные факторы [2, 17]. Резонно отметить, что *методологическая перспектива* исследования проблемы устойчивого или неустойчивого развития должна быть непосредственно увязана с действительной качественной определенностью, или онтологией процесса, где в «снятом виде» содержится потенциал последующего логико-гносеологического анализа проблемы, выводы которого заключают возможность соответствующих научно-практических инноваций;

Во-вторых, методологическим императивом является общее нарастание сложности как таковых форм и способов жизни и деятельности личности, домохозяйства, социальных групп, региональных, национальных и других сообществ [12, 13]. Феномен нарастания сложности имеет место и в рамках концепта устойчивого развития, тем более что речь идет о множестве соответствующих условий и факторов, детерминирующих различные по характеру и сложности динамические процессы. Сказанное, как минимум, означает, что следует существенно расширить

предметное поле исследования проблемы, включив в аналитическое пространство гораздо больший перечень содержательных элементов, чем только аспекты экономической и природоохранной деятельности, причем в логически связанном, едином цикле комплексных взаимодействий. При этом закономерным, логически понятным и аналитически естественным представляется императив роста междисциплинарного и многодисциплинарного масштаба исследования, поскольку нарастание сложности предопределяет существенное возрастание информационной интенсивности и когнитивного разнообразия. Действующая парадигма устойчивого развития, при всем многообразии целевых функций и разнообразии прикладных задач, лишь фрагментарно использует рекомендации гуманитарных и социальных наук, не говоря уже о разработках в области антропологии, экономической психологии и социологии [18]. Таким образом, чем сложнее и разнообразнее окружающая действительность, тем более архаичными представляются постулаты «голового» экономизма в сфере обеспечения устойчивого развития и характеристике его реальных перспектив. Следовательно, *методологическая перспектива* исследования призвана учесть растущую сложность и спонтанность (открытость, нелинейность и неравновесность) всех аспектов устойчивого или неустойчивого развития.

В-третьих, современный подход к решению задач устойчивого развития использует, прежде всего, универсальные, в том числе «консенсусные» формы. Весьма убедительным примером является так называемый «вашингтонский консенсус», включающий хорошо известный перечень, по сути, обязательных установок и направлений деятельности, причем безотносительно к специфике той или иной страны и/или региона мира. На практике *универсализм* инструментов и механизмов обеспечения устойчивого развития все чаще вступает во «взрывоопасное» противоречие с *региональным индивидуализмом*, с особенностями конкретной страны. Названный универсализм как бы оставляет в «покое» цивилизационные, именно геосоциальные, геоэкономические, социокультурные, ценностно-смысловые, ментально-психологические, историко-институциональные и многие другие специфические условия и факторы, характеризующие *действительную качественную целостность* развития стран и регионов мира. При этом, как свидетельствует мировая практика, насильственно внедряемые универсальные «правила игры» (там, где для этого никак не подходит «национально-региональный грунт») закономерно превращаются из низкоэффективных инструментов обеспечения устойчивого развития в мощный фактор турбулентности, хронической неустойчивости и системной региональной деструкции [13]. Очевидно, *методологическая перспектива* обеспечения устой-

чивого развития (либо оценок причин неустойчивого развития) должна наиболее полно учитывать параметры цивилизационной идентичности стран и регионов мира, а также институциональную историю и социальный характер соответствующих сообществ.

В-четвертых, – и это самое главное, – программы и планы устойчивого развития по-прежнему осуществляются в рамках *монетаристской формы либеральной (неолиберальной) идеологии*, разработанной еще в 80-х годах прошлого столетия и являющейся, в силу своей инволюционной реверсивности, методологическим артефактом и исследовательской архаикой [3]. Однако следует подчеркнуть, что как таковой либерализм заключал и будет заключать в себе колоссальный потенциал креативности (на почве необоснованной критики либерализма возникает множество политэкономических спекулятивных теорий и концептов). Речь идет о «монетарной ортодоксии» либерализма, ставшей системной причиной тотальной финансиализации современного общества и практически всех социально-экономических систем, заменив «экономику хлеба» на «экономику зрелищ» и «экономику денег». В условиях финансиализации, или монетизации всех сфер и сторон жизни общества, государства и экономики обеспечить устойчивое развитие не представляется возможным *по определению*. Монетаристская форма либерализма, или монетарная плутократия (власть денег) вряд ли когда-нибудь явится методологическим и научно-практическим

«аргументом» решения стратегических, например, природоохранных, экологических и гуманитарных задач, поскольку главный «промысел» монетарной идеологии всегда связан с «короткими» деньгами и «быстрой» прибылью. Монетаризм характеризуется полной индифферентностью к углубляющемуся социально-экономическому неравенству и прогрессирующей деструкции мирового и регионального человеческого капитала. В свете сказанного, *методологическая перспектива* исследования должна основываться на «либерализме и индивидуализме истинном» (по Ф.Хайеку и Дж.Бьюкенену) [6, 19], в рамках которого не монетарный, а гуманистический либерализм является ключевым базисом конституирования «правил о правилах» и, далее, расширенного воссоздания релевантных «правил игры». Сравнительный анализ действующей научной парадигмы устойчивого развития и соответствующие императивы «сдвига парадигмы», показаны в Таблице 3.

Отмеченные императивы «сдвига парадигмы» могут быть дополнены существующей «эклектикой целевых установок». В частности, семнадцать целей и сто шестьдесят семь задач, выдвинутых ООН, не содержат в себе некий единый функционал, связанный с критически значимой, интегральной целью развития, например, повсеместным становлением и утверждением *достойной жизни человека* (домохозяйства). Очевидно, что единый функционал в форме названного целевого интеграла мог бы стать фактором

Таблица 3.

Методологические положения «сущего» и императивы «сдвига парадигмы» устойчивого развития

Параметры качества концепта	Действующая парадигма устойчивости («сущее»)	Императивы «сдвига парадигмы»
1. Трактовка сущности	Удовлетворение потребностей настоящего времени не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности	Императив: трактовка сущности должна отражать качественную определенность, онтологию феномена «устойчивое развитие»
2. Отношение к нарастанию сложности и открытости системы	Традиционное и неизменное следование «парадигме ВВП», то есть безусловному приоритету «экономического» над другими аспектами человеческого бытия (также часто используется термин «зеленая экономика»)	Императив: Объектное «пространство» должно характеризоваться многодисциплинарным ракурсом исследования; при этом предметное «поле» должно включать индивида, домохозяйство, общество, государство, экономику и природу
3. Отношение к диалектике универсального и индивидуального	Следование концепции универсализма, в том числе форме «вашингтонского консенсуса», порождает и расширенно воссоздает механизмы системной неустойчивости общего и регионально-цивилизационного развития	Императив: Необходим безусловный учет требований «геокультурного кода» каждой страны и региона, что предполагает разработку оригинальных моделей устойчивого развития
4. Политэкономическая форма	Монетарная форма либерализма, или форма «монетарной плутократии» с господством «экономики денег» над «экономикой хлеба»	Императив: Ноосферная (духовно-нравственная), форма либерализма, основанная на индивидуалистической демократии

четкого целеполагания при одновременной «векторной» интенсификации творчески-трудовой энергии всех субъектов деятельности в рамках релевантных дискреционных мероприятий. Здесь же отметим, что множество правильных, весьма интересных и разнообразных, но иерархически «разбросанных» целей и задач, становятся в принципе недостижимы в условиях весьма небольшого разнообразия инструментов и механизмов, также, как показывает практика, мало связанных между собой. В этих условиях «громადье планов» в сфере обеспечения устойчивого развития носит заведомо декларативный характер с явным потенциалом вполне ожидаемых и расширенно воссоздаваемых соответствующих дисфункций.

Заключение. Таким образом, «сдвиг парадигмы» в сфере теоретического обоснования механизмов реализации устойчивого развития есть, прежде всего, результат системных методологических и научно-практических дисфункций, требующих дальнейшего глубокого исследования и тестирования на предмет реального влияния на динамику и качество

социально-экономических и иных процессов региональной динамики. Дисфункции «экономической» парадигмы требуют нового подхода к исследованию сущности устойчивого развития, в «снятом виде» заключающей в себе весь набор последующих «явленческих» форм и модификаций. Кроме того, названная парадигма «сдвигается» также под воздействием императива постоянного усложнения функционирования открытых геосоциальных и геоэкономических систем, что предопределяет глубокое исследование специфики каждого регионального сообщества. При этом все более очевидным является вывод о низкой эффективности «экономизации» в сфере обеспечения устойчивости: экономика является лишь одним из звеньев названных открытых и неравновесных систем, причем с имманентным ей механизмом циклической неустойчивости. В следующих статьях предстоит исследовать «рабочие» формы устойчивости и неустойчивости развития, а также новое качество целевого функционала с релевантным перечнем обеспечивающих функций.

Список литературы

1. *Бобылев С.Н., Зубаревич Н.В., Соловьева С.В.* Вызовы кризиса: как измерить устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147-160.
2. *Брызгалин В.А., Никишина Е.Н.* Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 108-127.
3. *Бузгалин А.В.* Закат неоллиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-142.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3-х т. Т. 2. М., «Мысль», 1971. – 248 с.
5. *Григорьев Л.М., Павлюшина В.А.* Межстрановое неравенство: динамика и проблемы стадий развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 5-30.
6. *Джеймс М.* Бьюкенен. Сочинения. – М.: «Таурус Альфа», 1997. – 560 с.
7. *Дробышевский С.М., Трунин П.В., Божечкова А.В.* Долговременная стагнация в современном мире // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 125-142.
8. *Идрисов Г., Мау В., Божечкова А.* В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5-24.
9. *Капелюшников Р.* Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 104-134.
10. *Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В.* Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 95-119.
11. *Колодко Гж. В.* Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25-45.
12. *Любимов Л.И., Оспанова А.Г.* Как сделать экономику сложнее? Поиск причин усложнения // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 36-54.
13. *Любимов И.Л.* От универсализма к индивидуализму: новые подходы к решению проблем экономического роста // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 108-126.
14. *Полбин А.В., Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В.* Экономический кризис 2020 г.: причины и меры по его преодолению и дальнейшему развитию России // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 5-22.
15. *Рожкова К.В.* Отдача от некогнитивных характеристик на российском рынке труда // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 81-107/
16. *Салихова И.С.* Императивы формирования самообучающейся организации в экономике знаний. М.: изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2017. – 160 с.
17. *Салихова И.С.* Проблемы оценки справедливой стоимости в России // В сборнике: Потенциал социально-экономического развития Российской Федерации в новых экономических условиях. Материалы II Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Под редакцией Ю.С. Руденко, Л.Г. Руденко. 2016. С. 621-628.
18. *Тамбовцев В.Л.* Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 5-31.

19. Фридрих А. Хайек. Дорога к рабству. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 317 с.
 20. United Nations (2012). The Future We Want, Our Common Vision. Outcom Document of the 8 Rio+20 Conference. N.Y.: United Nations.

References

1. *Bobylev S.N., Zubarevich N.V. Solovieva S.V.* Challenges of the crisis: how to measure the sustainability of development? // *Issues of Economy*. 2015. No. 1. Pp. 147-160.
2. *Bryzgalin V.A., Nikishina E.N.* Is there a regional socio-cultural specificity in Russia? Possibilities of using the socio-cultural approach in economics // *Issues of Economy*. 2020. No. 7. Pp. 108-127.
3. *Buzgalin A.V.* The decline of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) // *Issues of Economy*. 2018. No. 2. Pp. 122-142.
4. *Hegel G.V.F.* Science of logic. In 3 volumes. T. 2. M., "Mysl", 1971. – 248 p.
5. *Grigoriev L.M., Pavlyushina V.A.* Cross-country inequality: dynamics and problems of stages of development // *Issues of Economy*. 2018. No. 7. Pp. 5-30.
6. *James M. Buchanan.* Compositions. – M.: "Taurus Alpha", 1997. – 560 p.
7. *Drobyshevsky S.M., Trunin P.V., Bozhechkova A.V.* Long-term stagnation in the modern world // *Issues of Economy*. 2018. No. 11. Pp. 125-142.
8. *Idrisov G., Mau V., Bozhechkova A.* In search of a new growth model // *Issues of Economy*. 2017. No. 12. Pp. 5-24.
9. *Kapelyushnikov R.* The idea of "secular stagnation": three versions / *Issues of Economy* // 2015. No. 5. Pp. 104-134.
10. *Katukov D.D., Malygin V.E., Smorodinskaya N.V.* Factor of creative destruction in modern models and policies of economic growth // *Issues of Economy*. 2019. No. 7. Pp. 95-119.
11. *Kolodko Gzh. B.* Consequences. Economy and politics in the post-pandemic world // *Issues of Economy*. 2020. No. 5. Pp. 25-45.
12. *Lyubimov L.I., Ospanova A.G.* How to make the economy more complex? Search for the reasons for complication // *Issues of Economy*. 2019. No. 2. Pp. 36-54.
13. *Lyubimov I.L.* From universalism to individualism: new approaches to solving the problems of economic growth // *Issues of Economy*. 2019. No. 11. Pp. 108-126.
14. *Polbin A.V., Sinelnikov-Murylev S.G., Trunin P.V.* Economic crisis of 2020: reasons and measures to overcome it and further development of Russia // *Issues of Economy*. 2020. No. 6. Pp. 5-22.
15. *Rozhkova K.V.* Return on non-cognitive characteristics in the Russian labor market // *Issues of Economy*. 2019. No. 11. Pp. 81-107.
16. *Salikhova I.S.* Imperatives of the formation of a self-learning organization in the knowledge economy. M.: ed. CHOUVO "MU im. S.Y. Witte", 2017. – 160 p.
17. *Salikhova I.S.* Problems of assessing fair value in Russia // In the collection: Potential of socio-economic development of the Russian Federation in new economic conditions. Materials of the II International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Edited by Y.S. Rudenko, L.G. Rudenko. 2016. Pp. 621-628.
18. *Tambovtsev V.L.* Narrative analysis in economic theory as an ascent to complexity // *Issues of Economy*. 2020. No. 4. Pp. 5-31.
19. *Friedrich A. Hayek.* The road to slavery. – М.: АСТ: Астрел, 2010. – 317 p.
20. United Nations (2012). The Future We Want, Our Common Vision. Outcom Document of the 8 Rio + 20 Conference. N.Y.: United Nations.

Туманян Гарник Вагинакович,

магистрант Института Экономики и менеджмента, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, город Томск,
tumangar@mail.ru

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ПЕРИОДЫ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ. ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА СОЦИЕТАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В данной статье описываются основные тенденции деятельности правительств в периоды глобальных кризисов. В частности, автором анализируется деятельность правительств в период пандемии коронавирусной инфекции, которая стала новым вызовом для всего человечества и своего рода катализатором вхождения международного сообщества в эпоху «неопределённости». Благодаря глубокому анализу международного опыта можно говорить о существовании большого количества проблем и противоречий, которые приобретают совершенно новые формы под действием «коронакризиса». Существующая на сегодняшний день проблема низкого уровня доверия граждан к действиям правительств становится еще более острой. Общественность начинает задаваться вопросами об эффективности деятельности государственного аппарата и о необходимости его дальнейшего существования в нынешней форме. Становится ясно, что вся система публичного управления нуждается в совершенствовании и трансформациях в соответствии с требованиями акторов.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, COVID-19, государственное управление, правительство, кризис, политика, внутренние проблемы, общественные трансформации, управление

Garnik V. Tumanyan,

Master student, Institute of Economics and Management National Research Tomsk State University, Tomsk,
tumangar@mail.ru

ON THE ACTIVITIES OF GOVERNMENTS DURING GLOBAL CRISES. INFLUENCE COVID-19 AT THE SOCIETAL CHANGES IN THE INTERNAL POLICY

Abstract. This article describes the main trends in government activity in times of global crises. The time period was not chosen by chance, the activity is analyzed during the coronavirus pandemic, which has become a new challenge for all mankind and a kind of catalyst for the international community to enter the era of "uncertainty". Thanks to a deep analysis of international experience, we can talk about the existence of a large number of problems and contradictions, which are acquiring completely new forms under the influence of the "coronacrisis". The current problem of the low level of citizens' confidence in the actions of governments is becoming even more acute. The public begins to ask questions about the effectiveness of the state apparatus and its need to continue to exist in its current form. It becomes clear that the entire public administration system needs to be improved and transformed in accordance with the requirements of the actors.

Keywords: pandemic, coronavirus, COVID-19, public administration, government, crisis, politics, internal problems, social transformations, governance

Вспышка неизвестной ранее коронавирусной инфекции в конце 2019 года в китайском городе Ухань [1] стала новым испытанием для всего мирового сообщества. Коронавирусная инфекция и её стремительное распространение по всем континентам в очень короткие сроки, вкуче с высоким уровнем заражаемости и непредсказуемостью лечения, создала существенные проблемы для правительств. В сфере обеспечения непрерывного процесса реализации

государственных обязательств перед широкой общественностью и отдельными категориями граждан выявились проблемы, требующие незамедлительных управленческих решений. Пандемия COVID-19 стала многовекторной угрозой для всего человечества [2]. Разумеется, решение вопросов обеспечения реализации государственных обязательств перед гражданами является одним из основополагающих аспектов существования правительственного аппарата как

такового. И в данном случае, сложности, возникшие по причине активной интервенции коронавирусной инфекции в жизни граждан, государств и всего мирового сообщества, ставят под вопрос эффективность деятельности правительств, как во время пандемии, так и после неё. Несмотря на мобилизацию огромного количества ресурсов, активное использование резервов, внутренней и внешней помощи, мер, принимаемых правительствами, недостаточно для обеспечения нормального процесса жизнедеятельности своих граждан. Складывается острая необходимость изучения международного опыта публичного управления в условиях пандемии COVID-19.

Пожалуй, несмотря на сложности в реализации полномочий правительствами различных стран, особо выделяется опыт Республики Ирландия. На всеобщих выборах в феврале 2020 года Шинн Фейн впервые получила большинство голосов в Ирландии. Партийная система оставалась сильно фрагментированной, и, поскольку Фианна Файл и Файн Гаэль отказались войти в правительство с Шинн Фейн, формирование правительства заняло рекордные 20 недель. Эти 20 недель совпали с активной фазой распространения коронавируса в Европе. Временное правительство всячески стремилось минимизировать отрицательное влияние коронавируса и принимало важные меры для решения кризисов в сферах здравоохранения, экономики и социальной политики [3].

Несмотря на кропотливую работу, можно говорить о малой эффективности временного правительства и нескончаемых дискуссиях с оппозицией. В конце июня Фианна Файл и Файн Гаэль впервые вошли в состав правительства (одновременно), к ним присоединилась Партия зеленых, образовав трёхпартийную коалицию.

Данный пример говорит о том, что несмотря на серьёзные разногласия между политическими силами, глобальная пандемия и вхождение в «эпоху неопределённости» могут стать связующим звеном для консолидации противоборствующих полюсов с целью решения глобальных проблем и обеспечения эффективного функционирования правительства в вопросе реализации его обязанностей перед своими гражданами.

Говоря о консолидации, необходимо вспомнить о феномене гражданской партиципации с целью решения тех или иных вопросов. Граждане могут объединяться различными способами и с использованием различных социальных технологий. В данном случае, мы акцентируем внимание на пандемию коронавируса, как на звено, связующее акторов и как на катализатор гражданской активности. Исследования, проведенные в Швеции, подтверждают всё вышесказанное, находят ряд закономерностей в процессах гражданской консолидации во время различных кри-

зисов и связи данной консолидации с работой правительства [4].

Залогом эффективности деятельности правительства в кризисное время является доверие, а точнее, взаимное доверие, как по горизонтали между людьми, так и по вертикали между людьми и их правительствами, и наоборот. Граждане должны быть уверены, что рекомендации, которые они получают от органов государственной власти верны, что они отвечают их интересам (или интересам социума) и что большинство других будут следовать этим рекомендациям. В то же время государственные органы должны быть уверены, что их граждане превратят рекомендации в коллективные действия либо управляемое бездействие (например самоизоляция). В такой ситуации правительства обладают значительным капиталом коллективных действий, который потенциально открывает более широкие возможности для принятия политических решений.

Впрочем, политические решения правительств во время экстренных ситуаций могут вызывать бурю общественного неодобрения, что в принципе логично. Сложные ситуации требуют сложных решений, которые реализуются в виде различных ограничительных мер или любых других мероприятий, вызванных решить возникшие проблемы, но причиняющих те или иные неудобства акторам [5].

Данная проблема особо остро встаёт во время пандемии коронавирусной инфекции, ведь большинство решений, принимаемых правительствами, направлены на ограничения прав и свобод граждан, и даже несмотря на глубокую направленность данных мер на сохранение жизни и благополучия общества, некоторые его члены склонны трактовать их в сторону правового ограничения и начала «конца демократии». Но в международной практике существуют примеры обоснованного беспокойства со стороны социума. Эти беспокойства вызваны чрезмерным усилением правительственного контроля над обществом, что узаконено в виде мероприятий по сдерживанию распространения коронавирусной инфекции и выполнению обязательств правительства перед гражданами. Особенно это заметно в странах Персидского залива [6]. В случае усиления данных тенденций правительствам очень важно сохранять верховенство закона и укреплять основы правового государства [7].

В тоже время кризисные периоды всегда притягательны для развития популистических идей и различных дезинформативных элементов, которые могут причинить вреда не меньше, чем протекание самого кризиса. Организация идеологического курса представляет собой стратегические, дискурсивные действия, совершаемые популистскими лидерами, направленные на то, чтобы выдвинуть на первый план социальные противоречия (проблемы),

которые будут действовать для достижения различных политических целей. Эти цели могут проявляться в виде: укрепления власти; подрыва институциональных систем сдержек и противовесов; проведения запретительной или вредной политики в отношении различных категорий граждан; приостановления гражданских свобод, или в виде сочетания всего перечисленного. Популистические идеи нашли своё применение и во время пандемии COVID-19. Наглядным примером являются широко известные притеснения мусульман в Индии, которые были поставлены на новый уровень. В Индийском обществе укоренились идеи (под влиянием лидеров мнений и правительственных чиновников) о том, что коронавирусная инфекция распространяется мусульманами [8], хотя, очевидно, что проблема заключается в невозможности социального дистанцирования в условиях городских трущоб и отсутствием возможностей оказывать содействие местным властям в борьбе с пандемией у правительства [9].

Сценарии развития кризисной ситуации внутри страны могут быть разнообразными. Коронавирусная инфекция, являясь новым вызовом, застала врасплох правительства многих стран. Одни страны начинают ограничивать в правах своих граждан, другие ищут виновников пандемии внутри страны. Существуют и примеры почти полного невмешательства правительств в ситуацию. Так Правительство Швеции полностью возложило политику борьбы с коронавирусом на Агентство общественного здравоохранения [10]. Отдалившись от разрастающейся проблемы и делегировав полномочия, а вместе с ними и ответственность, Правительство вызвало большое недовольство среди граждан и привело в действие механизм неконтролируемых общественных трансформаций. Последствия такой политики привели к большому числу заражений и высокому уровню смертности, который превысил показатели других стран Северной Европы. Примечательно и то, что возрос уровень использования националистической риторики в местных СМИ. Система общественного здравоохранения, считавшаяся одной из лучших в мире, оказалась неэффективной. Но самой острой проблемой для ответственности стало неравномерное распространение коронавирусной инфекции по различным слоям населения [11]. Для страны с подобным уровнем демократии и всеобщего равенства (как национальной идеи) это стало серьёзным вызовом и оружием в руках популистов.

По пути отстранения от кризиса пошло также правительство Великобритании, которое разработало систему смешанного наделения полномочиями различных юрисдикций. Централизованное правительство путём принятия соответствующих нормативно-правовых актов делегировало ответ-

ственность за юридические и практические меры по борьбе с инфекционными заболеваниями четырёх основным юрисдикциям: Англии, Уэльсу, Шотландии, Северной Ирландии [12]. Закон о коронавирусе наделил министров перечисленных территорий полномочиями принимать экстренные меры в ответ на пандемию. Если на начальных этапах пандемии мы можем говорить о высоком уровне координации между территориями и центральным правительством, то в дальнейшем начинается этап реализации различных ограничительных мер и эпидемиологической политики в целом. Существует мнение, что децентрализация управленческих усилий и сильное разграничение полномочий между уровнями власти при эпидемиологических кризисах только обостряет ситуацию и снижает уровень эффективности принимаемых решений [13]. Однако, ситуация усугубляется сложной системой делегирования полномочий, где Центральное правительство оставляет за собой ряд политических инструментов и права на иммиграционный и пограничный контроль. Такая система создаёт большие трудности для общегосударственной борьбы с пандемией. И если не говорить об общественном недовольстве по поводу сложившейся ситуации, нельзя не заметить серьёзнейший упадок доверия граждан к правительству Великобритании [14].

Можно лишь прогнозировать ухудшение эпидемиологической обстановки в стране, что на фоне социально-экономического кризиса и ухудшения бизнес среды приведёт к ещё более низкому уровню доверия граждан к правительству. В итоге, возросшее социальное недовольство может иметь самые непредсказуемые последствия. В случае реализации подобного сценария даже мощнейшие денежные вливания в экономику со стороны правительства [15] и реализация мероприятий по развитию социальной среды будут неспособны вернуть утраченного доверия граждан.

Более сложная обстановка сложилась в странах с авторитарным режимом, которые объявляют удивительные данные о победах над пандемией и положительной динамике заболеваемости либо об практическом отсутствии коронавируса на их территории. Сложность информационной изоляции населения в эпоху цифровизации тормозит работу пропагандистской машины, углубляет социальное недовольство и повышает уровень недоверия к правительству. Можно говорить о неэффективности инициатив, спускаемых «сверху вниз» в авторитарных режимах, что подтверждается опытом Таиланда [16]. Граждане, со временем начинают требовать достоверную информацию и права на участие в публичном управлении.

Бесконечные провалы правительств и их неспособность контролировать ситуацию, кроме углу-

бления гражданского недовольства и взрывоопасной социальной обстановки, также могут отрицательно влиять на психологическое здоровье граждан. Группы граждан, более уязвимых к психическим расстройствам во время пандемии: женщины, безработные, люди с низким уровнем образования, граждане, проживающие в сельской местности, граждане с симптомами гриппа, граждане, страдающие от хронических заболеваний. Депрессия, тревога и стресс преследуют до 20% населения тех стран, где правительство проводит провальную эпидемиологическую политику. Более того, около 49% граждан страдают от умеренного или тяжелого психологического воздействия вспышки [17]. По другим данным этот показатель превышает 52 % [18].

Можно говорить о своеобразной «миссии» коронавируса пандемии. Она обнажила множество проблем, которые годами лежали на задворках внутренней и внешней политики любого государства. Пандемия международного уровня доказала, что современные общественные и политические трансформации требуют использования новых партиципативных технологий в управлении. Коронавирус стал катализатором для многих процессов во всех сферах жизни человечества, но важнейшим из них можно назвать вхождение в «эпоху неопределенности» со всеми вытекающими из этого последствиями. Деятельность правительств в подобные моменты будет под пристальным вниманием общественности, любые шаги будут находить активную критику и недовольство.

Список литературы

1. Zhu N., Zhang D., Wang W., Li X., Yang B., Song J., Zhao X., Huang B., Shi W., Lu R., Niu P., Zhan F., Ma X., Wang D., Xu W., Wu G., Gao G.F., Tan W. A novel coronavirus from patients with pneumonia in China // *New England Journal of Medicine*. 2019. № 8. P. 727-733.
2. Bowsher G., Bernard R., Sullivan R. A Health Intelligence Framework for Pandemic Response: Lessons from the UK Experience of COVID-19 // *Health Security*. 2020. №6. P. 435-443.
3. Little C. Change gradually, then all at once: The general election of february 2020 in the republic of Ireland // *West European Politics*. 2021. №3. P. 714-723.
4. Harring N., Jagers S.C., Lofgren A. COVID-19: Large-scale collective action, government intervention, and the importance of trust // *World Development*. 2021. №138. Article№ 105236
5. Marcau F.C. Analysis of democratic states on the reduction of human rights during the Sars-Cov-2 pandemics // *Astra Salvensi*. 2020. №15. P. 83-94.
6. Hedges M. Power consolidation through turmoil: COVID-19 in the GCC // *Orient*. 2020. №3. P. 59-65.
7. Mendieta D., Algarin Herrera G.M. Rule of law and constitutional model against the 2020 pandemic // *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 2020. №8. P. 30-40.
8. Prasad A. The organization of ideological discourse in times of unexpected crisis: Explaining how COVID-19 is exploited by populist leaders // *Leadership*. 2020. №3. P. 294-302.
9. Wasdani K.P., Prasad A. The impossibility of social distancing among the urban poor: the case of an Indian slum in the times of COVID-19 // *Local Environment*. 2020. №5. P. 414-418.
10. Baral S., Chandler R., Prieto R.G., Gupta S., Mishra S., Kulldorff M. Leveraging epidemiological principles to evaluate Sweden's COVID-19 response // *Annals of Epidemiology*. 2021. №54. P. 21-26.
11. Andersson S., Aylott N. Sweden and coronavirus: Unexceptional exceptionalism // *Social Sciences*. 2020. №12. P.1-17.
12. Frowde R., Dove E.S., Laurie G.T. Fail to Prepare and you Prepare to Fail: the Human Rights Consequences of the UK Government's Inaction during the COVID-19 Pandemic // *Asian Bioethics Review*. 2020. №4. P. 459-480.
13. Asmorowati S., Schubert V., Ningrum A.P. Policy capacity, local autonomy, and human agency: tensions in the intergovernmental coordination in Indonesia's social welfare response amid the COVID-19 pandemic // *Journal of Asian Public Policy*. 2021. №1. P.1
14. Atkinson P., Gobat N., Lant S., Mableson H., Pilbeam C., Solomon T., Tonkin-Crine S., Sheard S. Understanding the policy dynamics of COVID-19 in the UK: Early findings from interviews with policy makers and health care professionals // *Social Science and Medicine*. 2020. № 266. Article№ 113423
15. Keogh-Brown M.R., Jensen H.T., Edmunds W.J., Smith R.D. The impact of Covid-19, associated behaviours and policies on the UK economy: A computable general equilibrium model // *SSM – Population Health*. 2020. №12. Article № 100651
16. Chachavalpongpun P. COVID-19 attacks the regime: The case of Thailand // *Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2020. №15. P. 1-12.
17. Paulino M., Dumas-Diniz R., Brissos S., Brites R., Alho L., Simoes M.R., Silva C.F. COVID-19 in Portugal: exploring the immediate psychological impact on the general population // *Psychology, Health and Medicine*. 2021. №1. P. 44-55.
18. Riaz M., Abid M., Bano Z. Psychological problems in general population during covid-19 pandemic in Pakistan: role of cognitive emotion regulation // *Annals of Medicine*. 2021. №1. P. 189-196.

References

1. Zhu N., Zhang D., Wang W., Li X., Yang B., Song J., Zhao X., Huang B., Shi W., Lu R., Niu P., Zhan F., Ma X., Wang D., Xu W., Wu G., Gao G.F., Tan W. A novel coronavirus from patients with pneumonia in China // *New England Journal of Medicine*. 2019. № 8. P. 727-733.
2. Bowsher G., Bernard R., Sullivan R. A Health Intelligence Framework for Pandemic Response: Lessons from the UK Experience of COVID-19 // *Health Security*. 2020. №6. P. 435-443.
3. Little C. Change gradually, then all at once: The general election of february 2020 in the republic of Ireland // *West European Politics*. 2021. №3. P. 714-723.
4. Harring N., Jagers S.C., Lofgren A. COVID-19: Large-scale collective action, government intervention, and the importance of trust // *World Development*. 2021. №138. Article№ 105236
5. Marcau F.C. Analysis of democratic states on the reduction of human rights during the Sars-Cov-2 pandemics // *Astra Salvensi*. 2020. №15. P. 83-94.
6. Hedges M. Power consolidation through turmoil: COVID-19 in the GCC // *Orient*. 2020. №3. P. 59-65.
7. Mendieta D., Algarin Herrera G.M. Rule of law and constitutional model against the 2020 pandemic // *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 2020. №8. P. 30-40.
8. Prasad A. The organization of ideological discourse in times of unexpected crisis: Explaining how COVID-19 is exploited by populist leaders // *Leadership*. 2020. №3. P. 294-302.
9. Wasdani K.P., Prasad A. The impossibility of social distancing among the urban poor: the case of an Indian slum in the times of COVID-19 // *Local Environment*. 2020. №5. P. 414-418.
10. Baral S., Chandler R., Prieto R.G., Gupta S., Mishra S., Kulldorff M. Leveraging epidemiological principles to evaluate Sweden's COVID-19 response // *Annals of Epidemiology*. 2021. №54. P. 21-26.
11. Andersson S., Aylott N. Sweden and coronavirus: Unexceptional exceptionalism // *Social Sciences*. 2020. №12. P.1-17.
12. Frowde R., Dove E.S., Laurie G.T. Fail to Prepare and you Prepare to Fail: the Human Rights Consequences of the UK Government's Inaction during the COVID-19 Pandemic // *Asian Bioethics Review*. 2020. №4. P. 459-480.
13. Asmorowati S., Schubert V., Ningrum A.P. Policy capacity, local autonomy, and human agency: tensions in the intergovernmental coordination in Indonesia's social welfare response amid the COVID-19 pandemic // *Journal of Asian Public Policy*. 2021. №1. P.1
14. Atkinson P., Gobat N., Lant S., Mableson H., Pilbeam C., Solomon T., Tonkin-Crine S., Sheard S. Understanding the policy dynamics of COVID-19 in the UK: Early findings from interviews with policy makers and health care professionals // *Social Science and Medicine*. 2020. № 266. Article№ 113423
15. Keogh-Brown M.R., Jensen H.T., Edmunds W.J., Smith R.D. The impact of Covid-19, associated behaviours and policies on the UK economy: A computable general equilibrium model // *SSM – Population Health*. 2020. №12. Article№ 100651
16. Chachavalpongpun P. COVID-19 attacks the regime: The case of Thailand // *Asia-Pasific Journal: Japan Focus*. 2020. №15. P. 1-12.
17. Paulino M., Dumas-Diniz R., Brissos S., Brites R., Alho L., Simoes M.R., Silva C.F. COVID-19 in Portugal: exploring the immediate psychological impact on the general population // *Psychology, Health and Medicine*. 2021. №1. P. 44-55.
18. Riaz M., Abid M., Bano Z. Psychological problems in general population during covid-19 pandemic in Pakistan: role of cognitive emotion regulation // *Annals of Medicine*. 2021. №1. P. 189-196.

Воронцов Андрей Леонидович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры Административного и трудового права, ФГБОУ ВО Юго-Западный государственный университет, город Курск,
e-mail: vorontsov.a.l@mail.ru

Andrey L. Vorontsov,

PhD in History, Associate Professor of the Department of Administrative and labor law, Southwest State University, Kursk

Воронцова Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства, ФГБОУ ВО Юго-Западный государственный университет, город Курск,
e-mail: proskyrinae@mail.ru

Elena V. Vorontsova,

PhD in law, Associate Professor of the Department of Financial Law, constitutional, civil and administrative proceedings, Southwest State University, Kursk

Гостев Александр Николаевич,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры Теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД РФ, Москва,
e-mail: Gostevan@inbox.ru

Alexander N. Gostev,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow

Гурина М.А.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента, ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, город Липецк,
e-mail: mag30@mail.ru

M.A. Gurina,

PhD in Economic, Associate professor, Associate Professor of the Department of State, Municipal Service and Management, Russian Academy of National Economy and public service under the President Russian Federation, Lipetsk branch, Lipetsk

Демченко Татьяна Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва,
e-mail: tstarshinova@mail.ru

Tatyana S. Demchenko,

PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Advertising and Public Relations, Institute of Business Career, Moscow

Дорофеев Игорь Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права и процесса, АНО ВО Открытый гуманитарно-экономический университет, Москва, e-mail: idor1965@yandex.ru

Igor N. Dorofeev,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Open Humanitarian and Economic University, Moscow

Кадыров Рамиль Харисович,

слушатель Академии управления МВД РФ, майор полиции, начальник отдела экономической безопасности и противодействия коррупции отдела МВД России по Альметьевскому району Республики Татарстан, город Альметьевск, e-mail: Krh8888@mail.ru

Ramil H. Kadyrov,

student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, police major, head of the department of economic security and anti-corruption of the department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Almetyevsky district of the Republic of Tatarstan, Almetyevsk

Кленкина Ольга Валерьевна,

кандидат юридических наук, декан юридического факультета, АНО ВО Самарский университет государственного управления Международный институт рынка, город Самара, e-mail: olga.v.klenkina@gmail.com

Olga V. Klenkina,

PhD in law, Dean of the Faculty of Law, Samara University of Public Administration International Market Institute, Samara

Королева Екатерина Артуровна,

аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, e-mail: katik@mail.ru

Ekaterina A. Koroleva,

Post-graduate student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg

Кузьмин Илья Александрович,

преподаватель, Школа бизнеса «Королевские беседы», город Казань, e-mail: kuzmili@mail.ru

Ilya A. Kuzmin,

teacher, Business School «Royal Conversations», Kazan

Лисова Екатерина Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления и конституционного права, АНО ВО Институт деловой карьеры, Москва, e-mail: lisovaekaterina78@gmail.com

Ekaterina V. Lisova,

PhD in Sociology, assistant Professor, Full Professor of the Chair State and municipal administration and constitutional law, Institute of business career, Moscow

Салихов Борис Варисович,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Теории регионоведения, Московский государственный лингвистический университет, Москва,
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Boris V. Salikhov,

Doctor of Economics, professor, professor of Theory of region studies department of the Moscow state linguistic University, Moscow

Туманян Гарник Вагинакович,

магистрант Института Экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет, город Томск,
e-mail: tumangar@mail.ru

Garnik V. Tumanyan,

Master student, Institute of Economics and Management National Research Tomsk State University, Tomsk

Чернявский Александр Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права, Военный Университет Министерства Обороны Российской Федерации, Москва,
e-mail: Aleksandrcher@mail.ru

Alexander G. Chernyavsky,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

Шиханова Елена Геннадьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры Социальных систем и права, ФГАОУ ВО Самарский национальный исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, город Самара,
e-mail: Elen69295@rambler.ru

Elena G. Shikhanova,

PhD in Pedagogic, Associate Professor of the Department of Social Systems and Law, Samara National Research University, Samara

Шурупова А.С.,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал, город Липецк,
e-mail: shurupova2011@mail.ru

A.S. Shurupova,

PhD in Economic, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State, Municipal Service and Management, Russian Academy of National Economy and public service under the President Russian Federation, Lipetsk branch, Lipetsk

Яковлева Анастасия Анатольевна,

студент, ФГАОУ ВО Самарский национальный исследовательский университет
им. Академика С.П. Королева, город Самара,
e-mail: ajeckson@yandex.ru

Anastasia A. Yakovleva,

Student, Samara National Research University, Samara